

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 27, № 2, 2019 (апрель – июнь)

Сквозной номер выпуска – 106

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68/1

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 27, No. 2, 2019 (April – June)

Continuous issue 106

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

**e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>**

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2019

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНПИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main content of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the editorial office for the purpose of their expert evaluation.

Editorial staff's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. Journal's editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

The Journal is indexed and archived in *Russian Science Citation Index* (RSCI), in *CyberLeninka* scientific electronic library, in Lan electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics* (ZBW).

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and the international community of reviewers Publons.

The Journal is included in the List of the peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of Ph. D. and doctoral theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and national economy management

Social structure, social institutions and processes

Political institutions, processes and technology

Political issues of international relations, global and regional development

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Россия)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Россия)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры европейских исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Россия)

Гришин Виктор Иванович – ректор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор, rector@rea.ru (Москва, Россия)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Россия)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Россия)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Россия)

Кизима Сергей Анатольевич – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Россия)

Лалин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Россия)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Россия)

Немировский Валентин Геннадьевич – старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Россия)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Россия)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центральном-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Россия)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – **Editor-in-Chief**, Rector of National Research Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Sergey V. Polutin – **Deputy Editor-in-Chief**, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russia)

Svetlana V. Gordina – **Executive Editor**, Member of European Association of Science Editors (EASE), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russia)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor N. Barygin – Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russia)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russia)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russia)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russia)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russia)

Viktor I. Grishin – Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, rector@rea.ru (Moscow, Russia)

Sergey A. Kizima – Head of Department, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russia)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russia)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russia)

Valentin G. Nemirovskiy – Senior Researcher at the Training and Research Laboratory, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russia)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russia)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russia)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и управление народным хозяйством

- Л. Н. Саргсян.** Экспорт, прямые иностранные инвестиции и валовой внутренний продукт: пример стран Содружества Независимых Государств и Армении 206
- М. А. Жулина, В. М. Кицис, С. В. Сарайкина.** Макроэкономическая характеристика экономики туризма Тунисской Республики 224
- Е. Г. Воробьева, И. Г. Кильдюшкина.** Угрозы экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия 246

Политическая регионалистика. Этнополитика

- М. И. Колыхалов.** Анализ и классификация основных факторов, определяющих современные международные связи регионов государств 270
- А. И. Беляйкина.** Региональные особенности в законодательстве Республики Мордовия об образовании 290

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова.** Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы 310
- Т. М. Шамсутдинова.** Роль и место образования в преодолении цифрового неравенства (по материалам Республики Башкортостан) 330
- В. В. Бахарев, В. А. Демина.** Участие сетевых сообществ в формировании социального капитала в процессе партисипативного проектирования архитектурно-ландшафтного пространства города 354
- Информация для авторов и читателей (на рус. яз.)** 382
- Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)** 384

CONTENTS

Economics and Management of National Economy

L. N. Sargsyan. Export, Foreign Direct Investment and Gross Domestic Product: Case of the Commonwealth of Independent States Countries and Armenia	206
M. A. Zhulina, V. M. Kitsis, S. V. Saraykina. Macroeconomic Characteristics of Tourism Economy in the Republic of Tunisia	224
E. G. Vorobyova, I. G. Kildyushkina. Threats to the Economic Security of the Agricultural Sector of the Republic of Mordovia	246

Political Regional Studies. Ethnopolitics

M. I. Kolykhalov. Analysis and Classification of the Main Factors Determining Modern International Connections of Regions of States	270
A. I. Beliaikina. Regional Features in the Legislation of the Republic of Mordovia on Education	290

Social Structure, Social Institutions and Processes

L. N. Lipatova, V. N. Gradusova. Human Development in Russia: Major Achievements and Threats	310
T. M. Shamsutdinova. The Role and Place of Education in Bridging the Digital Divide (the Case Study of the Republic of Bashkortostan)	330
V. V. Bakharev, V. A. Demina. Participation of Online Communities in the Formation of Social Capital in the Process of Participatory Design of Architectural and Landscape Space of the City	354
Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)	382
Information for Authors and Readers of the Journal (in English)	384

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 339.564:339.727.24(1-87)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201902.206-223

ISSN 2413-1407 (Online)

Export, Foreign Direct Investment and Gross Domestic Product: Case of the Commonwealth of Independent States Countries and Armenia

L. N. Sargsyan

*M. Kotanyan Institute of Economics, National Academy
of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia),
sarg.lilit@yahoo.com*

Introduction. Export and foreign direct investment have great significance for economic development of the developing and transition countries, like Armenia and the Commonwealth of Independent States countries. As the domestic market of the Republic of Armenia is small, Armenia's economic development depends on external demand. The aim of this article is to estimate the impact of foreign direct investment and export on gross domestic product of the Commonwealth of Independent States countries and the Republic of Armenia.

Materials and Methods. For the Commonwealth of Independent States countries, regression analysis with panel data was performed using Stata V10 statistical package. For Armenia, correlation and regression analysis was performed, the results of the Granger causality test were revealed. The regression analysis employed the least squares method.

Results. The performed analysis has shown that in the Commonwealth of Independent States countries the export growth of 1 % causes the gross domestic product growth of 0.92 % and the increase in foreign direct investment of 1 % causes the gross domestic product growth of 0.4 %. In the Republic of Armenia, the export growth of 1 unit causes the gross domestic product growth of 8.89 units and the increase in foreign direct investment of 1 unit causes the gross domestic product growth of 1.23 units.

Discussion and Conclusion. Comparison of the obtained results with those of the similar analysis conducted earlier by the author makes it possible to state that in the Commonwealth of Independent States countries the impact of export has decreased while the impact of foreign direct investment has increased. In Armenia, the impact of both export and foreign direct investment is higher than before. The materials of

© Sargsyan L. N., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

this article may be useful for other researcher studying this issue, as well as for the governments of the Commonwealth of Independent States countries and the Republic of Armenia responsible for the development of the economic policy.

Keywords: export, foreign direct investment, gross domestic product, export-led growth hypothesis, econometric analysis

Экспорт, прямые иностранные инвестиции и валовой внутренний продукт: пример стран Содружества Независимых Государств и Армении

Л. Н. Саргсян

Институт экономики имени М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения (г. Ереван, Армения),

sarg.lilit@yahoo.com

Введение. Экспорт и прямые иностранные инвестиции имеют большое значение для экономического развития развивающихся стран и стран с переходной экономикой, таких как Армения и страны Содружества Независимых Государств. Внутренний рынок Армении небольшой, поэтому опорой для экономического развития страны может послужить внешний спрос. Цель статьи – провести оценку влияния прямых иностранных инвестиций и экспорта на валовой внутренний продукт стран Содружества Независимых Государств и Армении.

Материалы и методы. Регрессионный анализ с панельными данными для стран Содружества Независимых Государств был выполнен с помощью статистического пакета Stata V10. Для Армении проводился корреляционный и регрессионный анализ, а также показаны результаты теста Грэнджера. Регрессионный анализ проводился методом наименьших квадратов.

Результаты исследования. Анализ показал, что в странах Содружества Независимых Государств рост экспорта на 1 % приводит к росту валового внутреннего продукта на 0,92 %, а рост прямых иностранных инвестиций на 1 % – к росту валового внутреннего продукта на 0,4 %. По Республике Армения выявлены следующие показатели: рост экспорта на одну условную единицу приводит к росту валового внутреннего продукта на 8,89 единиц, а рост прямых иностранных инвестиций – к росту валового внутреннего продукта на 1,23 единицы.

Обсуждение и заключение. Сравнивая полученные результаты с данными аналогичного анализа, проведенного нами ранее, можно сказать, что в странах Содружества Независимых Государств влияние экспорта снизилось, а прямых иностранных инвестиций – возросло. В Армении влияние и экспорта, и прямых иностранных инвестиций на данный момент выше, чем раньше. Материалы статьи могут быть полезны исследователям, занимающимся данной проблемой, а также руководящим органам стран Содружества Независимых Государств и Республики Армения, разрабатывающим экономическую политику.

Ключевые слова: экспорт, прямые иностранные инвестиции, валовой внутренний продукт, гипотеза роста с экспортной ориентацией, эконометрический анализ

Introduction. Foreign trade and foreign direct investment are the important factors affecting on every country's economic development. There are many analyzes in the economic literature that argued the relationship between foreign trade and foreign direct investment (FDI), as well as their significant role in achieving economic growth. Two components of the country's foreign trade, export and import, show the level of economic development of the country. Usually raw materials are the main components of export of the countries with weak economies. The opposite situation is in the countries with developed contrary.

Nevertheless, even the countries with most developed economies cannot produce and export all kinds of products. Depending on the existing resources and other circumstances of the country, the country may have a comparative or competitive advantage in terms of production and export of some products.

Surely the export and import have some impact on economic growth and economic development of the country. It must be noted also that the impact of export and import on economic growth is related to their commodity structure. In the countries, which export is high-technology oriented, this impact is higher, than in the countries with export oriented to the raw materials.

What about FDI, it enables the development of the economy thanks to the financial resources of the residents of other countries. However, it is clear that foreign investments cannot be implemented in each sector of the economy as the foreign investor first of all thinks of getting maximum profits and he will not investing in non-efficient sectors of the economy.

Thus, from the point of view of involvement of FDI, it is also very important to reveal the sectors, which have comparative or competitive advantage of the economy, and to combine them with the favorable investment climate.

The best practices show that FDI plays an important role in the achievement of economic development and economic growth. The economy of Republic of Armenia (RA) is quite small, that is why the FDI in the economy of RA are inconsistent. The problem became even more acute in 2015, when in RA economy FDI reduced by more than 50 % in comparison to last year. For the development of more effective policy for attraction of FDI, it is quite essential to assess the impact of FDI on economic growth in RA and show how it differs from the average global indicator [1].

The aim of this article is to estimate the impact of FDI and export on economic growth in CIS countries and in RA, using panel data analysis, and showing the ways of expressing it in separate countries.

Literature Review. FDI and foreign trade have been the main driver forces for the development of the global economy for a long time. It is clear that to export some products the producer must make them competitive in the foreign market. Overall the necessary condition for the growth of competitiveness of the national economy is the involvement of foreign direct

investment, which brings new technologies and modern management methods, as well as causes raise of domestic investments that play a significant role in the economic growth of the country.

Based on the experience of a number of South-East Asian emerging countries, we can say that local investment growth in the economy begins when there are some inflow of foreign capital.

One of the most frequent problems in developing countries is lack of savings. Because of this the government of these countries have to involve the foreign investments to provide economic development. To illustrate the importance of this problem, many authors have studied the impact of FDI on economic growth.

Some economists argued that FDI is one of the factors impacting on economic growth, as well as it is the main ways to transfer the knowledge and technology from one country to the other [2; 3]. The other economists focused on the existence of multinational firms, which means that host countries attract FDI because of the possibilities of higher returns [4].

Many authors have revealed the positive relation between FDI and economic growth. For example Zekariaz analyzing the panel data of 14 African countries for the time period of 34 years (1980–2013) confirmed the positive relation between these two variables [5]. He stated that to involve the FDI the African countries must improve the investment climate, must develop the human capital and some infrastructures, and also have to provide the export stimulation policy.

Mohammed and Abadi have revealed the positive impact of FDI on economic growth by the data of Jordan during the period of 1990–2009. The authors explained this impact by favorable investment climate, by well-developed infrastructure etc. [6].

Besides this Demirsel, Ögüt and Mucuk based on the data (2002–2014) of Turkey stated that there is not a relationship between FDI and economic growth for a long-run period¹.

Sothan has provided the same analysis for Cambodia, based on data of 1980–2014. As a result he stated that in the short-run period there is a negative relation between FDI and economic growth, but in the long-run period this relation is positive [7].

Another economist based on the data of Pakistan over the period 1966–2014 has shown that the FDI has a significant positive relation with economic growth both in short- and long-run periods².

¹ Demirsel M.T., Ögüt A., Mucuk M. The Effect of Foreign Direct Investment on Economic Growth: The Case of Turkey. 01 September 2014. 12th International Academic Conference. Prague. ISBN 978-80-87927-04-5, IISES. p. 297-306.

² Javaid W. Impact of FDI on Economic Growth of Pakistan, Pakistan; 2016. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:944306/FULLTEXT01.pdf> (accessed 17.02.2019).

Another analysis for Pakistan too revealed the positive relation between FDI and economic growth [8].

Choi and Baek have shown based on the example of India, that the inflow of FDI to India indeed improves total factor productivity growth through positive spillover effects [9].

Analyzing the impact of FDI on GDP growth in the Central and Eastern European countries during the period of 2000–2012, especially for the Czech Republic, Estonia, Hungary, Latvia, Lithuania, Poland, Slovakia and Slovenia Hlavacek and Bal-Domanska have shown that the FDI has a big significance for economic growth of Estonia, Hungary, Czech Republic and Slovakia, but the influence has been low in Lithuania, Poland, Latvia, and Slovenia [10].

Another study shows that there is a relationship between FDI, trade, and GDP per capita for Bangladesh for the period of 1973–2014. The VECM analysis shows that there is a long-run relationship between FDI, trade and GDP per capita [11].

Caroline Ekholm in her study want to show the effect of greenfield and M&A on economic growth in developing countries. Analyzing the panel data for 32 countries over the time-period 2003–2015, she found an inconclusive effect these variables on economic growth³.

Some economists would like to estimate the impact of FDI on economic growth. The study of Akpan and Eweke focused on the nexus between FDI, Industrial Sector Development and Economic Growth in Nigeria, using data from 1981–2015. They argued that the the FDI growth by 1 % causes GDP growth in the next period by 0.0000007 % [12].

S. Koojaroenprasit revealed another coefficient of impact of FDI on GDP growth based on the data of South Korea. The author stated that the FDI growth by 1 unit causes GDP growth by 61.9 unit [13].

Aida Barkauskaite and Violeta Naraskeviciute calculated the impact coefficient of FDI on GDP growth for Estonia and Lithuania during the period of 2000–2012. The analysis shows that the FDI impact on GDP is lower in Estonia, but higher in Lithuania [14].

Analysis of correlation coefficients between world's and Armenian FDI and GDP growth shows that significant correlation exists between FDI and economic growth both in the world (0.53) and in RA (0.50) [15].

What about relationship between trade and GDP, this is the most analyzed problems of international economics. Besides this the problem is interesting till nowadays.

Unexpected economic growth in the number of South-East Asian economies during post-war era, accompanied by a similarly unexpected growth of

³ Ekholm C. Foreign Direct Investment's Effect on Economic Growth in Developing Countries: Cross-Border Mergers and Acquisitions versus Greenfield Investments. August 2017. Lund University School of Economics and Management. p. 26-27.

exports. At the same period the economic growth in Latin America was too weak, because of its economic policy which was based on domestic market. This comparative analysis shows that the export and foreign trade plays an important role for economic development of any country.

Being the countries with poor base of resources, densely populated and mostly agricultural economies, a number of South-East Asian countries were able to increase the average level of real income in a short time period. It must be noted that for getting this big growth rate these countries have to shift from import substitution to the export stimulation policy⁴.

The empirical study of Ahmad, Afzal and Khan examined the impact of exports on the economic growth of Pakistan. The study obtained annual time series data from 1972–2014. As a result revealed that export positively affect the economic growth while imports, consumer price index and terms of trade negatively affect the economic growth. Policy measures to promoting exports of valuable goods and importing capital goods for the further economic activity must be encouraged [16].

The paper of Sayef Bakari and Mohamed Mabrouki investigated the relationship between exports, imports, and economic growth in Panama. As a result they found that there is a bidirectional causality between imports and economic growth and also between exports and economic growth in Panama [17].

Nguyen Thanh Hai based on regression analysis revealed the positive relationship between export and economic growth in Vietnam. The autor showed also that 1 unit export growth can cause the DP growth by 6.113 unit [18].

Another interesting issue provided by Jetter M. He was developed an index measuring the average market form of a country's exports. As a result he shows that 1 unit increase caused the growth by 0.885 % [19].

Shivneil Kumar Raj and Priteshni Pratibha Chanda aimed to show the relationship between exports and economic growth in Fiji, using the regression analysis. As a results they stated that there is a strong positive relationship between Fiji's exports and economic growth during the period 2000–2015. Moreover the authors show the sectors, which development can raise the Fiji's exports in future. These sectores are sugar, garment, tourism and agriculture [20].

Jeton Shqiri based on the data of Macedonia argued that 1 % of export growth generates 10.3 % of growth in GDP in Macedonia [21].

The more large research is provided by Zahanogo Pam. He showed how trade openness affects economic growth in developing countries, based on data of sub-Saharan Africa. He used a dynamic growth model with data from 42 for the time period since 1980 to 2012. He indicated that there

⁴ Kokko A. Export-Led Growth in East Asia: Lessons for Europe's Transition Economies. EJS Working Paper No 142. 2002. p. 25.

is a trade threshold, which is the margin for impact on economic growth: trade openness, more than this margin raises GDP, and less than this margin decreases GDP [22].

In general the export growth causes the scale effect, as well as the inflow of foreign currency. First of them can bring more effective resources allocation, and the second way can let us to import raw materials, intermediate goods, technologies etc. As a result of all this process will raise the efficiency of production and finally this will cause the economic growth. This is the main mechanism for export to impact on economic growth. So in this analysis will be checked this mechanism of impact [23].

There are many analyses to check if the export-led growth hypothesis is valid for this or that country. The results of these issues are not the same. Sometimes they reject each other.

Balssa, summarizing the postwar experience, noted that the countries with the development strategy based on export and import have a dominant effect both in terms of export, economic growth and employment⁵.

Rally, the countries that have applied this policy, for example the “Tiger” countries of Asia, have the highest rates of growth, despite the Asian crisis. As Barron and Salla-i-Martin argued, in the 1960–2000s Taiwan (6.4 %), Singapore (6.2 %), South Korea (5.9 %) and Hong Kong (5.4 %), have the highest rate of GDP per capita growth (among 112 countries)⁶.

Another analysis for Pakistan was provided by A. Fatemah and A. Qayyum. They show if the Export-led Growth hypothesis is valid for Pakistan during the period 1971–2016. The authors stated that the export is one of more important factors affecting on economic growth of Pakistan. The analysis revealed that besides export there are more factors, which impact on economic growth of Pakistan in long and short run period. These factors are labor, investment and domestic credit to private sector⁷.

Early-stage surveys on export and economic growth were provided the analysis based on cross-section or panel data. Based on 1950–73s data of 41 developing countries Michaely revealed that in the 23 most developed countries there are the significant positive relation between GDP per capita growth and export/GDP. But he can not reveal any relation for poor countries. Based on these results he argued that export can cause economic growth only when the countries have reached a minimum level of development⁸.

⁵ Balassa B. Exports and Economic Growth: Further Evidence. *Journal of Development Economics*. 1978; 5(2):181-189.

⁶ Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth (2nd Edition ed.). The MIT Press. 2004.

⁷ Fatemah A., Qayyum A. Modeling the Impact of Exports on the Economic Growth of Pakistan. MPRA Paper No. 83929. Posted 16 January 2018. p. 21. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/83929/1/MPRA_paper_83929.pdf (accessed 17.02.2019).

⁸ Michaely M. Exports and Growth: An Empirical Investigation. *Journal of Development Economics*. 1977; (4):49-53.

The same analysis was provided by Balassa for 11 developing countries. Using the time series data for the period of 1960–73s he stated the same result of Michaely⁹.

A. A. M. Turkhan and N. Shirazi were examined the export-led growth hypothesis for 5 South Asian countries. Strong support for a long-run relationship among export, import and GDP for all the countries except Sri Lanka were found [24].

E. J. Medina-Smith analyses the 41 issues, provided during the period of 1967–98. 19 issues were provided using time series, and 22 of them are by panel data. Thus, he argued that only 2 of analysed 22 panel data analysis has totally reject the export-led-growth hypothesis. And 11 of the time series studies have only partly confirmed this version¹⁰.

Thus the analysis above shows that export and FDI have a great impact on economic growth. So we want to calculate this impact for CIS countries, as well as for Armenia.

Materials and Methods. For CIS countries the regression analysis will be performed with panel data, using the statistical package Stata V10. The method for regression analysis is the least squares method. The annual data of 11 CIS countries will be analysed for the time period of 2000–2017. The fixed effect and random effect methods will be checked out. The data analysed are follow: GDP by constant prices in 2000, export by constant prices in 2000, FDI by constant prices in 2000. The number of observation will be 173. All the data will be presented by natural logarithm. The data base is electronic data of World bank.

For Armenia the correlation, regression analysis will be performed, as well as the results of Granger-causality test will be shown. For this analysis the data are chosen quarterly 1998:Q1 – 2017:Q4. The data used are follow: quarterly data of GDP 1998:Q1 – 2017:Q4, by current prices in US dollar, quarterly data of export 1998:Q1 – 2017:Q4, by current prices in US dollar, quarterly data of FDI 1998:Q1 – 2017:Q4, in US dollar. The database for this analysis is the electronic database of the Statistical Committee of RA. The observation number will be 79 after adjusted endpoints. The method for regression analysis is the least squares method provided by Eviews 4.

Results. In this article, we examine the impact of exports and FDI on economic growth in the CIS countries in order to reveal the development trends of each country. To achieve this goal, we will provide a regression analysis with panel data from 11 CIS countries (Armenia, Azerbaijan, Be-

⁹ Balassa B. Exports and Economic Growth: Further Evidence. *Journal of Development Economics*. 1978; 5(2):181-189.

¹⁰ Medina-Smith E.J. Is the Export-Led Growth Hypothesis Valid for Developing Countries? A Case Study of Costa Rica, Policy Issues in International Trade and Commodities Study Series no. 7. UNCTAD. 2001. p. 57.

larus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Russia, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine, Uzbekistan).

There is a possibility that in each country there may be some constant variables that affect GDP, but we did not take them into account in the model (these could be any characteristic features for each country, for example, the number of populations, or the unemployment rate, or something else). To study all these cases, we will use the fixed-effects method. The results are shown in the table 1.

Table 1. The result of our model after using the fixed-effect method

Таблица 1. Результаты модели после применения метода фиксированных эффектов

Factors affecting on GDP/ Факторы, влияющие на ВВП	Coefficients (Standard error) / Коэффициенты (стандартная ошибка)
Export / Экспорт	0.92 (0.113)**
FDI / ПИИ	0.40 (0.106)**
Constant / Константа	1.42e+10
Adj R-squared = 0.966 / Скорректированный R-квадрат равен 0.966	

So we can show the regression model as follow:

$$\text{GDP} = 1.42e + 10 + 0.92 \times \text{Exp} + 0.4 \times \text{FDI}.$$

But, as we know, not only constant variables can impact on economic growth, but also the random variables. For example, in each country, some random and unexpected changes could occur during the study period, which could negatively or positively affect economic growth. To take these cases into account we must use the random-effects method. The results are shown in table 2.

In this case the regression model can be presented as follow:

$$\text{GDP} = -2.27e + 06 + 2.25 \times \text{Exp} + 1.111 \times \text{FDI}.$$

And after all this, we are faced with the question – which of the above effects is more significant for our model? To answer this question, we test the significance of the effects using the Houseman test. The Hausman test showed that the significance of the effects of constant variables is much higher than the significance of the effects of random variables. Thus, the model that best represents the dependence of GDP on export and FDI is a model with fixed-effect methods. So we can state that the raise of export by 1 % causes economic growth in 0.92 %, and 1 % raise of FDI caused GDP growth by 0.4 %.

Table 2. The result of our model after using the random-effect method

Таблица 2. Результаты модели после применения метода случайных эффектов

Factors affecting on GDP / Факторы, влияющие на ВВП	Coefficients (Standard error) / Коэффициенты (стандартная ошибка)
Export / Экспорт	2.25 (0.112)**
FDI / ПИИ	1.111 (0.201)**
Constant / Константа	-2.27e+06
Adj R-squared = 0.98 / Скорректированный R-квадрат равен 0.98	

The analysis above can show the average impact of export and FDI on GDP. That is why we would like to provide also the same analysis for Armenia. This analysis is shown bellow.

To reveal the coefficient of impact of export on economic growth in RA, we must check the existence of correlation between the used variables. Table 3 shows that the correlation coefficient between export and FDI is 0.24, so we can use them in the same regression model. What about the coefficient between export and GDP, it is 0.81. It is thruly high, but it is not shows, that the export causes the economic growth.

Table 3. Correlation matrix

Таблица 3. Корреляционная матрица

Indicator / Показатель	DEXPORT / Рост экспорта	DFDI / Рост ПИИ	DGDP / Рост ВВП
DEXPORT/ Рост экспорта	1.0	0.24	0.81
DFDI/ Рост ПИИ	0.24	1.0	0.33
DGDP/ Рост ВВП	0.81	0.33	1.0

We must also check if the export causes the economic growth in RA. By Granger causality test we check the causality between these two variables. The results are shown in table 4.

So we can reject the hypothesis “Export growth does not cause GDP growth” for 8 lags.

It must be noted also that we were checked the causality relations for 0–7 lags. The results are shown in table 5.

For 0 and 2 lags too we can reject this hypothesis, but for 1, 3, 4, 5, 6, 7 lags we cannot reject it.

To reveal the most significant coefficient of impact of export on economic growth, we would include in the model the FDI too. So to show the impact of export and FDI on GDP we must estimate the model follow:

$$DGDP(t) = a_0 + a_1 \times DEXPORT(t) + a_2 \times DFDI(t) + e(t).$$

The results are shown in the table 6.

Table 4. The results of Granger causality test for export and GDP

Таблица 4. Результаты теста Грэнджера на причинно-следственную зависимость экспорта и ВВП

Pairwise Granger Causality Tests / Попарный тест Грэнджера на причинность

Date / Дата: 11/26/2018; Time / Время: 11:18

Sample / Отбор данных: 1998:3, 2017:4

Lags / Временной лаг: 8

Null hypothesis / Нулевая гипотеза	Obs / Данные всего	F-Statistic / F-статистика	Probability / Вероятность
DGDP does not Granger Cause DEXPORT / Рост ВВП не является причиной роста экспорта (согласно тесту Грэнджера)	69	1.88484	0.08238
DEXPORT does not Granger Cause DGDP / Рост экспорта не является причиной роста ВВП (согласно тесту Грэнджера)		2.83546	0.01087

Table 5. The results of Granger causality test for export and GDP

Таблица 5. Результаты теста Грэнджера на причинно-следственную зависимость экспорта и ВВП

Pairwise Granger Causality Tests / Попарный тест Грэнджера на причинность

Date / Дата: 11/26/2018; Time / Время: 11:25

Sample / Отбор данных: 1998:3, 2017:4

Lags / Временной лаг:	0	1	2	3	4	5	6	7
Prob. "DGDP does not Granger Cause DEXPORT" / Вероятность того, что рост ВВП не является причиной роста экспорта (согласно тесту Грэнджера)	0.062	0.055	0.018	0.044	0.032	0.018	0.024	0.035
Prob. "DEXPORT does not Granger Cause DGDP" / Вероятность того, что рост экспорта не является причиной роста ВВП (согласно тесту Грэнджера)	0.015	0.054	0.036	0.062	0.082	0.052	0.066	0.078

Table 6. Regression model for impact of export and FDI on economic growth
Таблица 6. Регрессионная модель влияния экспорта и ПИИ на экономический рост

Dependent Variable: DGDP/ Зависимая переменная: рост ВВП

Method: Least Squares / Метод: наименьших квадратов

Date / Дата: 12/04/2018; Time / Время: 11:23

Sample (adjusted) / Скорректированные данные: 1998:2, 2017:4

Included observations: 79 after adjusting endpoints / Включенные наблюдения:

79 после корректировки конечных точек

Variable / Переменная	Coefficient / Коэффициент	Standard Error / Стандартная ошибка	t-Statistic / t-статистика	Probability / Вероятность
C / Константа	-13.54	50.01	-0.27	0.79
DEXPORT / Рост экспорта	8.89	0.76	11.69	0.00
DFDI / Рост ПИИ	1.23	0.56	2.19	0.03

R-squared = 0.68 / R-квадрат равен 0.68

Adjusted R-squared = 0.67 / Скорректированный R-квадрат равен 0.67

Adjusted R-squared = 0.67, so export growth and FDI growth can explain the GDP growth by 67 %. The probability for each variable is less, than 0.05, so the estimated coefficients are statistically significant. The errors have not autocorrelation and heteroscedasticity.

As a result we can show that the main regression model for impact of export and FDI on GDP in RA is follow:

$$DGDP(t) = -13.54 + 8.89 \times DEXPORT + 1.23 \times DFD.$$

This means that when all other things being equal, the raise of export by 1 unit causes the raise of GDP by 8.89 unit.

What about FDI, the raise of FDI by 1 unit causes the raise of GDP by 1.23 unit.

Discussion and Conclusion. As a result for the analysis for CIS countries it must be noted that on the economic growth of CIS countries has a big significance the impact of constant variables. It must be noted also, that early we were provide this analysis, and we found that the raise of export by 1 % caused economic growth in 0.97 % (in this analysis the coefficient is 0.92), and 1 % raise of FDI caused GDP growth by 0.362 % (in this analysis the coefficient is 0.4) [25]. So we can state that during 2017 the impact of export has gone down, and the impact of FDI has raised. Analysing the data for each CIS country, we can explain this fact. In 2017 GDP has grown in all CIS countries, exept Uzbekistan. So we can state, that in case of Uzbekistan GDP growth, the average coefficient of impact was a little

more, than we have. Moreover, for deep analysis we must check also the export and FDI for each countries under review. In 2017 export has grown in all CIS countries, except Tajikistan and Ukraine. The decrease of average impact coefficient of export on GDP can be caused by this fact, as well as by changes in export structure in every country from more favorable for GDP to the less favorable. And finally the analysis of FDI for each country shows that in 2017 the FDI has gone down in all countries, except Moldova, Turkmenistan and Uzbekistan. So it must be noted, that in case of FDI growth in all countries, the coefficient of impact of FDI will be bigger, than now. And also we can state, that even in countries, where the FDI has gone down in 2017, therefore the investment in these countries were provided in more efficiency sectors of economy, that is why the impact coefficient is more than for analysis in 2000–2016.

Although, the results above can show the average impact of export and FDI on GDP growth. That is why we wanted to calculate the impact of these two factors on economic growth of RA too.

As a result of Granger-causality test we can state that for RA the export growth in any quarter causes GDP growth in the same quarter, after 2 quarter, and in the last quarter after 2 year. And the GDP growth causes export growth for 2–7 lags.

As a result of regression analysis we can argue that the raise of export by 1 unit causes the raise of GDP by 8.89 unit. We can compare it with the similar analysis provided by us with quarterly data for 1998–2010. In this case the raise of export by 1 unit caused the raise of GDP by 6.3 unit. So we can state that in early 8 years the impact of export on GDP is higher, than before this.

What about FDI, the raise of FDI by 1 unit causes the raise of GDP by 1.23 unit. In the analysis provided with data of 1998–2010 this coefficient was 1.1. So we can state also that impact of FDI on economic growth now is higher too.

Although this analysis can be useful for other economists, which provide the similar analysis. As well as it can be used by the Government of CIS countries and RA, for development future economic policy, which can bring the most efficiency for their country.

REFERENCES

1. Sargsyan L., Harutyunyan H. Impact of FDI on the Economy of Armenia. *Mizhnarodnij naukovi zhurnal "Internauka". Seriya: Ekonomichni nauki* = International Scientific Journal "Internauka". Series: Economic Sciences. 2017; (5):92-95. Available at: <https://www.inter-nauka.com/issues/economic2017/5/2916> (accessed 17.01.2019).

2. Rodriguez-Clare A. Multinationals, Linkages and Economic Development. *American Economic Review*. 1996; 86(4):852-873. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2118308> (accessed 17.01.2019).
3. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J.W. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? *Journal of International Economics*. 1998; 45(1):115-135. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(97\)00033-0](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(97)00033-0)
4. Markusen J. The Boundaries of Multinational Enterprises and the Theory of International Trade. *The Journal of Economic Perspectives*. 1995; 9(2):169-189. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2138172> (accessed 17.01.2019).
5. Minota Zekariya S. The Impact of FDI on Economic Growth in Eastern Africa. *Applied Economics and Finance*. 2016; 3(1):145-160. DOI: <https://doi.org/10.11114/aef.v3i1.1317>
6. Mohammed L.B., Abadi A. The Impact of Foreign Direct Investment on Economic Growth in Jordan. *International Journal of Research and Reviews in Applied Sciences*. 2011; 8(2):253-258. Available at: https://www.arpapress.com/Volumes/Vol8Issue2/IJRRAS_8_2_16.pdf (accessed 17.01.2019).
7. Sothan S. Causality between Foreign Direct Investment and Economic Growth for Cambodia. *Cogent Economics & Finance*. 2017; 5(1):1277860. DOI: <https://doi.org/10.1080/23322039.2016.1277860>
8. Ali N., Hussain H. Impact of Foreign Direct Investment on the Economic Growth of Pakistan. *American Journal of Economics*. 2017; 7(4):163-170. DOI: <https://doi.org/10.5923/j.economics.20170704.01>
9. Choi Y.J., Baek J. Does FDI Really Matter to Economic Growth in India? *Economies*. 2017; 5(2):2-9. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies5020020>
10. Hlavacek P., Bal-Domanska B. Impact of Foreign Direct Investment on Economic Growth in Central and Eastern European Countries. *Engineering Economics*. 2016; 27(3):294-303. DOI: <http://dx.doi.org/10.5755/j01.ee.27.3.3914>
11. Hussain M.E., Haque M. Foreign Direct Investment, Trade, and Economic Growth: An Empirical Analysis of Bangladesh. *Economies*. 2016; 4(2):1-14. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies4020007>
12. Akpan E.S., Eweke G.O. Foreign Direct Investment and Industrial Sector Performance: Assessing the Long-Run Implication on Economic Growth in Nigeria. *Journal of Mathematical Finance*. 2017; 7(2):391-411. DOI: <https://doi.org/10.4236/jmf.2017.72021>
13. Koojaroenprasit S. The Impact of Foreign Direct Investment on Economic Growth: A Case Study of South Korea. *International Journal of Business and Social Science*. 2012; 3(21):8-19. Available at: http://ijbssnet.com/journals/Vol_3_No_21_November_2012/2.pdf (accessed 17.01.2019).
14. Barkauskaite A., Naraskeviciute V. Foreign Direct Investment Impact on Economic Indicators of the Baltic Countries. *Economics and Business*. 2016; 28(1):61-67. DOI: <https://doi.org/10.1515/eb-2016-0009>
15. Sargsyan L. Impact of FDI on Economic Growth in the World and in Armenia. *Mizhnarodnij naukovij zhurnal "Internauka". Seriya: Ekonomichni nauki* = International Scientific Journal "Internauka". Series: Economic Sciences. 2017; (5):89-91. Available at: <https://www.inter-nauka.com/issues/economic2017/5/2915> (accessed 17.01.2019).

16. Ahmad D., Afzal M., Khan U. Impact of Exports on Economic Growth Empirical Evidence of Pakistan. *International Journal of Applied Economic Studies*. 2016; 4(6):1-9. Available at: https://www.researchgate.net/publication/319643399_Impact_of_Exports_on_Economic_Growth_Empirical_Evidence_of_Pakistan (accessed 17.01.2019).
17. Bakari S., Mabrouki M. Impact of Exports and Imports on Economic Growth: New Evidence from Panama. *Journal of Smart Economic Growth*. 2017; 2(1):67-79. Available at: <https://ideas.repec.org/a/seg/012016/v1y2017i2p67-79.html> (accessed 17.01.2019).
18. Hai N.Th. Impact of Export on Economic Growth in Vietnam: Empirical Research and Recommendations. *International Business and Management*. 2016; 13(3):45-52. DOI: <https://doi.org/10.3968/9040>
19. Jetter M. The Impact of Exports on Economic Growth: It's the Market Form. *The World Economy*. 2017; 40(6):1040-1052. DOI: <https://doi.org/10.1111/twec.12461>
20. Raj Sh., Chand P. Analysis of Fiji's Export and Its Impact on Economic Growth. *International Journal of Business and Social Research*. 2017; 7(4):1-14. DOI: <http://dx.doi.org/10.18533/ijbsr.v7i4.1031>
21. Shaqiri J. The Impact of Export and Foreign Direct Investments on Macedonian GDP Growth – Empirical Analysis. *European Scientific Journal*. 2017; 13(25): 276-287. DOI: <http://dx.doi.org/10.19044/esj.2017.v13n25p276>
22. Zahongo P. Trade and Economic Growth in Developing Countries: Evidence from Sub-Saharan Africa. *Journal of African Trade*. 2016; 3(1-2):41-56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joat.2017.02.001>
23. Sargsyan L. [Comparative Analysis of the Impact of Export and Import on Economic Growth in the World and in Armenia]. *Mizhnarodnij nauchovij zhurnal "Internauka"*. Seriya: Ekonomichni nauki = International Scientific Journal "Internauka". Series: Economic Sciences. 2018; (2):131-136. Available at: <https://www.inter-nauka.com/issues/economic2018/2/3461> (accessed 17.01.2019). (In Russ.)
24. Turkhan A.A.M., Shirazi N. Export-Led Growth Hypothesis: Further Econometric Evidence from South Asia. *The Developing Economies*. 2005; 43(4):472-488. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.2005.tb00955.x>
25. Sargsyan L.N. [Impact of International Trade and Foreign Direct Investment on the Economic Growth of the Country (the Case Study of the CIS Countries)]. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ehkonomiki* = Regional Issues of Transforming the Economy. 2018; (4):91-99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-4-91-99>

Submitted 28.02.2019; accepted for publication 18.03.2019; published online 28.06.2019.

About the author:

Lilit N. Sargsyan, Research Associate, M. Kotanyan Institute of Economics, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (15 Grigor Lusavorich St., Yerevan 0015, Armenia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5516-7655>, sarg.lilit@yahoo.com

Acknowledgments. The author is grateful to the anonymous reviewer, whose comments allowed improve the quality of the text.

For citation:

Sargsyan L.N. Export, Foreign Direct Investment and Gross Domestic Product: Case of the Commonwealth of Independent States Countries and Armenia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):206-223. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.206-223>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Sargsyan L., Harutyunyan H. Impact of FDI on the Economy of Armenia // Міжнародний науковий журнал «Інтернаука». Серія: Економічні науки. 2017. № 5. С. 92–95. URL: <https://www.inter-nauka.com/issues/economic2017/5/2916> (дата обращения: 17.01.2019).
2. Rodriguez-Clare A. Multinationals, Linkages and Economic Development // American Economic Review. 1996. Vol. 86, no. 4. Pp. 852–873. URL: <https://www.jstor.org/stable/2118308> (дата обращения: 17.01.2019).
3. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J. W. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? // Journal of International Economics. 1998. Vol. 45, issue 1. Pp. 115–135. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(97\)00033-0](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(97)00033-0)
4. Markusen J. The Boundaries of Multinational Enterprises and the Theory of International Trade // The Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9, no. 2. Pp. 169–189. URL: <https://www.jstor.org/stable/2138172> (дата обращения: 17.01.2019).
5. Minota Zekariaz S. The Impact of FDI on Economic Growth in Eastern Africa // Applied Economics and Finance. 2016. Vol. 3, no. 1. Pp. 145–160. DOI: <https://doi.org/10.11114/aef.v3i1.1317>
6. Mohammed L. B., Abadi A. The Impact of Foreign Direct Investment on Economic Growth in Jordan // International Journal of Research and Reviews in Applied Sciences. 2011. Vol. 8, issue 2. Pp. 253–258. URL: https://www.arpapress.com/Volumes/Vol8Issue2/IJRRAS_8_2_16.pdf (дата обращения: 17.01.2019).
7. Sothan S. Causality Between Foreign Direct Investment and Economic Growth for Cambodia // Cogent Economics & Finance. 2017. Vol. 5, issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/23322039.2016.1277860>
8. Ali N., Hussain H. Impact of Foreign Direct Investment on the Economic Growth of Pakistan // American Journal of Economics. 2017. Vol. 7, issue 4. Pp. 163–170. DOI: <https://doi.org/10.5923/j.economics.20170704.01>
9. Choi Y.J., Baek J. Does FDI Really Matter to Economic Growth in India? // Economies. 2017. Vol. 5, issue 2. Pp. 2–9. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies5020020>

10. Hlavacek P., Bal-Domanska B. Impact of Foreign Direct Investment on Economic Growth in Central and Eastern European Countries // *Engineering Economics*. 2016. Vol. 27, no. 3. Pp. 294–303. DOI: <http://dx.doi.org/10.5755/j01.ee.27.3.3914>
11. Hussain M. E., Haque M. Foreign Direct Investment, Trade, and Economic Growth: An Empirical Analysis of Bangladesh // *Economies*. 2016. Vol. 4, issue 2. Pp. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies4020007>
12. Akpan E. S., Eweke G. O. Foreign Direct Investment and Industrial Sector Performance: Assessing the Long-Run Implication on Economic Growth in Nigeria // *Journal of Mathematical Finance*. 2017. Vol. 7, no. 2. Pp. 391–411. DOI: <https://doi.org/10.4236/jmf.2017.72021>
13. Koojaroenprasit S. The Impact of Foreign Direct Investment on Economic Growth: A Case Study of South Korea // *International Journal of Business and Social Science*. 2012. Vol. 3, no. 21. Pp. 8–19. URL: http://ijbssnet.com/journals/Vol_3_No_21_November_2012/2.pdf (дата обращения: 17.01.2019).
14. Barkauskaite A., Naraskeviciute V. Foreign Direct Investment Impact on Economic Indicators of the Baltic Countries // *Economics and Business*. 2016. Vol. 28, issue 1. Pp. 61–67. DOI: <https://doi.org/10.1515/eb-2016-0009>
15. Sargsyan L. Impact of FDI on Economic Growth in the World and in Armenia // *Міжнародний науковий журнал «Інтернаука». Серія: Економічні науки*. 2017. № 5. С. 89–91. URL: <https://www.inter-nauka.com/issues/economic2017/5/2915> (дата обращения: 17.01.2019).
16. Ahmad D., Afzal M., Khan U. Impact of Exports on Economic Growth Empirical Evidence of Pakistan // *International Journal of Applied Economic Studies*. 2016. Vol. 4, issue 6. Pp. 1–9. URL: https://www.researchgate.net/publication/319643399_Impact_of_Exports_on_Economic_Growth_Empirical_Evidence_of_Pakistan (дата обращения: 17.01.2019).
17. Bakari S., Mabrouki M. Impact of Exports and Imports on Economic Growth: New Evidence from Panama // *Journal of Smart Economic Growth*. 2017. Vol. 2, no. 1. Pp. 67–79. URL: <https://ideas.repec.org/a/seg/012016/v1y2017i2p67-79.html> (дата обращения: 17.01.2019).
18. Hai N. Th. Impact of Export on Economic Growth in Vietnam: Empirical Research and Recommendations // *International Business and Management*. 2016. Vol. 13, no. 3. Pp. 45–52. DOI: <https://doi.org/10.3968/9040>
19. Jetter M. The Impact of Exports on Economic Growth: It's the Market Form // *The World Economy*. 2017. Vol. 40, issue 6. Pp. 1040–1052. DOI: <https://doi.org/10.1111/twec.12461>
20. Raj Sh., Chand P. Analysis of Fiji's Export and Its Impact on Economic Growth // *International Journal of Business and Social Research*. 2017. Vol. 7, no. 4. Pp. 1–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.18533/ijbsr.v7i4.1031>
21. Shaqiri J. The Impact of Export and Foreign Direct Investments on Macedonian GDP Growth – Empirical Analysis // *European Scientific Journal*. 2017. Vol. 13, no. 25. Pp. 276–287. DOI: <http://dx.doi.org/10.19044/esj.2017.v13n25p276>
22. Zahongo P. Trade and Economic Growth in Developing Countries: Evidence from Sub-Saharan Africa // *Journal of African Trade*. 2016. Vol. 3, issue 1-2. Pp. 41–56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joat.2017.02.001>

23. Саргсян Л. Н. Сравнительный анализ влияния экспорта и импорта на экономический рост в мире и в Армении // Міжнародний науковий журнал «Інтернаука». Серія: Економічні науки. 2018. № 2 (10). С. 131–136. URL: <https://www.inter-nauka.com/issues/economic2018/2/3461> (дата обращения: 17.01.2019).

24. Turkhan A.A.M., Shirazi N. Export-led Growth Hypothesis: Further Econometric Evidence from South Asia // The Developing Economies. 2005. Vol. 43, issue 4. Pp. 472–488. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.2005.tb00955.x>

25. Саргсян Л. Н. Влияние внешней торговли и прямых иностранных инвестиций на экономический рост страны (на примере стран СНГ) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 4. С. 91–99. DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-4-91-99>

Поступила 28.02.2019; принята к публикации 18.03.2019; опубликована онлайн 28.06.2019.

Об авторе:

Саргсян Лилит Норайровна, научный сотрудник Института экономики имени М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения (0015, Республика Армения, г. Ереван, ул. Григора Лусаворича, д. 15), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5516-7655>, sarg.lilit@yahoo.com

Благодарности. Автор выражает благодарность анонимному рецензенту, чьи комментарии позволили улучшить качество текста.

Для цитирования:

Саргсян Л. Н. Экспорт, прямые иностранные инвестиции и валовой внутренний продукт: пример стран Содружества Независимых Государств и Армении // Регионология. 2019. Т. 27, № 2. С. 206–223. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.206-223>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Макроэкономическая характеристика экономики туризма Тунисской Республики

М. А. Жулина

В. М. Кицис*

С. В. Сарайкина

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* vkitsis@mail.ru

Введение. Туризм оценивают как динамичную, находящуюся в постоянном развитии отрасль экономики. Экономика туризма развивается вместе с обществом, рекреацией и туризмом. Цель статьи – на примере Туниса показать особенности воздействия туризма на национальную экономику. Опыт Туниса весьма полезен для стран, где получил развитие пляжный отдых, но политическая обстановка длительное время остается сложной (Египет, Турция, Таиланд и др.).

Материалы и методы. Основой для написания статьи послужили статистические данные Всемирной туристической организации, мирового атласа данных и открытых интернет-источников. В исследовании использованы общенаучные (анализ, синтез, обобщение, сравнение и др.) и специальные методы (методы математической статистики, графический, сравнительный методы и пр.).

Результаты исследования. Впервые в рамках статьи дана достаточно полная характеристика макроэкономических показателей, характеризующих уровень развития международного туризма в Тунисе. В статье проанализирована динамика въездного и выездного туризма, рассмотрены факторы, влияющие на объемы международного туризма; исследованы международные туристские расходы и доходы, которые в значительной мере оказывают позитивное или негативное воздействие на платежный баланс страны. Показаны тенденции развития международного туризма Туниса и выявлены проблемы, стоящие перед отраслью.

Обсуждение и заключение. В процессе исследования было выявлено, что экономика туризма в значительной мере зависит от политических и экономических процессов, происходящих в стране. Современный уровень макроэкономических показателей экономики туризма Туниса отстает от показателей 2008–2009 гг.

© Жулина М. А., Кицис В. М., Сарайкина С. В., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты проведенного исследования позволили оценить современное состояние международного туризма и сделать ряд предложений, направленных на повышение уровня развития международного туризма в стране. Результаты исследования могут содействовать разработке программы развития экономики туризма Туниса, одно из важнейших мест в которой должно быть отведено повышению показателей на макроуровне.

Ключевые слова: экономика туризма, макроэкономические показатели, валовый внутренний продукт, занятость, туристские прибытия и выбытия, туристские доходы и расходы

Macroeconomic Characteristics of Tourism Economy in the Republic of Tunisia

M. A. Zhulina, V. M. Kitsis*, S. V. Saraykina

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),

** vkitsis@mail.ru*

Introduction. Tourism is a dynamic, constantly developing sector of the economy. Tourism economy develops along with the society, recreation and tourism. The purpose of the article is to show the features of the impact of tourism on the national economy using the case of Tunisia. The experience of Tunisia is especially useful for the countries where beach recreation has developed and where the political situation has remained difficult for a long time (Egypt, Turkey, Thailand, etc.).

Materials and Methods. The article is based on the statistical data provided by the World Tourism Organization, the World Data Atlas and open Internet sources. The study employed general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, etc.) and special ones (the methods of mathematical statistics, the graphical method, the comparative method, etc.).

Results. For the first time, the article has provided a fairly complete description of the macroeconomic indicators characterizing the level of development of international tourism in Tunisia. The article has analyzed the dynamics of inbound and outbound tourism, discussed the factors affecting the volume of international tourism, considered international tourism expenditures and revenues, which to a large extent have a positive or negative impact on the country's balance of payments. The trends in the development of international tourism in Tunisia have been revealed and the problems facing the industry have been identified.

Discussion and Conclusion. The research has revealed that tourism economy largely depends on the political and economic processes taking place in the country. The current level of macroeconomic indicators of tourism economy in Tunisia lags behind the 2008–2009 figures. The results of the study made it possible to assess the current state of international tourism and make a number of suggestions aimed at increasing the level of development of international tourism in the country. The results of the study can contribute to the development of a program aimed to boost tourism economy in Tunisia, one of the key tasks of which should be that of increasing performance at the macro-level.

Keywords: tourism economy, macroeconomic indicators, gross domestic product, employment, tourist arrivals and departures, tourism revenues and expenditures

Введение. Для стран и регионов, социально-экономическое развитие которых сдерживается слабой минерально-сырьевой базой, но обладающих уникальными природными особенностями и богатым культурно-историческим наследием, катализатором этого развития может и должен стать туризм. Его нельзя рассматривать обособленным и изолированным сектором экономики. Туризм оказывает прямое и косвенное воздействие практически на все отрасли экономики, в результате чего формируется туристский комплекс, представляющий собой сложную систему взаимосвязанных и взаимозависимых отраслей хозяйства, обеспечивающих процесс воспроизводства туристских продуктов, услуг и товаров.

Современный этап развития человечества невозможно представить без активного развития туризма и его воздействия на различные стороны жизни любого государства. По данным Всемирной туристской организации (ЮНВТО), в 2017 г. число международных туристских прибытий достигло 1 323 млн чел.¹

Изменения в процессе развития туризма, связанные с возрастающими масштабами и качественными трансформациями, позволяют оценивать туризм как сложное социально-экономическое явление. Исходя из той роли, которую он играет в национальной экономике, туризм выступает средством решения многих проблем, сопровождающих развитие экономики стран, развивающих эту отрасль. Социально-экономическое значение туризма обусловлено тем, что он способствует:

- увеличению дохода на трех уровнях экономики: макро-, мезо- и микроэкономики;
- созданию новых рабочих мест;
- развитию отраслей, связанных с производством туристских продуктов;
- развитию социальной и производственной инфраструктуры в стране и особенно в туристских центрах;
- активизации деятельности центров народных промыслов и культуры;
- росту уровня жизни местного населения;
- увеличению валютных поступлений.

Исходя из той роли, которую играет туризм в социально-экономическом развитии стран и регионов, а также учитывая многоотраслевой характер туристского комплекса, изучение экономики туризма продолжает оставаться актуальным. Экономика туризма исследует экономические отношения воспроизводственного процесса туристских продуктов и услуг. На уровне страны туристская индустрия рассматривается как единое целое через систему показателей.

К числу важнейших макроэкономических показателей оценки экономики туризма относятся:

¹ Барометр международного туризма ЮНВТО – январь 2018. Статистическое приложение [Электронный ресурс]. URL: http://mf.rmat.ru/wyswyg/file/2018%20news/UNWTO_Barom18_01_January_Statistical_Annex_ru.pdf (дата обращения: 28.01.2019).

- величина международных туристских прибытий и выбытий;
- международные туристские расходы и доходы;
- объемы внутреннего потребления туристов;
- государственные расходы на туризм;
- вклад туризма в занятость;
- вклад туризма в создание валового внутреннего продукта.

В научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные анализу данных показателей на уровне страны. Экономика туризма – это не застывшие, а динамичные, находящиеся под постоянным влиянием многочисленных факторов отношения. Следовательно, существует потребность в ее изучении на уровне отдельных стран и регионов. Это позволит понять, почему одни туристские дестинации находятся в постоянном развитии, в других – туристская активность снижается, а в третьих – уровень развития туризма постоянно колеблется.

В качестве объекта исследования выбрана экономика туризма Тунисской Республики, которая вместе с Египтом длительное время была одним из мировых лидеров из числа африканских стран по международным туристским прибытиям. В XXI в. популярность Туниса на международном туристском рынке заметно упала. Целью статьи является изучение на примере Туниса особенностей влияния туризма на национальную экономику, выявление причин снижения роли страны в мировой туристской индустрии.

Изучение экономики туризма отдельных стран и регионов должно быть в поле зрения не только ученых и экономистов, но и практических работников и органов управления туристской индустрией. По нашему мнению, это будет способствовать устранению негативных факторов, влияющих на устойчивое развитие туристского комплекса.

Обзор литературы. Вопросы экономики туризма не раз становились объектом исследования российских ученых. На региональном уровне данную тему изучают Е. Н. Валединская [1], М. В. Виноградова [2], М. В. Калитвинцева [3], Н. В. Новичков [4] и другие авторы. Так, Е. Н. Валединская рассматривает роль и значение развития туризма для устойчивого экономического роста регионов, характеризует положительные и отрицательные аспекты его влияния на развитие регионов, а М. В. Калитвинцева предлагает две группы показателей (основных и уточняющих), отражающих уровень развития туризма в регионе.

Проблемам социально-экономической эффективности туризма посвящены работы В. В. Дядечко [5], Н. В. Рубцовой [6; 7], классификации стран – В. М. Кициса, И. Н. Явишевой², маркетинговым программам – Д. А. Цапук [8].

² Кицис В. М., Явишева И. Н. Классификация стран по значению международного туризма в национальной экономике // Туризм и региональное развитие: сб. науч. ст. Смоленск: Универсум, 2016. Вып. 9. С. 32–37.

Зарубежные авторы также уделяют должное внимание вопросам экономики туризма. Так, Р. Кроес, М. А. Ривера отмечают, что туризм оказывает большое мультипликативное воздействие на экономику и может принести выгоду бедным слоям населения [9]. А. Коррейя, М. Козак и С. Ким характеризуют социальную природу поведения туриста при совершении покупок, которая зависит не только от того, что он покупает, но и в значительной степени от того, где он покупает [10].

О. Банерджи с соавторами предлагают комплексную экономическую восходящую модель для анализа инвестиций в туризм. Данная модель позволяет получить информацию о путях передачи, с помощью которых инвестиции в туризм, связанные с культурным наследием, могут ускорить экономический рост, создать рабочие места и повысить доходы [11].

Многие публикации зарубежных авторов посвящены эластичности спроса по отношению к различным факторам (цене, расстоянию, доходам, национальности, обменным курсам валют и др.), а также мультипликативному воздействию туризма на экономику [12–17]. Воздействие туризма на экономику и экономический рост исследуют И. Костакис, Э. Теодоропулу [18], Дж. М. Л. Моралес, М. Дж. С. Девеса [19]. Отдельные факторы, влияющие на экономику туризма, анализируют К. Ажогбе, О. Аденийи, О. Фоларин [20], М. Алтин, Э. Мемили, С. Сонмез [21], Й. Кох, А. Дефранко, К.-Дж. Бэк [22], Р. Махадеван [23], Л. Ф. Мендигета-Пеньяльвер с соавторами [24].

Достаточно активно учеными изучаются вопросы развития малого среднего предпринимательства в туризме [25], статистика туризма [26], туристские кластеры [27], негативное воздействие туризма на экономику [28; 29].

Таким образом, существует достаточное количество работ, направленных на изучение многообразных аспектов экономики туризма. Вместе с тем анализ отечественных и зарубежных источников показывает, что обобщающих материалов, посвященных исследованию макроэкономических показателей туризма Туниса, нет. Встречаются главным образом путеводители и статьи, в которых описываются туристские достопримечательности республики, экскурсионные маршруты, условия развития туризма и пр.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили результаты анализа макроэкономических показателей развития международного туризма Туниса; публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные экономике туризма и отдельным вопросам ее развития, а также развитию туризма в целом.

Информационную базу исследования составили материалы интернет-источников, на основе которых рассчитывались показатели, характеризующие уровень развития международного туризма в Тунисе. Также были проанализированы статистические и рейтинговые данные

из открытых источников, в том числе материалы, представленные в Барометре международного туризма ЮНВТО³ и Мировом атласе данных⁴ за период с 2005 по 2017 г. При использовании статистических данных отбирались основные макроэкономические показатели развития туризма в Тунисе, проводилось их сравнение с другими странами африканского макрорегиона.

Анализ статистических данных сопровождался изучением общественно-политических и социально-экономических процессов, происходивших в Тунисе за указанный период времени. Источниками сведений о политических и социально-экономических процессах в стране стали материалы периодической печати и интернет-источники. На этой основе осуществлялись выводы об уровне развития международного туризма в стране и факторах, повлиявших на эволюцию туризма.

В работе применялись статистические методы исследования, направленные на расчет макроэкономических показателей экономики туризма страны в динамике. Для выявления тенденций развития туризма в Тунисе был задействован метод анализа, позволивший сделать выводы об эволюции туризма за период с 2005 по 2017 г. В целях наглядного представления отмеченных тенденций применялся графический метод. Использование заявленных методов позволило рассмотреть и показать тенденции и особенности макроэкономического развития туризма в Тунисе, выявить существующие проблемы в отрасли.

Результаты исследования. Тунисская Республика (Тунис) – это моноконфессиональное исламское государство (98 % населения исповедуют ислам), расположенное на севере африканского континента. Это аграрная страна с развивающейся промышленностью.

По степени влияния международного туризма на национальную экономику Тунис относится к третьему классу. В него входят страны с высокой ролью международного туризма в экономике, когда доля доходов от международного туризма по отношению к валовому внутреннему продукту составляет в среднем более 3 %, удельный вес поступлений от туризма в суммарном экспорте – 8–10 %, а доля занятого населения в туризме превышает 10 % (в ряде случаев – более 20 %)⁵.

Туризм играет важную роль в экономике Туниса, является одной из ведущих ее отраслей.

Анализ макроэкономических показателей экономики туризма обычно начинается с количества прибывающих и выезжающих туристов, по-

³ Там же.

⁴ Мировой атлас данных [Электронный ресурс]. URL: <http://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 28.01.2019).

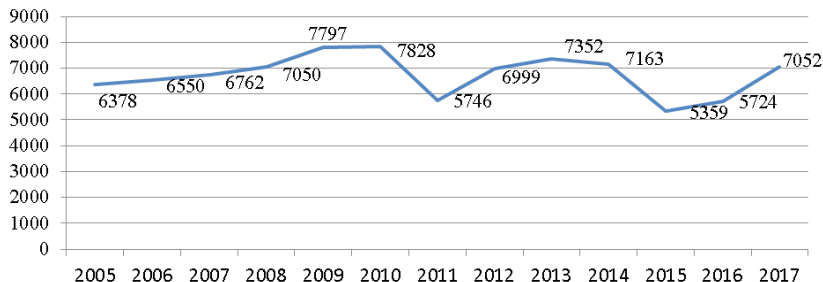
⁵ Кицис В. М., Явишева И. Н. Классификация стран по значению международного туризма в национальной экономике. С. 35–36.

скольку от этого показателя, в конечном итоге, зависят все остальные. Статистические данные о въезжающих и выезжающих туристах относятся к числу поездок, а не к количеству путешествующих людей: человек, совершивший несколько поездок в течение определенного периода, подсчитывается каждый раз как вновь прибывший или выехавший.

Динамика международного въездного туризма Туниса представлена на рисунке 1⁶. Согласно показателям, во въездном туризме Туниса можно выделить два периода:

- первый период (с 2005 по 2010 г.) характеризуется устойчивой тенденцией к росту прибывающих в страну туристов. За эти годы число въехавших выросло на 22,7 %, но уже в 2010 г. произошло замедление темпов прироста. Так, в 2010 г. по сравнению с 2009 г. число прибывших туристов выросло всего на 0,4 %. Это явилось следствием волнений 2010 г., приведших к Финиковой революции 2011 г.;

- второй период (с 2011 по 2017 г.) отличается нестабильностью в развитии въездного туризма. Падение числа прибывших туристов в 2011 г. (из-за революционных событий и нестабильности экономической и политической ситуации) сменяется ростом числа въезжающих туристов в 2012–2013 гг., незначительным падением в 2014 г. (на 2,6 % по сравнению с 2013 г.), затем резким падением в 2015 г., вызванным серией террористических актов (падение составило 25,2 % к уровню 2014 г.) и снова увеличением числа прибывших туристов в 2017 г. (рост за два года составил 31,6 %).

Р и с. 1. Динамика прибывших в Тунис туристов, тыс. чел. (2005–2017 гг.)

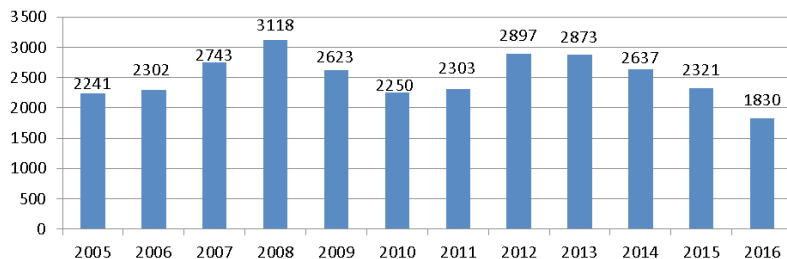
F i g. 1. Dynamics of tourists arriving in Tunisia, thousand people (2005–2017)

⁶ Здесь и далее в статье все рисунки и таблицы составлены по: Барометр международного туризма ЮНВТО – январь 2018. Статистическое приложение [Электронный ресурс]. URL: http://mf.rmat.ru/wyswyg/file/2018%20news/UNWTO_Barom18_01_January_Statistical_Annex_ru.pdf; Мировой атлас данных [Электронный ресурс]. URL: <http://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 28.01.2019).

По размерам международных туристских прибытий Тунис в 2016 г. занимал 49 место в мире. По данному показателю республика уступала только двум африканским странам: Марокко (35 место) и ЮАР (37)⁷.

Таким образом, на объемы въездного международного туризма Туниса сильное влияние оказали политические и экономические факторы, которые в совокупности с социальными причинами стали мощным средством воздействия на динамику выездного международного туризма в Тунисе (рис. 2).

Р и с. 2. Динамика выехавших туристов из Туниса, тыс. чел. (2005–2016 гг.)

F i g. 2. Dynamics of tourists leaving Tunisia, thousand people (2005–2016)

Из данных рисунка 2 следует вывод, что выездной туризм республики не может похвастаться стабильностью в развитии. Выездной туризм носит волнообразный характер: рост сменяется падением, переходящим в рост показателей, которые впоследствии снова находятся под влиянием тенденции к снижению. В 2016 г. был зафиксирован минимальный выезд граждан Туниса за рубеж, который составил 1 830 тыс. чел. Максимальное количество выехавших в другие страны тунисцев было зафиксировано в 2008 г. и составило 3 118 тыс. чел., т. е. на 70,4 % больше, чем в 2016 г.

Снижение выездного туристского потока обусловлено не только вышеуказанными экономическими и политическими причинами, но и значительным ухудшением социальной ситуации: усилилось социальное неравенство, процветает повсеместная коррупция, высокий уровень молодежной безработицы (более 30 %).

В мировом рейтинге стран по размерам выездного туризма Тунис в 2016 г. находился на 55 месте, уступая среди африканских стран своему соседу Алжиру, из которого за границу выехали в 2,34 раза больше туристов⁸.

К числу важнейших показателей экономики туризма относятся международные доходы и расходы туристов, динамика которых в Тунисе

⁷ Барометр международного туризма ЮНВТО – январь 2018.

⁸ Мировой атлас данных.

приведена в таблице 1. Данные показатели характеризуют Тунис как страну, в которой в силу отмеченных выше политических, экономических и социальных причин в последние годы снижаются доходы от международного туризма. Если в 2008 г. они были максимальными и составили 3 909 млн долл., то в 2016 г. их объем упал до 1 706 млн долл., т. е. сократился за указанный период почти в 2,3 раза. Анализ цепных темпов роста свидетельствует, что максимальное падение туристских доходов произошло именно в 2015 г., когда из-за терактов уровень доходов относительно 2014 г. составил всего 61,4 %.

Т а б л и ц а 1. Динамика международных доходов от туризма Туниса
Table 1. Dynamics of Tunisia's revenues from international tourism

Год / Year	Доходы от международно- го туризма, млн долл. / International tourism revenues, million dollars	Абсолютные изменения (цепные), млн долл. / Absolute (chain) changes, million dollars	Цепные темпы ро- ста, % / Chain rates of growth, percent
2005	2800	–	100
2006	2999	199	107,1
2007	3373	374	112,5
2008	3909	536	115,9
2009	3524	-385	90,2
2010	3477	-47	98,7
2011	2529	-948	72,3
2012	2931	402	116,0
2013	2863	-68	97,7
2014	3042	179	106,3
2015	1869	-1173	61,4
2016	1706	-163	91,3

По уровню поступлений от международного туризма страна в 2016 г. расположилась на 83 месте в мировом рейтинге, несмотря на достаточно высокий туристский потенциал. Тунис опережали такие африканские страны, как ЮАР (36 место; в 4,84 раза), Марокко (38 место; в 4,35 раза), Египет и др.⁹

Поступления от международного туризма оценивают также в процентах от суммарного экспорта. Удельный вес доходов от международного

⁹ Там же.

туризма в Тунисе в 2016 г. составил 10,1 % и в последние годы находится под влиянием понижающей тенденции. По показателю удельного веса поступлений от международного туризма в суммарном экспорте Тунис в 2016 г. расположился на 71 месте в мире, пропустив вперед 10 африканских стран, в том числе Гамбию (16 место; 50,5 %), Эфиопию (24; 36,2 %), Руанду (28; 29,5 %) и Мадагаскар (30 место; 27,3 %) ¹⁰.

Динамика расходов туристов из Туниса за рубежом свидетельствует, что в последние годы (2013–2016 гг.) тунисские туристы стали вывозить с собой за границу больше средств, чем это было раньше. В 2016 г. за границу было вывезено 823 млн долл., тогда как в 2005 г. – всего 452 млн долл., т. е. в 1,82 раза больше. Если число туристов, выезжающих в эти годы за границу, снижалось, то сумма средств, вывозимых в другие страны, увеличивалась. Это свидетельствует о том, что на одного туриста приходилось больше вывозимых средств, чем было ранее.

По уровню международных расходов на туризм Тунис в мировом рейтинге в 2016 г. находился на 88 месте. Его опережали такие африканские страны, как ЮАР (37 место в мире), Нигерия (47), Алжир (48) и Гана (66 место в мире) ¹¹.

Международные расходы на туризм в Тунисе в 2016 г. составили 3,85 % от суммарного объема импорта, при этом данная величина в последние годы постоянно возрастает. В рейтинге этого показателя Тунис в 2016 г. занимал 115 место в мире, пропустив вперед Гамбию (5 место), Руанду (31), Нигерию (34), Лесото (37), Танзанию (40), Мадагаскар (42) и еще 8 стран африканского континента ¹².

В то же время объемы международных расходов на туризм не дают четкой картины влияния туризма на национальную экономику. Поэтому для анализа экономики туризма следует использовать удельный вес расходов международных туристов. Для экономики туризма Туниса характерно снижение их удельного веса с 3,9 % в 2008 г. до 1,8 % в 2016 г. Отсюда, несмотря на увеличение вывоза средств за рубеж, их удельный вес постоянно снижается, что можно рассматривать как положительную тенденцию в развитии экономики туризма страны: чем больше средств остается в стране, тем больше их может быть вложено в туристическую индустрию.

Страны, развивающие международный туризм, стремятся получить от него больше доходов, так как это в существенной мере влияет на платежный баланс страны: если доходы от международного туризма превышают расходы международных туристов, то по статье «Путешествия» будет положительное сальдо платежного баланса.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Объем внутреннего туристского потребления включает расходы резидентов и нерезидентов внутри страны. Для оценки вклада туризма в экономику страны используются абсолютные и относительные показатели объема туристского потребления.

Динамика внутреннего потребления туристов приведена на рисунке 3 и констатирует тенденцию снижения данного показателя в период с 2006 по 2017 г. По сравнению с 2006 г. потребление резидентов и нерезидентов внутри страны уменьшилось на 1 млрд долл. Однако по отношению к максимальному уровню, который был в 2008 г. и составлял 6,6 млрд долл., внутреннее потребление в 2017 г. сократилось на 69,2 %.

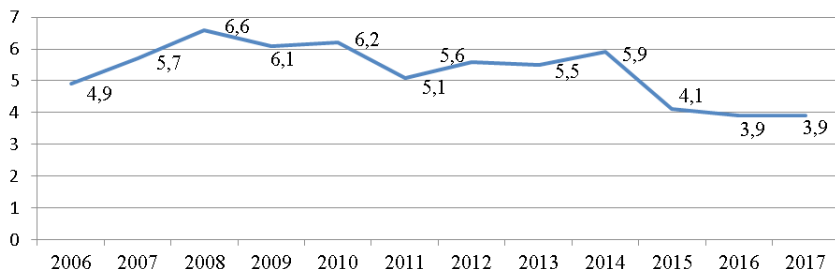

Рис. 3. Динамика внутреннего потребления туристов, млрд долл. (2006–2017 гг.)

Fig. 3. Dynamics of domestic consumption of tourists, billion dollars (2005–2017)

Весьма важно для анализа экономики туризма выявить соотношение расходов внутри страны между резидентами и нерезидентами. Расходы резидентов показаны в таблице 2. В абсолютных единицах в 2017 г. они практически не изменились по сравнению с 2006 г.: было 1,9 млрд долл., стало – 2,1 млрд долл.

Вследствие снижения популярности Туниса на международном туристском рынке из-за нестабильности экономической и политической ситуации, доля расходов резидентов во внутреннем потреблении постоянно растет: она поднялась с 38,8 % в 2006 г. до 54,8 % в 2017 г. Если до революционных событий 2010–2011 гг. почти 3/5 внутреннего потребления приходилось на нерезидентов, т. е. иностранных лиц, приезжавших в страну, то с 2011 г. более половины расходов приходится на резидентов страны.

Государственные расходы на туризм показывают в определенной мере отношение государства к туризму. За счет государственных средств в стране реализуется программа по развитию туризма, предусматривающая дальнейшее совершенствование туристской инфраструктуры: коллективных средств размещения, предприятий питания и развлечения, транспортных путей и средств передвижения и т. д.

Т а б л и ц а 2. Расходы резидентов внутри Туниса

Table 2. Expenses of residents within Tunisia

Год / Year	Внутреннее потребление туристов, млрд долл. / Domestic consumption of tourists, billion dollars	Расходы резидентов внутри страны, млрд долл. / Expenses of residents within the country, billion dollars	Удельный вес резидентов во внутреннем потреблении, % / Proportion of residents in domestic consumption, percent
2006	4,9	1,9	38,8
2007	5,7	2,3	40,4
2008	6,6	2,7	40,9
2009	6,1	2,6	42,6
2010	6,2	2,7	43,5
2011	5,1	2,6	51,0
2012	5,6	2,7	48,2
2013	5,5	2,7	49,1
2014	5,9	2,8	47,5
2015	4,1	2,2	53,7
2016	3,9	2,2	56,4
2017	3,9	2,1	54,8

Для Туниса уровень государственных расходов на туризм с 2006 по 2017 г. остается неизменным: 100 млн долл. ежегодно. Практически не меняется и удельный вес государственных расходов на туризм в общем объеме расходов государства на экономику: удельный вес колеблется от 7,2 % в 2006 г. до 7,5 % в 2017 г.¹³.

К числу основных показателей, характеризующих экономику туризма, относится вклад туризма в занятость населения. Выделяют прямой вклад туризма в занятость (общее количество работников, занятых в сфере туризма и предоставляющих услуги туристам) и косвенный (количество рабочих мест, косвенно вовлеченных в туристскую деятельность). Сумма прямого и косвенного вклада показывает общий вклад туризма в занятость.

Для Туниса характерно постоянное изменение прямого вклада туризма в занятость, о чем свидетельствуют данные таблицы 3. Согласно показателям, четко прослеживаются два значительных спада в количестве занятых в туризме: один был в 2011 г. и связан с событиями Финиковой революции (занятость по сравнению с 2008 г. сократилась на 70,5 тыс. чел., или на 23,7 %), второй – в 2015 г. и вызван серией террористических актов (занятость в туризме упала на 58,9 тыс. чел. по сравнению

¹³ Там же.

с 2014 г., или на 22 %). Таким образом, в периоды восстановления отрасли происходит увеличение прямой занятости в туризме, но они чередуются с периодами спада в сфере занятости.

Важно также оценить удельный вес прямого вклада туризма в общий вклад в занятость. Из таблицы 3 видно, что удельный вес прямого вклада туризма в общий вклад в занятость в Тунисе практически не меняется на протяжении рассматриваемых 12 лет. Данные свидетельствуют, что 1 работник в туризме создает примерно 1 рабочее место в отраслях, косвенно связанных с туризмом. Это говорит о достаточно низком мультипликативном эффекте туризма в данной стране.

Т а б л и ц а 3. Вклад туризма в занятость Туниса

Table 3. Contribution of tourism to employment in Tunisia

Год / Year	Общий вклад туриз- ма в занятость, тыс. чел. / Total contribution of tourism to employment, thousand people	Прямой вклад туризма в занятость, тыс. чел. / Direct contribution of tourism to employment, thousand people	Удельный вес пря- мого вклада в общий вклад в занятость, % / Proportion of direct contribution in total contribution to employment, percent
2006	595,7	280,2	47,0
2007	605,5	290,9	48,0
2008	611,7	297,5	48,6
2009	598,5	290,1	48,5
2010	597,7	294,2	49,2
2011	473,3	227,0	48,0
2012	518,6	255,5	49,3
2013	505,6	250,1	49,5
2014	534,8	268,3	50,2
2015	437,8	209,4	47,8
2016	440,2	210,2	47,8
2017	464,1	225,1	48,5

Главным показателем, характеризующим экономику какой-либо страны в целом, является валовой внутренний продукт (ВВП). С помощью него получают ответы на вопросы экономико-статистической сферы. Так, доказано, что увеличение реальных заработков приводит к увеличению платежеспособного спроса, что способствует расширению круга доступных возможностей и благ, в том числе для удовлетворения туристско-рекреационных потребностей людей.

Прямой и косвенный вклад в совокупности образуют общий вклад туризма в формирование ВВП.

Прямой вклад туризма отражается в доходной части бюджета того или иного уровня через налоги, в формировании валового продукта, в увеличении количества рабочих мест в данной сфере деятельности.

Косвенные доходы от туризма – это денежные средства, которые были затрачены турфирмами, туристами и предприятиями туристской индустрии на приобретение оборудования, потребительских товаров и услуг у предприятий, не относящихся к туристской индустрии. Чем больше времени турист будет находиться на месте пребывания, тем больше сумма его расходов, следовательно, выше косвенное (мультипликативное) воздействие туризма. Косвенный вклад туризма шире и превышает по эффективности прямой. Так, в 2017 г. прямое воздействие туризма на мировой ВВП составило 3,2 %, а общий вклад – 10,4 %, т. е. на косвенное воздействие пришлось 7,2 %¹⁴. Причиной этого является стимулирование отраслей, косвенно связанных с туризмом.

Максимальный размер общего вклада туризма в ВВП Республики Тунис приходился на 2008 г. и составил 9,5 млрд долл. (табл. 4). Однако снижение популярности Туниса на мировом туристском рынке из-за революционных событий и периодических террористических актов привело к тому, что объем общего вклада туризма в ВВП страны в 2017 г. по сравнению с 2008 г. сократился на 3,8 млрд долл., или на 40 %. Самые значительные темпы падения общего вклада туризма были в 2015 г., когда он упал на 26,8 % по отношению к уровню 2014 г.

Все это не могло не сказаться на удельном весе туристской индустрии в формировании ВВП Туниса. Если в 2006 г. туризм вносил более 1/5 (21,5 %) доходов в ВВП страны, то в 2017 г. – всего лишь 1/7 (или 14,2 %).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что туристская отрасль Туниса до сих пор не восстановила свои прежние позиции, что негативно сказывается не только на самой отрасли, но и на экономике всей страны.

При анализе общего вклада туризма в формирование ВВП страны важно оценить соотношение между прямым и косвенным воздействием туризма. В течение всего рассматриваемого временного периода удельный вес прямого вклада туризма в ВВП Туниса лишь немногим уступал косвенному, а в 2014 г. даже был выше. В 2017 г. соотношение прямого и косвенного вкладов туризма в ВВП Туниса было 1:1,07, в то время как в мире это соотношение составляло 1:2,25. Показатели свидетельствуют о том, что тенденции развития туризма в стране не совпадают с тенденциями развития туризма в мире.

¹⁴ Там же.

Таблица 4. **Общий вклад туризма в формирование ВВП Туниса**
Table 4. **Total contribution of tourism to Tunisia's GDP**

Год / Year	Общий вклад туризма в ВВП, млрд долл. / Total contribution of tourism to GDP, billion dollars	Цепные изменения общего вклада / Chain changes in the total contribution		Удельный вес общего вклада туризма в ВВП, % / Proportion of contribution of tourism in GDP, percent
		абсолютное, млрд долл. / absolute, billion dollars	относитель- ное, % / relative, percent	
2006	7,4	—	100,0	21,5
2007	8,3	0,9	112,2	21,4
2008	9,5	1,2	114,5	21,3
2009	8,9	-0,6	93,7	20,4
2010	8,8	-0,1	98,9	20,0
2011	7,4	-1,4	84,1	16,1
2012	7,9	0,5	106,8	17,4
2013	7,7	-0,2	97,5	16,7
2014	8,2	0,5	106,5	17,2
2015	6,0	-2,2	73,2	13,8
2016	5,7	-0,3	95,0	13,7
2017	5,7	0,0	100,0	14,2

Негативно на развитие туризма влияют террористические акты. Например, после теракта в апреле 2002 г. количество немецких туристов, посетивших о. Джербу, сократилось с 300 тыс. до 120 тыс. чел. в год. В 2015 г. была совершена серия из 3 террористических актов, после которых туристская индустрия Туниса полностью так и не смогла восстановиться до сих пор. Эта постоянная угроза терроризма отпугивает зарубежных инвесторов, которые снижают объемы капиталовложений в туристскую отрасль страны.

В 2017 г. наблюдалась положительная динамика в развитии туризма. Министерство туризма Туниса подсчитало количество иностранных туристов, которые посетили страну в этом году, и констатировало увеличение туристского потока на 23,2 % (7 052 тыс. чел.)¹⁵. В этом же году число европейских туристов в Тунисе выросло до 1,66 млн чел. (за год рост

¹⁵ Барометр международного туризма ЮНВТО – январь 2018.

произошел на 19,5 %). Возвращаются в эту туристскую дестинацию в основном французские и немецкие туристы: число французских гостей увеличилось за год на 45,5 %, немецких – на 40,8 %.

Положительная статистика свидетельствует о том, что жизненно важная отрасль экономики Туниса постепенно восстанавливается от последствий революционных волнений и террористических актов и находится в стадии роста.

Обсуждение и заключение. Экономика туризма изучает и анализирует процесс воспроизводства туристских продуктов, услуг и товаров. Высокий мультипликативный эффект, оказываемый туризмом на различные стороны общественной жизни, роль, которую он играет в национальной и мировой экономике обуславливают важность и настоятельность изучения проблем экономики туризма. Однако к настоящему времени в научной литературе еще не выработан единый подход к оценке вклада туризма на различных уровнях экономики. Для данной оценки в основном используют ряд макроэкономических показателей, носящих переменный характер и в значительной мере зависящих от политических и социально-экономических процессов, происходящих в стране. Это четко проявляется при анализе макроэкономических показателей развития туризма в Тунисской Республике.

Исследование показало, что современный уровень макроэкономических показателей экономики туризма Туниса отстает от показателей 2008–2009 гг. Причины отставания вызваны как политическими (революция, террористические акты), так и социально-экономическими (рост безработицы, падение производства, экономический спад и др.) факторами.

Результаты проведенного исследования позволили оценить современное состояние международного туризма в стране. Полученные данные могут способствовать разработке программы развития экономики туризма Туниса, одно из важнейших мест в которой должно быть отведено повышению показателей на макроуровне. Это позволит обеспечить условия устойчивого экономического роста туризма в стране, увеличить занятость, повысить уровень налоговых поступлений в бюджет, сбалансировать платежный баланс и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валединская Е. Н. Роль и значение стратегического развития сферы услуг туризма и гостеприимства в региональной экономике // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 4. С. 79–86. URL: <https://readera.ru/140206206> (дата обращения: 28.01.2019).

2. Виноградова М. В. Социально-экономическое влияние развития регионального туристского комплекса на экономику региона // Сервис в России

и за рубежом. 2010. № 1. С. 132–140. URL: http://service-rusjournal.ru/index.php?do=cat&category=2010_1 (дата обращения: 28.01.2019).

3. Калитвинцева М. В. Экономические показатели вклада туристической отрасли в экономику региона // Российское предпринимательство. 2011. Т. 12, № 9. С. 151–156. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/7014> (дата обращения: 28.01.2019).

4. Новичков Н. В. Экономика туризма региона: основные особенности и тенденции // ARS ADMINISTRANDI. 2015. Вып. № 2. С. 105–120. URL: <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=480> (дата обращения: 28.01.2019).

5. Дядечко В. В. Современные подходы к оценке конкурентоспособности предпринимательских структур в сфере туризма // Вестник Национальной академии туризма. 2011. № 2 (18). С. 40–43. URL: <http://vestnik.nat-moo.ru/ru/> (дата обращения: 28.01.2019).

6. Рубцова Н. В. Концепция повышения социально-экономической эффективности туристской деятельности на уровне туристской дестинации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 5 (120). С. 119–128. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25107875> (дата обращения: 28.01.2019).

7. Рубцова Н. В. Организационно-экономический механизм повышения социально-экономической эффективности туристской деятельности на уровне туристской дестинации // Вестник ВСГУТУ. 2015. № 3. С. 102–108. URL: <http://vestnik.esstu.ru/issues.html> (дата обращения: 28.01.2019).

8. Цапук Д. А. Маркетинговые программы и продвижение глобальных городов на международном туристском рынке // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. № 2. С. 14–24. DOI: <https://doi.org/10.12737/11391>

9. Croes R., Rivera M. A. Tourism's Potential to Benefit the Poor: A Social Accounting Matrix Model Applied to Ecuador // Tourism Economics. 2017. Vol. 23, issue 1. Pp. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0495>

10. Correia A., Kozak M., Kim S. Luxury Shopping Orientations of Mainland Chinese Tourists in Hong Kong: Their Shopping Destination // Tourism Economics. 2018. Vol. 24, issue 1. Pp. 92–108. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617725453>

11. An Integrated Model for Evaluating Investments in Cultural Heritage Tourism in the Dominican Republic / O. Banerjee [et al.] // Tourism Economics. 2017. Vol. 23, issue 8. Pp. 1568–1580. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617713229>

12. Benítez-Aurioles B. The Role of Distance in the Peer-to-Peer Market for Tourist Accommodation // Tourism Economics. 2018. Vol. 24, issue 3. Pp. 237–250. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617726211>

13. Dikgang J., Muchapondwa E., Stage J. Securing Benefits for Local Communities from International Visitors to the Kgalagadi Transfrontier Park // Tourism Economics. 2017. Vol. 23, issue 8. Pp. 1553–1567. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617707593>

14. Fredman P., Wikström D. Income Elasticity of Demand for Tourism at Fulufjället National Park // Tourism Economics. 2018. Vol. 24, issue 1. Pp. 51–63. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617724012>

15. Gunter U., Önder I. Determinants of Airbnb Demand in Vienna and their Implications for the Traditional Accommodation Industry // Tourism Economics. 2018. Vol. 24, issue 3. Pp. 270–293. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617731196>

16. Jingwen W., Mingzhu L. Characteristics of Visitor Expenditure in Macao and their Impact on its Economic Growth // *Tourism Economics*. 2018. Vol. 24, issue 2. Pp. 218–233. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617749352>
17. Tavares J. M., Leitao N. C. The Determinants of International Tourism Demand for Brazil // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 4. Pp. 834–845. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2016.0540>
18. Kostakis I., Theodoropoulou E. Spatial Analysis of the Nexus Between Tourism-Human Capital-Economic Growth // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 7. Pp. 1523–1534. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617692473>
19. Morales J. M. L., Devesa M. J. S. Business Cycle and External Dependence on Tourism: Evidence for Spain // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 1. Pp. 187–199. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0506>
20. Ajogbeje K., Adeniyi O., Folarin O. The Effect of Terrorism on Tourism Development in Nigeria: A Note // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 8. Pp. 1673–1678. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617692477>
21. Altin M., Memili E., Sönmez S. Institutional Economics and Firm Creation in the Hospitality and Tourism Industry // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 7. Pp. 1382–1397. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617689869>
22. Koh Y., Defranco A., Back K.-J. Modeling Average Daily Rate (ADR) Volatility Index and Room Price Positioning Matrix // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 7. Pp. 1476–1483. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617702051>
23. Mahadevan R. Examining Domestic and International Visits in Australia's Aboriginal Tourism // *Tourism Economics*. 2018. Vol. 24, issue 1. Pp. 127–134. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617701440>
24. Is Hotel Efficiency Necessary for Tourism Destination Competitiveness? An Integrated Approach / L. F. Mendieta-Peñalver [et al.] // *Tourism Economics*. 2018. Vol. 24, issue 1. Pp. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2016.0555>
25. Motta V. Are SMEs in the Hospitality Industry Less Likely to Experience Credit Constraint than other Industries in the Service Sector? Evidence from Latin America // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 7. Pp. 1398–1418. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617692476>
26. Aroca P., Brida J. G., Volo S. Tourism Statistics: Correcting Data Inadequacy // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 1. Pp. 99–112. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0500>
27. Clusters as a Factor of Competitiveness of Rural Tourism Destinations in the Danube Region of the Republic of Serbia / R. Pejanović [et al.] // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 2. Pp. 475–482. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0509>
28. Bo Z. The Spillover Effect of Attractions: Evidence from Eastern China / Z. Bo [et al.] // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 4. Pp. 731–743. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2016.0541>
29. Tokarchuk O., Gabriele R., Maurer O. Development of City Tourism and Well-Being of Urban Residents: A Case of German Magic Cities // *Tourism Economics*. 2017. Vol. 23, issue 2. Pp. 343–359. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816616656272>

Поступила 10.02.2019; принята к публикации 20.03.2019; опубликована онлайн 28.06.2019.

Об авторах:

Жулина Марина Александровна, заведующий кафедрой туризма ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5011-723X>, mzhulina@mail.ru

Кицис Вячеслав Михайлович, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4016-5275>, vkitsis@mail.ru

Сарайкина Светлана Васильевна, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8050-8992>, ssarajkina@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Жулина Марина Александровна – постановка научной проблемы; научное руководство.

Кицис Вячеслав Михайлович – определение теоретико-методологических основ исследования; написание статьи.

Сарайкина Светлана Васильевна – поиск аналитических материалов; подготовка проекта текста статьи; составление таблиц и рисунков; доработка текста статьи.

Для цитирования:

Жулина М. А., Кицис В. М., Сарайкина С. В. Макроэкономическая характеристика экономики туризма Тунисской Республики // Регионология. 2019. Т. 27, № 2. С. 224–245. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.224-245>

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Valedinskaya E.N. [The Role and Significance of Strategic Development of Tourism and Hospitality Services in the Regional Economy]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2012; (4):79-86. Available at: <https://readera.ru/140206206> (accessed 28.01.2019). (In Russ.)
2. Vinogradova M.V. Local Tourist Complex and Regional Economy: Socio-Economic Impact. *Servis v Rossii i za rubezhom* = Service in Russia and Abroad. 2010; (1):132-140. Available at: http://service-rusjournal.ru/index.php?do=cat&category=2010_1 (accessed 28.01.2019). (In Russ.)
3. Kalitvintseva M.V. Indicators for Assessing the Contribution of Tourism to the Regional Economy: An Analytical Review and Systematization. *Rossiiskoe predprinimatelstvo* = Russian Journal of Entrepreneurship. 2011; 12(9):151-156. Available at: <https://creativeconomy.ru/lib/7014> (accessed 28.01.2019). (In Russ.)

4. Novichkov N.V. Tourism Economy of Region: The Main Features and Trends. *ARS ADMINISTRANDI*. 2015; (2):105-120. Available at: <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=480> (accessed 28.01.2019). (In Russ.)

5. Dyadechko V.V. Modern Approaches to Competitiveness Assessment of Enterprise Structures in Tourism. *Vestnik Natsionalnoj akademii turizma* = Vestnik of National Tourism Academy. 2011; (2):40-43. Available at: <http://vestnik.nat-moo.ru/> (accessed 28.01.2019). (In Russ.)

6. Rubtsova N.V. Concept for Improving Socio-Economic Effectiveness of Tourism Activity in Tourist Destination. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Transbaikal State University. 2015; (5):119-128. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25107875> (accessed 28.01.2019). (In Russ.)

7. Rubtsova N.V. The Organizational-Economic Mechanism of Socioal-Economic Efficiency Improvement of Tourism Activity. *Vestnik VSGUTU* = ESSUTM Bulletin. 2015; (3):102-108. Available at: <http://vestnik.esstu.ru/issues.html> (accessed 28.01.2019). (In Russ.)

8. Tsapuk D.A. Marketing Programs and the Promotion of Global Cities in the International Tourist Market. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2015; (2):14-24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.12737/11391>

9. Croes R., Rivera M.A. Tourism's Potential to Benefit the Poor: A Social Accounting Matrix Model Applied to Ecuador. *Tourism Economics*. 2017; 23(1):29-48. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0495>

10. Correia A., Kozak M., Kim S. Luxury Shopping Orientations of Mainland Chinese Tourists in Hong Kong: Their Shopping Destination. *Tourism Economics*. 2018; 24(1):92-108. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617725453>

11. Banerjee O., Henseler M., Maisonnave H., Beyene L.M., Velasco M. An Integrated Model for Evaluating Investments in Cultural Heritage Tourism in the Dominican Republic. *Tourism Economics*. 2017; 23(8):1568-1580. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617713229>

12. Benítez-Aurioles B. The Role of Distance in the Peer-to-Peer Market for Tourist Accommodation. *Tourism Economics*. 2018; 24(3):237-250. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617726211>

13. Dikgang J., Muchapondwa E., Stage J. Securing Benefits for Local Communities from International Visitors to the Kgalagadi Transfrontier Park. *Tourism Economics*. 2017; 23(8):1553-1567. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617707593>

14. Fredman P., Wikström D. Income Elasticity of Demand for Tourism at Fulufjället National Park. *Tourism Economics*. 2018; 24(1):51-63. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617724012>

15. Gunter U., Önder I. Determinants of Airbnb Demand in Vienna and their Implications for the Traditional Accommodation Industry. *Tourism Economics*. 2018; 24(3):270-293. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617731196>

16. Jingwen W., Mingzhu L. Characteristics of Visitor Expenditure in Macao and their Impact on its Economic Growth. *Tourism Economics*. 2018; 24(2):218-233. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617749352>

17. Tavares J.M., Leitao N.C. The Determinants of International Tourism Demand for Brazil. *Tourism Economics*. 2017; 23(4):834-845. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2016.0540>
18. Kostakis I., Theodoropoulou E. Spatial Analysis of the Nexus Between Tourism-Human Capital-Economic Growth. *Tourism Economics*. 2017; 23(7):1523-1534. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617692473>
19. Morales J.M.L., Devesa M.J.S. Business Cycle and External Dependence on Tourism: Evidence for Spain. *Tourism Economics*. 2017; 23(1):187-199. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0506>
20. Ajogbeje K., Adeniyi O., Folarin O. The Effect of Terrorism on Tourism Development in Nigeria: A Note. *Tourism Economics*. 2017; 23(8):1673-1678. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617692477>
21. Altin M., Memili E., Sönmez S. Institutional Economics and Firm Creation in the Hospitality and Tourism Industry. *Tourism Economics*. 2017; 23(7):1382-1397. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617689869>
22. Koh Y., Defranco A., Back K.-J. Modeling Average Daily Rate (ADR) Volatility Index and Room Price Positioning Matrix. *Tourism Economics*. 2017; 23(7):1476-1483. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617702051>
23. Mahadevan R. Examining Domestic and International Visits in Australia's Aboriginal Tourism. *Tourism Economics*. 2018; 24(1):127-134. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617701440>
24. Mendieta-Peñalver L.F., Perles-Ribes J.F., Ramón-Rodríguez A.B., Such-Devesa M.J. Is Hotel Efficiency Necessary for Tourism Destination Competitiveness? An Integrated Approach. *Tourism Economics*. 2018; 24(1):3-26. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2016.0555>
25. Motta V. Are SMEs in the Hospitality Industry Less Likely to Experience Credit Constraint than other Industries in the Service Sector? Evidence from Latin America. *Tourism Economics*. 2017; 23(7):1398-1418. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816617692476>
26. Aroca P., Brida J.G., Volo S. Tourism Statistics: Correcting Data Inadequacy. *Tourism Economics*. 2017; 23(1):99-112. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0500>
27. Pejanović R., Demirović D., Glavaš-Trbić D., Maksimović G., Tomaš-Simin M. Clusters as a Factor of Competitiveness of Rural Tourism Destinations in the Danube Region of the Republic of Serbia. *Tourism Economics*. 2017; 23(2):475-482. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0509>
28. Bo Z., Bi Y., Hengyun L., Hailin Q. The Spillover Effect of Attractions: Evidence from Eastern China. *Tourism Economics*. 2017; 23(4):731-743. DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2016.0541>
29. Tokarchuk O., Gabriele R., Maurer O. Development of City Tourism and Well-Being of Urban Residents: A Case of German Magic Cities. *Tourism Economics*. 2017; 23(2):343-359. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816616656272>

Submitted 10.02.2019; accepted for publication 20.03.2019; published online 28.06.2019.

About the authors:

Marina A. Zhulina, Head of the Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Geography), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5011-723X>, mzhulina@mail.ru

Vyacheslav M. Kitsis, Associate Professor, Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Geography), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4016-5275>, vkitsis@mail.ru

Svetlana V. Saraykina, Associate Professor, Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Geography), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8050-8992>, ssarajkina@rambler.ru

Contribution of the authors:

Marina A. Zhulina – statement of the scientific problem; academic supervision.

Vyacheslav M. Kitsis – formulation of the theoretical and methodological foundations of the research; writing the text of the article.

Svetlana V. Saraykina – search for analytical materials; preparation of the draft text of the article; drawing up tables and figures; revision of the text of the article.

For citation:

Zhulina M.A., Kitsis V.M., Saraykina S.V. Macroeconomic Characteristics of Tourism Economy in the Republic of Tunisia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):224-245. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.224-245>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Угрозы экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия

Е. Г. Воробьева*

И. Г. Кильдюшкина

*ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск, Россия),
* miss.vorobeyva@yandex.ru*

Введение. Проблема продовольственной безопасности, задача наращивания экспорта в стране вызывают необходимость идентификации и мониторинга угроз экономической безопасности сельского хозяйства в каждом регионе, обуславливая актуальность темы. Выявление и анализ угроз экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия и их источников – основная цель, поставленная в исследовании.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования рассматривается сельскохозяйственная отрасль Республики Мордовия. Применяются методы системного анализа, экономической статистики, аналитической, динамической и графической интерпретации информации.

Результаты исследования. Проведен анализ развития сельскохозяйственной отрасли за последние десять лет, выявлены и проанализированы угрозы экономической безопасности отрасли в Республике Мордовия и их источники, представлена классификация угроз, обоснован комплекс основных направлений, нацеленный на предупреждение и нейтрализацию угроз. Доказано, что обозначенные угрозы не являются абсолютно непреодолимыми, но имеют системный характер, так как формируются на макроуровне и требуют идентичного комплексного решения в рамках государственной региональной политики.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод о наличии угроз в сельском хозяйстве Республики Мордовия, сформировавшихся вследствие неграмотной политики 1990-х гг. Несмотря на предпринимаемые меры, ситуацию по-прежнему не

© Воробьева Е. Г., Кильдюшкина И. Г., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

удается стабилизировать. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методики анализа угроз отраслевой экономической безопасности на уровне региона. Практическая значимость исследования выражается в возможности применения полученной информации при разработке отраслевых программ развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса субъектами Российской Федерации, сталкивающимися с аналогичными угрозами.

Ключевые слова: угрозы, источники, экономическая безопасность, мезоуровень, отрасль, сельское хозяйство, регион, Республика Мордовия

Threats to the Economic Security of the Agricultural Sector of the Republic of Mordovia

E. G. Vorobyova*, I. G. Kildyushkina

*Research Institute for the Humanities under the Government
of the Republic of Mordovia (Saransk, Russia),
miss.vorobeyva@yandex.ru

Introduction. The issue of food security and the task of increasing Russia's exports make it necessary to identify and monitor the threats to the economic security of agriculture in each region; therefore the topic is of particular relevance. The main goal of the study is to identify and analyze the threats to the economic security of the agricultural sector of the Republic of Mordovia and their sources.

Materials and Methods. The agricultural sector of the Republic of Mordovia was considered as the object of the research. The study employed the methods of system analysis, economic statistics, and analytical, dynamic and graphical interpretation of information.

Results. The authors have analyzed the development of the agricultural sector over the past ten years, identified and examined the threats to the economic security of the industry and their sources, presented a classification of the threats, substantiated the range of measures aimed at preventing and neutralizing the threats. It has been proved that the identified threats are not completely insurmountable but are systemic since they are formed at the macro level and require an identical comprehensive solution within the framework of the state regional policy.

Discussion and Conclusion. It has been concluded that the present threats to the agriculture of the Republic of Mordovia resulted from the 1990s ignorant policies. Despite the measures taken, the situation still cannot be improved. Further research may be aimed at developing a methodology for analyzing threats to sectoral economic security at the regional level. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the obtained information when establishing sectoral programs for the development of agriculture and the agro-industrial sector by the constituent entities of the Russian Federation facing similar threats.

Keywords: threats, sources, economic security, meso level, sector, agriculture, region, Republic of Mordovia

Введение. В теории экономической безопасности на мезоуровне, в том числе сельскохозяйственной, пока не сформулировано обобщенных определений понятий «экономическая безопасность отрасли», «угрозы экономической безопасности отрасли». Формирование терминологического аппарата продолжается. Поэтому данная проблематика актуальна как в теоретическом, так и в прикладном аспектах применительно к региональной отрасли сельского хозяйства.

Агропромышленный комплекс (АПК), в том числе и сельское хозяйство, – одна из ведущих комплексобразующих отраслей региона, призванных обеспечить его продовольственную и экономическую безопасность – признаны важной составляющей потенциала современного экономического роста Республики Мордовия. Президент России В. В. Путин отметил, что за пять последних лет АПК демонстрирует позитивную динамику (рост на более чем 20 %)¹. Он подчеркнул важность регионов в развитии сельского хозяйства, выделив отрасль как ключевую². Министр сельского хозяйства России Д. Н. Патрушев пояснил, что по некоторым показателям были преодолены пороги индикаторов Доктрины продовольственной безопасности³.

В связи с этим в майском указе поставлена задача нарастить до 2024 г. экспорт продукции АПК за счет роста качества отечественных товаров и их конкурентоспособности до 45 млрд долл. в год⁴. Для Мордовии положительно то, что экспорт продукции АПК (в 24 страны), входящей по данному показателю в топ-15 российских регионов, вырос в 2018 г. на 27 % по сравнению с 2017 г. и составил 16 млн долл. Глава Мордовии В. Д. Волков заверил, что к 2024 г. прогнозируемый индикатор в республике увеличится более чем в 3 раза⁵. Для этого требуется своевременное выявление и анализ угроз экономической безопасности отраслей АПК, их учет при определении ключевых индикаторов и направлений региональной экономической политики.

Наличие непреодолимых проблем, несмотря на в целом положительную динамику развития сельскохозяйственной отрасли региона, вызы-

¹ Совещание по вопросам развития сельского хозяйства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58757> (дата обращения: 12.03.2019).

² Полный текст Послания Владимира Путина Федеральному Собранию в 2016 году [Электронный ресурс]. URL: <https://sosedgeorg.livejournal.com/490126.html> (дата обращения: 29.03.2019).

³ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 120 от 30.01.2010 [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/12172719> (дата обращения: 29.03.2019).

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038?index=18&rangeSize=1> (дата обращения: 12.03.2019).

⁵ Глава Мордовии: «К 2024 году экспорт продукции АПК в республике вырастет более чем в три раза» [Электронный ресурс]. URL: <https://izvmor.ru/novosti/ekonomika/glava-mordovii-k-2024-godu-eksport-produktsii-apk-v-respublike-vyrastet-bolee-chem-v-tri-raza> (дата обращения: 12.03.2019).

вает необходимость принятия эффективных управленческих решений на мезоуровне на основе своевременного мониторинга угроз экономической безопасности, детерминируя значимость тематики. Основная цель исследования – на основе выявления и анализа угроз экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия и их источников разработать комплекс основных направлений, включающий мероприятия по их предупреждению и нейтрализации. Для этого необходимо рассмотреть развитие сельского хозяйства Республики Мордовия, разработать классификацию угроз экономической безопасности на мезоуровне, что позволит расширить теоретическую базу в области экономической безопасности, будет способствовать принятию обоснованных управленческих решений на практике, поможет осуществлять процесс планирования и реализации региональной экономической политики в сфере АПК более качественно.

Обзор литературы. Фундаментом построения теории экономической безопасности на мезоуровне в России послужили исследования Л. И. Абалкина, Л. А. Борзых, С. Ю. Глазьева, В. Л. Тамбовцева и др. Некоторые идеи продолжают тиражироваться и развиваться сегодня. Например, одни (В. К. Сенчагов, Е. А. Иванов) призывают обращать внимание на необходимость отраслевого мониторинга экономической безопасности в масштабах страны, указывая на большую роль субъектов РФ в ее обеспечении⁶, другие (Ф. А. Айзатов, Е. Г. Воробьева) отмечают многоаспектность категории «экономическая безопасность», характеризуемой на разных уровнях, в том числе отраслевом [1].

Проблемы экономической безопасности в различных сферах и отраслях экономики (промышленная, продовольственная безопасность, технологические, энергетические, социально-экономические аспекты экономической безопасности предприятий и отдельных регионов) раскрыты в работах Г. В. Гутмана, С. Р. Демидова, Ю. Н. Лапыгина, И. С. Минко, И. В. Новиковой и др. В частности, С. А. Разгонов пишет об экономической безопасности автомобилестроения [2], Н. В. Шубина – об угрозах экономической безопасности в деревообработке [3].

Приоритеты постепенно смещаются в сторону отраслевой экономической безопасности в масштабах стран и регионов, заполняя белые пятна карты ключевых вопросов теории. В некоторых работах прослеживается тесная взаимосвязь отраслевых и региональных аспектов проблемы. Так, Г. В. Маханько исследует экономическую безопасность аграрной сферы Краснодарского края [4], Е. А. Третьякова – социальной отрасли Пермского края [5], Л. А. Борзых – социальную сферу регионов России [6].

⁶ Сенчагов В. К., Иванов Е. А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. М.: Ин-т экономики РАН, Центр финансовых исследований, 2015. 46 с.

Нельзя не согласиться с Н. В. Шубиной, выделившей экономическую безопасность отрасли в отдельную экономическую категорию и обосновавшей необходимость разработки фундаментальных исследований в контексте формирования концепции отраслевой экономической безопасности. Автор приводит не только классификацию угроз в лесопромышленном комплексе в России, но и предлагает рассчитывать их рейтинг, степень влияния и возможные последствия в случае проявления [3].

Зарубежные экономисты Д. К. Нанто и С. Р. Ронис рассматривают экономическую безопасность в качестве составной части национальной, хотя в несколько ином разрезе, чем региональную⁷ [7]. Отличие заключается в прикладном характере отраслевого подхода. Вопросы отраслевой безопасности прослеживаются в работах современных зарубежных ученых. Так, В. Ван с соавторами на примере нефтяной отрасли Китая построили Систему индикаторов раннего предупреждения с использованием метода факторного анализа SPSS (Статистические решения для продуктов и услуг) [8]. В нее вошли 23 субиндикатора для трех аспектов (безопасность ресурсов, рынка и потребления). Исследователи доказали, что уровень безопасности нефтяной системы Китая находится под серьезной угрозой и продолжает снижаться. Другие китайские исследователи У. Лин и Т. Чен в ключе новой парадигмы развития экологического сельского хозяйства (агроэкологии) предложили пути перехода сельскохозяйственных систем к экологизации в Китае [9].

В работах В. И. Авдийского, О. В. Голосова, В. А. Дадалко, Г. А. Ковалевой и других ученых преобладают угрозы региональной и отраслевой экономической безопасности, которые могут возникать во всех сферах и уровнях экономики, дестабилизируют экономическую безопасность и указывают на неблагополучие в любой системе⁸.

Являясь важной категорией теории экономической безопасности, угрозы по-разному трактуются и изменяются в зависимости от решаемой проблемы. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года угрозы экономической безопасности определяются как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере⁹. Их выявлению, анализу,

⁷ Ronis S. R. Economic Security: Neglected Dimension of National Security? Conference Center for Strategic Conferencing, Institute for National Strategic Studies. August 24–25, 2010. URL: <http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/Books/economic-security.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

⁸ Экономическая безопасность Свердловской области / Э. Э. Россель [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 85–89.

⁹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ № 208 от 13.05.2017 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. РУ. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/#ixzz5dtYH19bn> (дата обращения: 25.03.2019).

классификации и характеристике посвящены труды А. К. Большакова, Н. Г. Гловацкой, Е. А. Олейникова, К. Ф. Самсонова, В. Л. Тамбовцева и других ученых.

Если И. С. Минко под угрозами экономической безопасности отрасли имеет в виду явления и процессы, которые могут негативно повлиять на ее экономику, удовлетворение экономических потребностей человека, групп населения, общества и государства, то В. В. Карпов и А. А. Кораблева интерпретируют угрозы экономической безопасности региона как события и явления во внешней и внутренней среде, создающие прямую или косвенную возможности нанесения ущерба, приводя к ухудшению показателей развития субъекта РФ¹⁰. Е. Караниной, О. Рязановой и Н. Грицюк анализируются угрозы экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий для транспортных предприятий Кировской области [10].

Представителями макроэкономического подхода в подобных исследованиях выступают Н. П. Ващекин, М. И. Дзлийев, А. Д. Урсул¹¹, Э. Э. Россель и другие авторы¹², выделившие основные внешние и внутренние угрозы экономической безопасности¹³. Региональный подход реализован в трудах Л. А. Борзых [6], Д. В. Третьякова¹⁴: первая определяет в качестве базиса работы по предотвращению и преодолению угроз диагностику и мониторинг региональной экономической безопасности, второй указывает на отсутствие системы утвержденных пороговых значений индикаторов, позволяющих оперативно и достоверно оценивать состояние экономической безопасности в регионах. Региональной экономической безопасности, зависящей от внутренних и внешних угроз, посвящена работа В. В. Акбердиной, А. В. Гребенкина и О. П. Смирновой [11]. Авторы исследовали взаимодействие форм сетевой интеграции и развития дополнительных производственных сетей с точки зрения экономической безопасности и определили специфические особенности регионов Уральского федерального округа.

Несмотря на значительное разнообразие трактовок понятия «угроза», их объединяет понимание термина не как ущерба или потери чего-либо, а как его ожидание, предвидение, ощущение опасности возможных нежелательных событий и их последствий.

¹⁰ Минко И. С. Экономические угрозы и экономическая безопасность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibl.ru/konf/151211/ekonomicheskie-ugrozy.html> (дата обращения: 07.02.2019).

¹¹ Ващекин Н. П., Дзлийев М. И., Урсул А. Д. Безопасность и устойчивое развитие России: моногр. М.: МГУК, 1998. 446 с.

¹² Экономическая безопасность Свердловской области.

¹³ Волков С. П. Особенности обеспечения экономической безопасности отрасли национальной экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn05/04.shtml> (дата обращения: 12.03.2019).

¹⁴ Третьяков Д. В. Организационно-методический инструментарий обеспечения экономической безопасности региона: дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2017.

Идентифицировать уровень экономической безопасности объекта исследования можно только после взвешенного анализа всех составляющих системы. Некоторые ученые выделяют угрозы экономической безопасности макро-, мезо- и микроуровней. Например, О. В. Гафарова и Д. В. Лапшов выделяют внешние и внутренние угрозы экономической безопасности Ростовской области [12]; В. К. Сенчагов, Е. А. Иванов приводят классификацию угроз для лесопромышленного комплекса РФ по 3 уровням управления (государственное, отраслевое и региональное)¹⁵. Концептуальная модель обеспечения экономической безопасности Н. П. Ващекина, М. И. Дзлиева и А. Д. Урсула основана на 3 группах угроз: информационно-аналитического и регулятивного воздействия, прямого противодействия¹⁶.

Зарубежные ученые Э. Михалопулос, А. С. Георгиу и К. Папарризос аргументировали несовершенство в использовании понятий «риск», «угроза» и их разграничении [13], Д. К. Нанто – влияние угроз на национальную безопасность, предложив способы их предотвращения для международной финансовой системы [7], У. Ричардсон – необходимость преодоления разрыва между экономическими и другими компонентами регионологии¹⁷. Управлению экономической безопасностью на мезо-уровне, в частности сельского хозяйства, посвящены работы украинских коллег Л. Николенко, Е. Юраковского, Н. Иванюты, О. Андроника и С. Шарковской. На основе теории нечеткой логики они спроектировали инновационную математическую модель оценки и прогнозирования экономической безопасности аграрного сектора Украины – Винницкой области [14].

Значительный вклад в решение проблем экономической безопасности сельского хозяйства России внес академик В. В. Милосердов, призвавший предпринять решительные меры по списанию долгов крестьян, устранению неэквивалентности обмена между селом и городом, целевой поддержке отрасли, предвосхитив начало уверенного движения к обретению продовольственной независимости страны¹⁸ [15].

В настоящее время учеными разрабатываются различные направления преодоления негативных тенденций в развитии сельского хозяйства, АПК в регионе. Так, А. С. Афанасьева смоделировала варианты агропродовольственной политики на основе использования форсайт-технологий для инновационной цепочки «наука – аграрная сфера – рынок» [16],

¹⁵ Сенчагов В. К., Иванов Е. А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России.

¹⁶ Ващекин Н. П., Дзлиев М. И., Урсул А. Д. Безопасность и устойчивое развитие России.

¹⁷ Richardson H. W. Elements of Regional Economics. Baltimore: Penguin Books, 1969. 166 p.

¹⁸ Милосердов В. В. Судьба российского крестьянства: моногр. Казань, 2011. Т. 2. 370 с.

В. К. Сенчагов предложил детализировать отраслевую политику, используя имеющийся арсенал рыночных административных мер (госзаказ, лизинг, кредитная, налоговая, таможенная политика) с императивом воздействия на структурные сдвиги¹⁹.

Отдельные аспекты и проблемы развития сельского хозяйства, экономической безопасности в регионе анализируют С. П. Бурланков, Л. И. Зинина, Т. П. Королева, Н. С. Крутов [17], Л. Н. Липатова [18], Н. А. Филиппова, О. Ю. Якимова и др. Способы преодоления угроз, инструменты управления повышением эффективности отрасли, а также формирование основных направлений государственной политики в данной области рассматривают многие ученые, в том числе зарубежные.

О наличии ряда экономических проблем в развитии АПК заявляют Г. Мукашева, К. Жакишева, А. Ерназарова, Д. Жуманова и Г. Курманова [19], конкурентоспособность отрасли оценивает О. Н. Транченко [20, с. 7–10], методы применения инновационных процессов развития в сельском хозяйстве обосновывают Е. Н. Халтурина, И. М. Нурмухаметов, А. А. Смирнов, С. Г. Кренева и И. С. Винокуров [21].

На сокращение занятых в сельском хозяйстве людей и домохозяйств, испытывающих на себе последствия растущего образования, отказа от сельских земель, повышения заработной платы, механизации и высокого уровня миграции на мировой рынок труда, акцентировали внимание Дж. Э. Энсор, П. Веннстрем, А. Бхаттерай, С. Эриксен и Дж. Силлманн [22], проблемы сельского хозяйства во Вьетнаме раскрыли Т. Н. Линь, Х. Т. Лонг, Л. В. Чи, Л. Т. Там и П. Лебайли [23].

М. Иоаннис, М. Джордж и М. Сократ приводят доводы в пользу целостной, общинной, модели агропродовольственных центров (Agro-Food Hub) для устойчивого ведения сельского хозяйства, включающей вместе с основными функциональные руководящие принципы Корпоративной социальной ответственности и устойчивого управления цепями поставок [24]. Г. Л. Николэй, призывая к объединению аграриев всех стран в единое Всемирное сообщество и новому системному подходу к сельскому хозяйству, предлагает использовать сертифицированные органические продукты в сочетании с агроэкологией на основе концепции социальных систем [25].

Несмотря на вышеназванные публикации, методология вопроса в данной области мало изучена, единая методика анализа угроз экономической безопасности и их источников для отрасли отсутствует.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования выбрана сельскохозяйственная отрасль Республики Мордовия, которая подразделяется на растениеводство и животноводство. Последнее является

¹⁹ Сенчагов В. К., Иванов Е. А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России.

преобладающим. Регион специализируется на птицеводстве и зерновых культурах. Основное сельскохозяйственное производство осуществляется преимущественно в сельскохозяйственных организациях, а также в личных подсобных хозяйствах и крестьянских (фермерских) хозяйствах.

Информационной базой для анализа показателей развития отрасли послужили открытые данные региональной статистики в соответствии с темой исследования, федеральные и региональные нормативно-правовые акты, программно-целевые документы, регулирующие развитие отрасли и региона. Некоторые статистические показатели анализируются за 1990–2018 гг.

В исследовании использованы следующие методы: аналитическо-синтетическое изучение научных информационных ресурсов, логические методы анализа понятий, системного анализа, экономической статистики, аналитической, динамической и графической интерпретации информации и др.

Методы аналитическо-синтетического изучения научных и программно-целевых источников и литературы и обобщения информации, логические методы анализа понятий, системного анализа применены в области теоретических и практических аспектов мезоуровневой экономической безопасности. Методы экономического анализа и экономической статистики использовались для исследования состояния и развития отрасли сельского хозяйства как в регионе, так и в России. Для определения угроз экономической безопасности сельского хозяйства и их источников был проведен анализ ключевых тенденций и закономерностей развития отрасли по основным параметрам и показателям, характеризующим ее развитие; применен метод наблюдения и сравнения основных мезоэкономических показателей Республики Мордовия в динамике 2007–2017 гг., методы аналитической, динамической и графической интерпретации научной и статистической информации. Метод моделирования применялся при разработке комплекса основных предложений по предупреждению и нейтрализации экономической безопасности сельского хозяйства исследуемого региона.

Результаты исследования. Исследование продемонстрировало наличие и характер угроз экономического развития сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия. Доказано, что сельское хозяйство региона по многим параметрам развивается динамично и стабильно, благодаря чему республика лидирует в России и Приволжском федеральном округе по производству мяса, молока, яиц на душу населения, являясь крупным внутренним поставщиком и экспортером продукции за рубеж. Однако были выявлены основные угрозы отраслевой экономической безопасности и их источники в виде минимального запаса ресурсов для развития (запасы почвы, климатические условия и т. д.); стойкой тенденции

снижения доли валовой добавочной стоимости в валовый региональный продукт (ВРП); снижения численности работающих, сельхозпредприятий, поголовья крупного рогатого скота (КРС), овец и коз; низкого уровня инвестиционных ресурсов; нестабильности производства объемов мясной, молочной продукции и результатов функционирования отрасли в республике, несмотря на постоянно предпринимаемые усилия региональных органов власти. В долгосрочной перспективе это может привести к краху подотрасли животноводства КРС, овец и коз, безапелляционному удару по растениеводству (в силу большой взаимосвязанности подотраслей), ухудшению продовольственного обеспечения (снабжения населения мясом говядины, молоком) и как следствие – снижению уровня качества жизни и благосостояния населения, а в худшем случае – исчезновению подотрасли.

В ходе работы были поставлены и решены следующие задачи: проведен анализ развития отрасли за последнее десятилетие, выявлены и проанализированы угрозы экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Мордовии и их источники, представлена классификация угроз, обоснован комплекс основных направлений управления угрожающими процессами, сфокусированный на повышении эффективности программно-целевого метода управления отраслевой региональной экономической безопасностью в области сельского хозяйства как органичной части единого АПК, реализация которых способствует более эффективному развитию отрасли в перспективе.

Сформулировано определение угроз экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли региона в качестве совокупности отрицательно влияющих условий и факторов, явлений и процессов, приводящих к неустойчивости и неэффективности функционирования сельского хозяйства как органичной части единого АПК в составе региональной экономики, и к возможности нанесения ей ущерба. Источниками угроз являются условия и факторы, скрывающие опасность и при определенной ситуации автономно либо в различной агрегации обнаруживающие агрессивность, вредоносность и деструктивность. Угрозы экономической безопасности и их источники дифференцируются в зависимости от сферы их принадлежности, отрасли и уровня анализа.

На основе обобщения и систематизации информации²⁰ [26; 27] и с учетом отраслевых особенностей и специфики сельского хозяйства нами разработана обобщающая классификация угроз для отрасли (табл. 1).

²⁰ Казанцев С. В. Угрозы и защищенность экономики России: опыт оценки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016; Порошина Е. А. Возможные (потенциальные) угрозы экономической безопасности пищевой промышленности [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/10/15343>; Оценка экономической безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://center-yf.ru/data/stat/ocenka-ekonomicheskoy-bezopasnosti.php> (дата обращения: 12.03.2019).

Т а б л и ц а 1. Классификация угроз экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли региона**Table 1. Classification of threats to the agricultural sector of a region**

Признаки классификации / Classification attribute	Виды угроз экономической безопасности / Types of threats to economic security
По уровню воздействия / By the impact level	Микро-, мезо- и макроуровневые / Micro-, meso- and macro-level threats
По области воздействия / By the area of impact	Внутренние, внешние / Internal, external threats
По охвату объекта / By the scope of the object	Общие, частные / General, particular threats
По месту локализации / By the location	Кадрово-управленческие, материально-технические, производственные, финансово-экономические, информационно-технологические, экологические, социально-экономические, маркетинговые и др. / Personnel and managerial, logistical, industrial, financial and economic, information and technological, environmental, socio-economic, marketing threats, etc.
По скорости распространения / By the speed of propagation	Экстремальные, быстрые, умеренные, медленные / Extreme, fast, moderate, slow threats
По длительности действия / By the duration of action	Постоянные, периодические, временные / Permanent, recurrent, temporary threats
По уровню опасности / By the hazard level	Приоритетные, сверхопасные, опасные, умеренно опасные, слабо опасные / Priority, extremely dangerous, dangerous, moderately dangerous, low dangerous threats
По характеру воздействия / By the nature of the impact	Непосредственные, косвенные / Direct, indirect threats
По глубине и силе воздействия / By the depth and strength of the impact	Преодолимые, непреодолимые / Surmountable, insurmountable threats
По возможности проявления / By the possibility of manifestation	Потенциальные, реальные / Potential, real threats

Предложенная классификация, опирающаяся на указанные признаки и виды, позволяет идентифицировать, своевременно обнаруживать, анализировать угрозы и принимать обоснованные управленческие решения.

Источники угроз экономической безопасности на каждом уровне формируются как вне отрасли, так и внутри нее.

На мезоуровне были выявлены следующие основные угрозы экономической безопасности и их источники.

1. Ограниченность ресурсов для развития аграрного производства.

По данным Н. И. Прока и К. П. Мартынова, Мордовия имеет минимальные запасы ресурсов для функционирования и обеспечения экономической безопасности и развития отрасли [28, с. 3]. Однако это не препятствует полной самообеспеченности населения региона, специализирующегося на птицеводстве и выращивании зерна, основных продуктов питания (мясо, молоко, яйца, сахар, картофель, овощи). Кроме того, агропродукция реализуется в субъекты РФ, страны дальнего зарубежья и СНГ²¹. В 2017 г. доля вывоза по отдельным видам составила 40–80 % от объемов производства²². В 2018 г. в республике было произведено продукции на сумму 59 758,9 млн руб. (на 1,3 % выше уровня 2017 г.)²³. По производству яиц и темпам роста валового сбора семян подсолнечника республика в 2016 г. заняла 1-е место в ПФО²⁴; по выпуску яиц (в расчете на душу населения) в 2017 г. – 2-е место в России (1-е – в ПФО); мяса скота и птицы – 6-е в России (2-е – в ПФО); молока – 3-е место в России²⁵. Такие показатели наблюдаются на фоне дисбаланса в отечественном сельском хозяйстве – тенденции уменьшения объемов выпуска многих видов продукции в структуре произведенной продукции²⁶ и доли в ней животноводства (на 14 %).

2. Устойчивая тенденция снижения доли валовой добавленной стоимости отрасли в ВРП.

Предварительный анализ показателя вклада отрасли в ВРП характеризуется уменьшением доли валовой добавленной стоимости в общем ВРП в 2015–2017 гг. на 1,3 п. п. (с 14,6 до 13,3 %), или на 8,9 %, что подтверждается и последующим анализом. С 2007 по 2017 г. прослеживается аналогичная тенденция снижения – на 3,5 п. п. (с 16,8 до 13,3 %), или на 20,8 % (табл. 2).

²¹ Воробьева Е. Г. Роль региона в реализации экспортного потенциала аграрной сферы России (на примере Мордовии) // Экспортный потенциал АПК России: состояние и перспективы: сб. тр. науч.-практ. конф. в рамках XXII Никоновских чт. М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2017. С. 208–210.

²² Итоги развития АПК Республики Мордовия в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <https://agrovesti.net/lib/regionals/region-13/itogi-razvitiya-apk-respubliki-mordoviya-v-2017-godu.html> (дата обращения: 06.08.2018).

²³ Мордовия: стат. ежегодник. Саранск, 2018. С. 10.

²⁴ Место сельского хозяйства в экономике России [Электронный ресурс]. URL: <https://agrovesti.net/lib/industries/mesto-selskogo-khozyajstva-v-ekonomike-rossii.html> (дата обращения: 12.01.2019).

²⁵ Итоги развития АПК Республики Мордовия в 2017 году / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: <https://agrovesti.net/lib/regionals/region-13/itogi-razvitiya-apk-respubliki-mordoviya-v-2017-godu.html> (дата обращения: 12.03.2019).

²⁶ С 1991 по 2014 г. (по исследованиям В. К. Сенчагова): молока – на 21,1 млн т, яиц – 5,1 млрд шт., картофеля – 2,8 млн т, мяса – на 0,4 млн т.

Таблица 2. Доля валовой добавочной стоимости (ВДС) отрасли сельского хозяйства в общем ВРП Республики Мордовия в 2007–2017 гг., %²⁷

Table 2. Share of the gross value added (GVA) of the agricultural sector in the gross republican product (GRP) of the Republic of Mordovia in 2007–2017, %

Показатель / Indicator	2007	2017	2017/2007
Доля ВДС отрасли в общем ВРП / Share of the GVA of the sector in the GRP	16,8	13,3	79,2
ВРП (всего) / GRP (total)	100	100	–

3. Снижение численности работающих в отрасли.

На начало 2017 г. в аграрной сфере трудятся 13 626 чел. (рост на 3,3 % к уровню предыдущего года). Несмотря на 35-кратное уменьшение суммарной кредиторской задолженности сельского хозяйства по всем обязательствам в 2016 г. к уровню 2003 г., продолжается сокращение количества работающих. Например, в 1990 г. в сельском хозяйстве Мордовии было занято 96,0 тыс. чел., а в 2017 г. – лишь 77,8 тыс. чел. (20,1 % от общего среднесписочного числа работающих)²⁸. За более чем 25-летний период данный показатель снизился на 19 %. Оценивая подобные тенденции, В. В. Миросердов предлагает учитывать не только рост производительности в отрасли, но и ситуацию в сельском хозяйстве в целом, связанную с преодолением России (в 2002 г.) критического рубежа по продовольственной безопасности – в 20–30 % по импорту мяса (почти 53 %), мяса птицы (144 %) [15].

4. Низкий уровень вложения инвестиционных ресурсов.

Если в 1980–1990 гг. на развитие сельского хозяйства Мордовии ежегодно направлялось в среднем до 55 % всех инвестиционных средств (строительно-монтажные работы достигали 59 % от их общего объема) [28, с. 1], то в 2016 г. из республиканского бюджета было выделено 9,3 % (3 769,7 млн руб.), в 2017 г. – 9,2 % средств (4 295,2 млн руб.). В 2013–2017 гг. данный показатель уменьшился с 10,1 до 9,2 % (на 0,9 %)²⁹. По нашему мнению, сельское хозяйство, являясь капиталоемкой отраслью экономики, обеспечивающей продовольственную безопасность республики, должно инвестироваться соответствующим образом.

5. Сокращение числа сельскохозяйственных предприятий за счет их укрупнения путем интеграции и кооперации.

Подобные процессы таят в себе опасность снижения конкурентности и монополизации рынка. В 1996–2005 гг., например, это проявилось

²⁷ Мордовия: стат. ежегодник. С. 31.

²⁸ Там же. С. 10.

²⁹ Там же. С. 407.

в банкротстве и присоединении к экономически более крепким хозяйствам, передаче их промышленным и машинно-технологическим станциям. В сельскохозяйственных организациях, как основной категории сельскохозяйственных производителей Мордовии (на начало 2018 г. их было 548 ед.), производилась большая часть аграрной продукции (в 2013–2017 гг. произошло увеличение на 16,2 п. п.) (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в Республике Мордовия в 2013–2017 гг. (в фактически действовавших ценах; % к итогу)³⁰

T a b l e 3. Structure of agricultural products by categories of farms in the Republic of Mordovia in 2013–2017 (at then-current prices; % of the total)

Показатель / Indicator	2013	2014	2015	2016	2017	Отклонение, п. п. / Deviation, pts.	
						2017/ 2015	2017/ 2013
Хозяйства всех категорий / Farms of all categories	100	100	100	100	100	100	100
В том числе / Including:							
сельскохозяйственные организации / agricultural organizations	58,3	65,2	70,6	72,9	74,5	3,9	16,2
хозяйства населения, включая крестьянские (фермерские) хозяйства / private households including rural (farm) households	43,8	41,7	34,8	29,4	25,5	-9,3	-18,3,0

Меньшая доля аграрной продукции приходится на крестьянские (фермерские) хозяйства и личные (подсобные) хозяйства населения, что обуславливается прежде всего эффектом масштаба. В 2016 г. удельный вес сельскохозяйственных организаций республики в общероссийском показателе составлял 1,1 %, в ПФО – 5,0 %³¹.

6. Снижение поголовья всех видов скота.

На начало 2019 г. поголовье КРС в Мордовии составило 207,7 тыс. ед. (на 3,5 % ниже уровня 2018 г.), из него коров – 74,8 тыс. (на 1,6 % ниже), свиней – 362,4 тыс. (на 0,9 % выше), овец и коз – 41,1 тыс. ед. (на 6,7 %

³⁰ Там же. С. 259.

³¹ Число объектов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Трудовые ресурсы и их характеристика // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. М.: ИНЦ «Статистика России», 2018. Т. 2. С. 10–12.

ниже); в сельхозорганизациях поголовье КРС снизилось на 2,3 % к уровню 2017 г., из него коров – на 0,8 %, овец и коз – на 34,5 %, поголовье свиней, наоборот, увеличилось на 1,0 %. В 2018 г. произведено скота и птицы на убой (в живом весе) 315,1 тыс. т, молока – 434,6 тыс. т, яиц – 1 458,1 млн шт.; в сельхозорганизациях производство скота и птицы на убой (в живом весе) по сравнению с 2017 г. возросло на 7,5 %, молока – на 4,4, яиц – на 5,5 %³². Сопоставление показателя поголовья скота в Республике Мордовия в 2017 г. с предыдущими периодами демонстрирует следующее: падение поголовья КРС соответствует 1958 г., коров – 1941 г., свиней – 1980 г.; поголовье овец сократилось по сравнению с 1916 г. в 14 раз³³. В целом по России поголовье КРС при соотнесении с 1990 г. уменьшилось втрое.

7. Нестабильность производства объемов мясной и молочной продукции.

Данный показатель вытекает из предыдущей угрозы. К сожалению, в регионе не удалось стабилизировать численность поголовья КРС в общественном секторе и личных (подсобных) хозяйствах граждан. В 2007–2017 гг. снижение КРС (на 27,8 %) произошло в основном за счет снижения поголовья коров (за 10 лет – на 31,2 %, за 5 лет – на 24,7 %). Существенное падение КРС произошло в 2013–2017 гг. – на 24,0 %³⁴. На начало 2019 г. на личные (подсобные) хозяйства в структуре поголовья скота приходилось 20,3 % поголовья КРС, 7,1 – свиней, 86,6 % – овец и коз. В предыдущем году соответственно 20,4, 7,6 и 84,6 %³⁵.

8. Неустойчивость результатов функционирования аграрной отрасли.

Во многом это обусловлено спецификой ведения сельского хозяйства в республике, в частности, зависимостью от погодных и климатических условий [28, с. 3]. На начало 2017 г. общая земельная площадь региона составляла 2 612,8 тыс. га, общая посевная площадь – 745 тыс. га (в 2016 г. – 737,2 тыс. га.), сельскохозяйственные угодья занимают 1,7 млн га (в том числе пашня – 1,1 млн га)³⁶. Под посевы зерновых культур в 2017 г. было отведено 454 тыс. га. (в 2016 г. – 443,9 тыс. га). Объем выпущенной продукции всех категорий сельхозпроизводителей в фактических ценах в 2013–2017 гг. увеличился более чем в 1,5 раза³⁷. Доля импорта продовольствия по-прежнему составляет 30 % [15].

Для анализа угроз экономической безопасности в данной отрасли целесообразно ориентироваться на индикаторы, предусмотренные в соответствующих стратегических программных документах федерального

³² Мордовия: стат. ежегодник. С. 11.

³³ Статистический ежегодник 2017 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Республики Мордовия [Электронный ресурс]. С. 251. URL: <http://www.mrd.gks.ru> (дата обращения: 12.03.2019).

³⁴ Там же.

³⁵ Мордовия: стат. ежегодник. С. 11.

³⁶ Статистический ежегодник 2017. С. 237.

³⁷ Там же. С. 232.

и регионального значения³⁸. Программно-целевое регулирование экономики играет важную роль в предупреждении и нейтрализации угроз экономической безопасности.

Комплекс основных направлений по предупреждению и нейтрализации угроз экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли в Республике Мордовия должен включать:

- совершенствование вариантов поддержки аграрного производства, организационно-правовых форм, механизма взаимоотношений сельхозпроизводителей и их союзов с представителями территориальных органов власти;

- обновление аграрных технологий и материально-технической базы сельхозпроизводителей, обслуживающих инфраструктуру села;

- развитие интеграционных и кооперационных процессов в АПК;

- создание парков с аграрно-промышленной специализацией;

- продолжение процессов возрождения овцеводства, картофелеводства как ее традиционных подотраслей;

- организацию и развитие современных технологий переработки в органические удобрения отходов животноводства.

Обсуждение и заключение. В статье авторами впервые дано определение угрозы экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли региона, под которой понимается совокупность отрицательно влияющих условий и факторов, явлений и процессов, приводящих к неустойчивости и неэффективности функционирования сельского хозяйства как органичной части единого АПК в составе региональной экономики и к возможности нанесения ей ущерба. Источниками угроз являются условия и факторы, скрывающие опасность, которые при определенной ситуации автономно либо в различной агрегации обнаруживают агрессивность, вредоносность и деструктивность.

Впервые проведен ретроспективный экономический анализ развития сельского хозяйства в Республике Мордовия за последнее десятилетие с целью выявления основных угроз экономической безопасности в регионе и их источников. Среди угроз в регионе были выявлены:

³⁸ Постановление Правительства Российской Федерации № 717 от 14.07.2012 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» (с изм. и доп. от 08.02.2019); Постановление Правительства РФ № 996 от 25.08.2017 (ред. от 21.12.2018) «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы»; Государственная программа Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 годы (общий объем финансирования – 42,8 млрд руб.) (с изм. на 14.11.2018) [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Республики Мордовия № 404 от 19.11.2012. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424071511> (дата обращения: 05.03.2019).

минимальный запас ресурсов для развития отрасли; стойкая тенденция снижения доли валовой добавленной стоимости отрасли в ВРП; сокращение численности работающих, сельхозпредприятий, поголовья КРС, овец и коз; низкий уровень инвестиционных ресурсов; нестабильность производства объемов мясной, молочной продукции и результатов функционирования. Данные факторы не являются непреодолимыми, но имеют системный характер, поскольку формируются на макроуровне и требуют адекватного решения в рамках создания и осуществления государственной региональной политики, основанной на эффективном программно-целевом управлении. Своевременные мероприятия по предотвращению угроз и перерастанию их в кризис вследствие принятия нерезультативных управленческих решений или количественного увеличения их источников являются главным условием эффективности механизма обеспечения экономической безопасности на мезоуровне. Впервые предложен комплекс основных направлений по предотвращению и нейтрализации угроз экономической безопасности и их источников. Своевременно принятые меры по преодолению угроз или их нейтрализации обеспечивают экономическую и продовольственную безопасность, позволяют сформировать более эффективную политику развития региона на долгосрочную перспективу.

Сельское хозяйство одновременно выступает и буфером, поддерживающим развитие страны в кризисные периоды, и локомотивом выхода из кризисных ситуаций экономики регионов. Поэтому недооценку значимости отрасли, обеспечивающей продовольственную безопасность, как важную составную часть экономической безопасности региона и национальной безопасности страны, следует отнести к источникам угроз.

Впервые разработана обобщающая классификация угроз экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли, применимая для любых субъектов Российской Федерации. Показано отсутствие какой-либо официальной или общепринятой системы выявления и анализа угроз экономической безопасности для отрасли на уровне региона. Нерешенность этой проблемы требует направленности дальнейших исследований на разработку и совершенствование методики анализа угроз отраслевой экономической безопасности. Поэтому впервые предлагается разработать:

- перечень показателей, отражающих уровень экономической безопасности отрасли (с последующим их утверждением), на основе которых будет проводиться мониторинг угроз (при планировании показателей учитывать опыт других стран по принципу бенчмаркинга и результаты успешных периодов развития);
- методику анализа угроз экономической безопасности для сельскохозяйственной отрасли региона на основе указанного перечня и отразить в новой редакции программы ее развития.

Практическая значимость исследования выражается в возможности применения полученной информации при выработке и реализации решений по управлению экономической безопасностью в сельском хозяйстве Республики Мордовия, разработке долгосрочных целевых отраслевых программ развития и преодоления угроз экономической безопасности АПК в целом, а также по составлению актуальных отраслевых стратегических документов программно-целевого характера другими субъектами Российской Федерации, сталкивающимися с аналогичными проблемами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айзатов Ф. А., Воробьева Е. Г. Развитие категорино-терминологического аппарата национальной экономической безопасности // Научное обозрение. 2017. № 2. С. 75–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28434631> (дата обращения: 19.03.2019).
2. Разгонов С. А. Основные особенности системы экономической безопасности отрасли автомобилестроения в современных условиях // Транспортное дело России. 2010. № 8. С. 87–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20137309> (дата обращения: 19.03.2019).
3. Шубина Н. В. Угрозы экономической безопасности деревообрабатывающей отрасли РФ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, вып. 9. С. 1692–1711. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1692>
4. Маханько Г. В. Повышение конкурентоспособности аграрной сферы экономики Краснодарского края как фактор его экономической и продовольственной безопасности в условиях экономических санкций // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 117. С. 736–755. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/03/pdf/48.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
5. Третьякова Е. А. Оценка экономической безопасности Пермского края в социальной сфере // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 2 (77). С. 89–95. URL: <http://www.psi.perm.ru/index.php/nauka-i-innovatsii/nauchnyj-zhurnal> (дата обращения: 19.03.2019).
6. Борzych Л. А. Методика оценки индикаторов экономической безопасности субъектов Российской Федерации в социальной сфере // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 9. С. 18–24. URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/1819-8813/2015/9/18-24/> (дата обращения: 19.03.2019).
7. Nanto D. K. Economics and National Security: Issues and Implications for U. S. Policy in Industry and Trade. CRS Report for Congress. 2011. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
8. An Early Warning System for Oil Security in China / Q. Wang [et al.] // Sustainability. 2018. Vol. 10, issue 1. P. 283. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10010283>
9. Lin W., Chen T. Transition of Agricultural Systems to Ecologicalization and New Vision of Modern Eco-Agriculture Development in China // Chinese

Journal of Eco-Agriculture. 2019. Vol. 27, issue 2. Pp. 169–176. DOI: <https://doi.org/10.13930/j.cnki.cjea.181056>

10. Karanina E., Ryazanova O., Gritsuk N. Conceptual Approach to the Assessment of Economic Security of Economic Entities on the Example of Transport Enterprises // MATEC Web of Conferences. International Scientific Conference Environmental Science for Construction Industry – ESCI 2018. 2018. Vol. 193. DOI: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201819301031>

11. Акбердина В. В., Гребенкин А. В., Смирнова О. П. Комплексный инструментальный оценкой экономической безопасности отраслей экономики: региональный аспект // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1264–1279. DOI: <https://doi.org/10.1051/10.17059/2017-4-23>

12. Гафарова О. В., Лапшов Д. В. Экономическая безопасность региона на примере Ростовской области // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2018. Т. 20, № 4-2 (10). С. 21–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36545990> (дата обращения: 19.03.2019).

13. Michalopoulos E., Georgiou A. C., Paparrizos K. Risk-Based Decision Making and Risk Management of European Union Regional Programs // Yugoslav Journal of Operations Research. 2008. Vol. 18, issue 1. Pp. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.2298/YUJOR0801075M>

14. Investment Policy of Governance of Economic Security of Agrarian Sector of Ukraine on the Basis of Theory of Fuzzy Logics / L. Nikolenko [et al.] // Montenegrin Journal of Economics. 2018. Vol. 14, no. 4. Pp. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2018.14-4.9>

15. Милосердов В. В. Как дойная корова стала «Черной дырой» (Поможет ли Президент России нашему крестьянину?) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2004. № 6. С. 11–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17900974> (дата обращения: 19.03.2019).

16. Афанасьева А. С. Концепция модернизации сельского хозяйства Республики Мордовия [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7476> (дата обращения: 16.03.2019).

17. Крутов Н. С. Развитие АПК в Республике Мордовия // Регионология. 2003. № 3 (44). С. 191–199. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1650> (дата обращения: 16.03.2019).

18. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В. Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 102–112. URL: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/334> (дата обращения: 16.03.2019).

19. Economic Problems of the Development of Agro-Industrial Complex: Mechanism of Solution / G. Mukasheva [et al.] // Journal of Applied Economic Sciences. 2018. Vol. 13, issue 7. Pp. 2017–2030. URL: https://www.researchgate.net/publication/331497086_Economic_problems_of_the_development_of_agro-industrial_complex_Mechanism_of_solution (дата обращения: 16.03.2019).

20. Транченко А. М. Оцінка галузевої конкурентоспроможності (на прикладі агропромислового комплексу) // ЕКОНОМІЧНИЙ ЧАСОПИС-XXI. 2013.

№ 9–10 (2). С. 7–10. URL: http://soskin.info/en/ea/2013/9-10/contents_30.html (дата обращения: 16.03.2019).

21. Methods of Applying Innovative Development Processes in Agriculture / E. N. Khalturina [et al.] // Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 – Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth. 2019. Pp. 7848–7854. URL: <https://clck.ru/FspdX> (дата обращения: 16.03.2019).

22. Asking the Right Questions in Adaptation Research and Practice: Seeing Beyond Climate Impacts in Rural Nepal / J. E. Ensor [et al.] // Environmental Science and Policy. 2019. Vol. 94. Pp. 227–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2019.01.013>

23. Access to Rural Credit Markets in Developing Countries, the Case of Vietnam: A Literature Review / T. N. Linh [et al.] // Sustainability. 2019. Vol. 11, issue 5. P. 1468. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11051468>

24. Ioannis M., George M., Socrates M. A Community-Based Agro-Food Hub Model for Sustainable Farming // Sustainability. 2019. Vol. 11, issue 4. P. 1017. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11041017>

25. Nicolay G. L. Understanding and Changing Farming, Food and Fiber Systems. The Organic Cotton Case in Mali and West Africa // Open Agriculture. 2019. Vol. 4, issue 1. Pp. 86–97. DOI: <https://doi.org/10.1515/opag-2019-0008>

26. Печеркина М. С., Никулина Н. Л. Угрозы экономической безопасности в субъектах Уральского федерального округа // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16, № 9. С. 1616–1634. DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.16.9.1616>

27. Казанцева Е. Г. Проблемы экономической безопасности региона и пути их решения (на примере Кемеровской области) // Экономика региона. 2009. № 2. С. 180–191. URL: http://www.uiec.ru/zhurnal_yekonomika_regiona/arhiv_nomerov/2018/nomer_2-_2009/ (дата обращения: 16.03.2019).

28. Прока Н. И., Мартынов К. П. Проблемы развития сельского хозяйства Республики Мордовия [Электронный ресурс] // Системное управление. Электронное периодическое научное издание. 2012. № 4. URL: <http://sisupr.mrsu.ru/category/issues/2012/vypusk-4-17/> (дата обращения: 15.03.2019).

Поступила 13.03.2019; принята к публикации 15.04.2019; опубликована онлайн 28.06.2019.

Об авторах:

Воробьева Елена Геннадьевна, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и программ ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1144-4398>, miss.vorobeyva@yandex.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна, главный научный сотрудник – заведующий отделом региональных исследований и программ ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве

Республики Мордовия» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), кандидат исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>, irakil1967@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Воробьева Елена Геннадьевна – основная идея исследования; определение информационной базы; сбор и обработка данных; анализ статистического и фактического материала; подготовка начального варианта текста.

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна – научное руководство; критический анализ; формулирование выводов; разработка предложений и рекомендаций.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чьи ценные комментарии позволили улучшить качество текста.

Для цитирования:

Воробьева Е. Г., Кильдюшкина И. Г. Угрозы экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 2. С. 246–269. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.246-269>

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ayzyatov F.A., Vorobyova E.G. Development of Notional and Terminological Nomenclature of National Economic Security Theory. *Nauchnoe obozrenie* = Science Review. 2017; (2):75-77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28434631> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
2. Razgonov S.A. The Basic Features of System of Economic Safety of Branch of Motor Industry in Modern Conditions. *Transportnoe delo Rossii* = Transport Business of Russia. 2010; (8):87-91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20137309> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
3. Shubina N.V. Threats to Economic Security of the Timber Industry of the Russian Federation. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2017; 13(9):1692-1711. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1692>
4. Makhanko G.V. Enhancing Agrarian Sector Competitiveness of the Krasnodar Region as a Factor of its Economic and Food Security Under Economic Sanctions. *Politematicheskij setevoy ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* = Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University. 2016; (117):736-755. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2016/03/pdf/48.pdf> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
5. Tretyakova E.A. Economic Security Assessment of the Perm Region in the Social Sphere. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta* = Bulletin of Prikamsky

Social Institute. 2017; (2):89-95. Available at: <http://www.psi.perm.ru/index.php/ nauka-i-innovatsii/nauchnyj-zhurnal> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)

6. Borzykh L.A. Method of the Assessment of Indicators of Economic Security of Russia in the Social Sphere. *Sotsialno-ehkonomicheskie yavleniya i protsessy* = Social and Economic Phenomena and Processes. 2015; 10(9):18-24. Available at: <http://journals.tsutmb.ru/go/1819-8813/2015/9/18-24/> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)

7. Nanto D.K. Economics and National Security: Issues and Implications for U. S. Policy in Industry and Trade. CRS Report for Congress. 2011. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdf> (accessed 19.03.2019).

8. Wang Q., Tang H., Yuan X. An Early Warning System for Oil Security in China. *Sustainability*. 2018; 10(1):283. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10010283>

9. Lin W., Chen T. Transition of Agricultural Systems to Ecologicalization and New Vision of Modern Eco-Agriculture development in China. *Chinese Journal of Eco-Agriculture*. 2019; 27(2):169-176. DOI: <https://doi.org/10.13930/j.cnki.cjca.181056>

10. Karanina E., Ryazanova O., Gritsuk N. Conceptual Approach to the Assessment of Economic Security of Economic Entities on the Example of Transport Enterprises. In: MATEC Web of Conferences. International Scientific Conference Environmental Science for Construction Industry – ESCI 2018. 2018; 193. DOI: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201819301031>

11. Akberdina V.V., Grebenkin A.V., Smirnova O. P. Comprehensive Assessment of Industries Economic Security: Regional Aspect. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2017; 13(4):1264-1279 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.1051/10.17059/2017-4-23>

12. Gafarova O.V., Lapshov D.V. Economic Security of the Region on the Example of Rostov Region. *Innovatsionnye tekhnologii v mashinostroenii, obrazovanii i ehkonomie* = Innovative Technologies in Machine-Building, Education and Economics. 2018; 20(4-2):21-23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36545990> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)

13. Michalopoulos E., Georgiou A.C., Paparrizos K. Risk-Based Decision Making and Risk Management of European Union Regional Programs. *Yugoslav Journal of Operations Research*. 2008; 18(1):75-94. DOI: <https://doi.org/10.2298/YUJOR0801075M>

14. Nikolenko L., Jurakovskiy E., Ivanyuta N., Andronik O., Sharkovska S. Investment Policy of Governance of Economic Security of Agrarian Sector of Ukraine on the Basis of Theory of Fuzzy Logics. *Montenegrin Journal of Economics*. 2018; 14(4):125-140. DOI: <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2018.14-4.9>

15. Miloserdov V.V. [How the Cash Cow Became the “Black Hole” (Will the President of Russia Help Our Peasants?)]. *Ehkonomika selskokhozyajstvennykh i pererabatyvayushhih predpriyatij* = Economy of Agricultural and Processing Enterprises. 2004; (6):11-14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17900974> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)

16. Afanasieva A.S. The Concept of Modernization of Agriculture the Republic of Mordovia. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of

Science and Education. 2012; (6). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7476> (accessed 16.03.2019). (In Russ.)

17. Krutov N.S. Development of Agro-Industrial Complex in the Republic of Mordovia. *Regionologiya* = Regionology. 2003; (3):191-199. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1650> (accessed 16.03.2019). (In Russ.)

18. Lipatova L.N., Gradusova V.N., Modin E.V. Regional Differentiation of Social and Economic Development as Threat of Economic Security. *Upravlencheskoe konsultirovanie* = Administrative Consulting. 2016; (5):102-112. Available at: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/334> (accessed 16.03.2019). (In Russ.)

19. Mukasheva G., Zhakisheva K., Yernazarova A., Zhumanova D., Kurmanova G. Economic Problems of the Development of Agro-Industrial Complex: Mechanism of Solution. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2018; 13(7):2017-2030. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331497086_Economic_problems_of_the_development_of_agro-industrial_complex_Mechanism_of_solution (accessed 16.03.2019).

20. Tranchenko O. Agro-Industrial Complex Competitiveness Assessment. *Ekonomichnij chasopis-XXI* = Economic Annals-XXI. 2013; (9-10):7-10. Available at: http://soskin.info/en/ea/2013/9-10/contents_30.html (accessed 16.03.2019). (In Ukrainian)

21. Khalturina, E.N., Nurmuhametov I.M., Smirnov A.A., Kreneva S.G., Vinokurov I.S. Methods of Applying Innovative Development Processes in Agriculture. In: Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 – Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional Expansion to Global Growth. 2019; 7848-7854. Available at: <https://clck.ru/FspdX> (accessed 16.03.2019).

22. Ensor J.E., Wennström P., Bhatte A., Eriksen, S., Sillmann J. Asking for the Right Questions in Adaptation of Rural Nepal. *Environmental Science and Policy*. 2019; 94:227-236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2019.01.013>

23. Linh T.N., Long H.T., Chi L.V., Tam L.T., Lebailly P. Access to Rural Credit Markets in Developing Countries, the Case of Vietnam: A Literature Review. *Sustainability*. 2019; 11(5):1468. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11051468>

24. Ioannis M., George M., Socrates M.A. Community-Based Agro-Food Hub Model for Sustainable Farming. *Sustainability*. 2019; 11(4):1017. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11041017>

25. Nicolay G.L. Understanding and Changing Farming, Food and Fiber Systems. The Organic Cotton Case in Mali and West Africa. *Open Agriculture*. 2019; 4(1): 86-97. DOI: <https://doi.org/10.1515/opag-2019-0008>

26. Pecherkina M.S., Nikulina N.L. Threats to Economic Security in Constituent Entities of the Ural Federal District. *Ehkonomicheskij analiz: teoriya i praktika* = Economic Analysis: Theory and Practice. 2017; 16(9):1616-1634. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.16.9.1616>

27. Kazantseva E.G. Problems of Economic Safety of Region and Way of Their Decision (On the Example of the Kemerovo Region). *Ehkonomika regiona* = Economy of a Region. 2009; (2):180-191. Available at: http://www.uiec.ru/zhurnal_yekonomika_regiona/arhiv_nomerov/2018/nomer_2_-2009/ (accessed 16.03.2019). (In Russ.)

28. Proka N.I., Martynov K.P. Problems of the Development of Agriculture of the Republic of Mordovia. *Sistemnoe upravlenie* = System Management. 2012; (4). Available at: <http://sisupr.mrsu.ru/category/issues/2012/vypusk-4-17/> (accessed 03/15/2019). (In Russ.)

Submitted 13.03.2019; accepted for publication 15.04.2019; published online 28.06.2019.

About the authors:

Elena G. Vorobyova, Senior Research Officer, Department of Regional Studies and Programs, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1144-4398>, miss.vorobeyva@yandex.ru

Irina G. Kildyushkina, Chief Research Officer, Head of the Department of Regional Studies and Programs, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-5941>, irakil1967@mail.ru

Contribution of the authors:

Elena G. Vorobyova – the main idea of the study; delimitation of the information base; data collection and processing; analysis of statistical and factual material; writing the initial version of the text of the article.

Irina G. Kildyushkina – scientific supervision; critical analysis; drawing conclusions; putting forward suggestions and recommendations.

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the reviewers, whose valuable comments made it possible to improve the quality of the text.

For citation:

Vorobyova E.G., Kildyushkina I.G. Threats to the Economic Security of the Agricultural Sector of the Republic of Mordovia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):246-269. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.246-269>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА /
POLITICAL REGIONAL STUDIES. ETHNOPOLITICS**

УДК 327.7

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201902.270-289

ISSN 2413-1407 (Online)

**Анализ и классификация основных факторов,
определяющих современные международные связи
регионов государств****М. И. Колыхалов**

*АНО ВО «Сибирский институт международных
отношений и регионоведения» (г. Новосибирск, Россия),
maxim_kolykhalov@mail.ru*

Введение. Международные связи регионов – динамичная категория, на которую влияет целый комплекс факторов, связанных с геополитическим положением страны, ее этническим составом, текущей политической конъюнктурой в мире. Следовательно, изучение данного вопроса весьма актуально.

Целью статьи является анализ и классификация факторов, определяющих современные международные связи регионов государств.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использованы современные труды ведущих ученых и действующая законодательная база в области международных связей регионов государств. Методологическую базу составили системный, структурно-функциональный, конкретно-исторический, политико-правовой анализ.

Результаты исследования. Проведен анализ факторов, определяющих современные международные связи регионов государств. Составлена классификация данных факторов. Выявлены основные группы факторов, определяющих международные связи регионов государств: форма государственного устройства и особенности реализации полномочий регионов по международному сотрудничеству, геополитические факторы, факторы социально-экономического развития, факторы особых типов регионов государств в международном сотрудничестве, конфессиональные факторы, этнические факторы. На основании современного научного знания и соответствующей законодательной базы было определено, что форма государственного устройства определяет полномочия регионов по международному сотрудничеству и является важнейшим фактором международных связей регионов.

Обсуждение и заключение. Анализ и классификация факторов, определяющих современные международные связи регионов государств, позволяют внести вклад в оценку текущего состояния международных связей России. Результаты

© Колыхалов М. И., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

исследования могут быть использованы при осмыслении и выработке новых направлений развития международных связей регионов нашей страны.

Ключевые слова: классификация, международные связи регионов, форма государственного устройства, геополитический фактор, фактор социально-экономического развития, особые типы регионов, этнический фактор, конфессиональный фактор

Analysis and Classification of the Main Factors Determining Modern International Connections of Regions of States

M. I. Kolykhalov

*Siberian Institute of International Relations and Regional Studies
(Novosibirsk, Russia),
maxim_kolykhalov@mail.ru*

Introduction. International connections of regions are a dynamic category that is influenced by a whole range of factors related to the geopolitical position of the country, its ethnic composition, and the current political situation in the world. Therefore, the study of this issue is of considerable relevance. The purpose of this paper is to analyze and classify the factors that determine the modern international connections of regions of states.

Materials and Methods. Modern works by leading scientists and the current legal framework in the field of international connections of regions of states were used as materials of the study. The systematic analysis, structural and functional analysis, specific historical analysis as well as political and legal analysis formed the methodological basis.

Results. The author has analyzed the factors determining the modern international connections of regions of states, compiled a classification of these factors. The main groups of factors determining the international connections of regions of states have been identified: the form of government and features of the implementation of regional powers in international cooperation, geopolitical factors, factors of socio-economic development, factors of special types of regions of states in international cooperation, confessional factors, and ethnic factors. Based on the modern scientific knowledge and the relevant legal framework, it has been identified that the form of government structure determines the powers of regions in international cooperation and is a major factor in the international connections of regions.

Discussion and Conclusion. Analysis and classification of the factors determining the modern international connections of regions of states make it possible to contribute to the assessment of the current state of Russia's international connections. The results of the study can be used by the relevant authorities when determining new areas of development of international connections of Russia's regions.

Keywords: classification, international connections of regions, form of government, geopolitical factor, factor of socio-economic development, special types of regions, ethnic factor, confessional factor

Введение. Международные связи регионов – сложный феномен региональной политики государства, динамично развивающийся в настоящее время. Деятельность региона на международной арене не является объектом публичного международного права, а координируется государством. В этой связи регионы федеративных государств всегда обладали большими полномочиями в данной сфере.

Процессы глобализации и регионализации, формирование полицентричной системы мирового устройства трансформируют систему международных отношений государств, а международные связи регионов государств наполняются новым содержанием. Регионы унитарных государств активизируют международное сотрудничество и получают дополнительные полномочия в этой сфере. Значимым фактором современности в области международных связей регионов, в условиях трансформации мировой системы, является особый тип регионов государств, которые стремятся к повышению своего статуса и самостоятельности и уделяют международному сотрудничеству особое внимание. Кроме того, усиливается значимость конфессионального и этнического факторов межрегионального сотрудничества.

Таким образом, международные связи регионов являются элементом международных отношений государств, важной частью региональной политики. В современных условиях трансформации системы международных отношений и повышения роли международных региональных связей происходит изменение факторов, влияющих на международные связи регионов, меняется их значимость и вес.

На основе анализа современных факторов, определяющих международные связи регионов, есть возможность провести их классификацию с целью выделения основных классов – групп факторов, по широкому спектру характеристик определяющих международное межрегиональное сотрудничество (от политических, геополитических, социально-экономических до этнических и конфессиональных), ранжировав их по значимости. По нашему мнению, данная классификация внесет определенный вклад в научное знание о международных связях регионов государств, а также может быть использована в дальнейшем для анализа факторов, определяющих международные связи регионов государства.

Международные связи регионов подробно проанализированы ведущими учеными в этой сфере – Л. Б. Вардомским, А. Г. Гранбергом, О. В. Дубровиной (Плотниковой), И. М. Бусыгиной, однако современного факторного анализа и классификации в данном разрезе не проводилось. Следовательно, изучение данного вопроса продолжает оставаться значимым.

Цель данной статьи – провести анализ и классификацию факторов, определяющих современные международные связи регионов государств, с учетом современных тенденций трансформации мирового устройства, процессов глобализации и регионализации.

Обзор литературы. Участию субгосударственных регионов в международном сотрудничестве, а также исследованию факторов, определяющих международные связи регионов государств, были посвящены основополагающие труды А. Г. Гранберга¹, В. А. Дергачева², О. В. Плотниковой³, И. М. Бусыгиной⁴. Академик А. Г. Гранберг выделяет три группы факторов, которые оказывают влияние на степень вовлеченности регионов в международные дела и характер их деятельности: географические, социально-экономические, политико-правовые⁵.

Процессы глобализации и регионализации и их влияние на международные связи регионов государств проанализированы в исследованиях Л. Б. Вардомского, Е. Е. Скатерщиковой⁶, Н. П. Медведева [1], Е. А. Пушкаревой [2]. Так, Л. Б. Вардомский отмечает, что «фрагментации пространства в области международных связей способствует усиление его регионализации по тяготению к отдельным странам и зонам мира. Россия занимает пространство между европейским, североамериканским и азиатско-тихоокеанским полюсами мировой экономики. Мощные “силовые поля”, создаваемые этими полюсами, неизбежно втягивают в орбиту своего влияния прилежащие к ним районы России. Зона раздела влияния ЕС и АТР на российском пространстве проходит по Восточной Сибири. Градиент ее перемещения по российскому пространству во многом зависит от динамики основных экономических полюсов мира и их активности в тех или иных российских регионах»⁷.

Некоторые исследователи считают, что международные связи регионов существуют за счет экономических причин. Например, регионы большинства федеративных государств таким образом могут находить новые формы сотрудничества. Э. Фрай считает, что «именно растущая зависимость Соединенных Штатов от глобальной экономики заставила правительства штатов искать за рубежом новые рынки сбыта и благоприятные возможности для инвестиций»⁸. На примере США

¹ Региональное развитие: опыт России и Европейского союза: моногр. / А. Г. Гранберг [и др.]. Москва, 2007; Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации / под ред. А. Г. Гранберга. М.: Научная книга, 2001.

² Дергачев В. А. Глобалистика. М.: Юнити-Дана, 2015. 303 с.

³ Плотникова О. В., Дубровина О. Ю. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 192 с.

⁴ Бусыгина И. М. Региональная идентичность и региональная интеграция в современном мире: исследование взаимосвязи // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2013. № 3-4 (5-6). С. 16–30.

⁵ Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации. С. 167.

⁶ Вардомский Л. Б., Скатерщикова Е. Е. Внешнеэкономическая деятельность регионов России. М.: АРКТИ. 2002. 448 с.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Цит. по: Павлова З. П. Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации Восточно-Сибирского региона: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 31.

Дж. Клин отмечает, что «усилия штатов стали направляться на содействие экспорту, ограничение импорта и привлечение инвестиций, создающих рабочие места. Экспортно-импортный банк стал устанавливать более тесные рабочие отношения с агентствами штатов, содействующими продвижению торговли» [цит. по: 3].

Концептуальные исследования международных связей субнациональных единиц провели зарубежные ученые – И. Агирре [4], Ф. Диксон [5], Э. Роялз [6]. Ф. Диксон считает, что регионы и правительства штатов сами по себе являются чрезвычайно разнообразной группой, обладающей различной степенью автономии. В отличие от суверенных государств, в регионе нет единой юридической или концептуальной личности, поэтому их международная активность и внешние аспекты деятельности также обладают различными качествами. Мотивы, стоящие за международной деятельностью таких субъектов, охватывают спектр политической самобытности, особенно в отношении принимающего государства. В более распространенных формах интернационализм на уровне государства связан с функциональными требованиями европейского или многостороннего управления или необходимостью привлечения внутренних инвестиций. В более продвинутых формах парадипломатическая деятельность может говорить о процессах построения идентичности или формирования политики, а также об амбициях субгосударственного национализма [5, с. 689].

Особое влияние на анализ факторов, определяющих международные связи регионов государств, оказали типологии, которые представили И. Душачек [7] и П. Солдотос [8]. Авторы стремились классифицировать мотивации и действия, осуществляемые субнациональными правительствами в международной деятельности.

Конфессиональные и этнические факторы международных связей регионов исследованы в трудах В. Л. Толстых⁹, П. Я. Бакланова [9], Р. Ф. Туровского [10], И. Р. Насырова¹⁰. По мнению последнего, «вопросы международного гуманитарного и культурного сотрудничества имеют большее значение для регионов компактного проживания национальностей и этнических групп, обладающих собственной языковой и культурной средой, особенно в случаях национальностей, дисперсно распределенных в разных странах мира. Дополнительные стимулы развития международных связей и поиска международной поддержки в развитии своей этнокультурной идентичности имеют этнические сообщества, не обладающие демографическим большинством в целом по стране или

⁹ Толстых В. Л. Международная деятельность субъектов Российской Федерации: моногр. М.: Междунар. отношения, 2004.

¹⁰ Насыров И. Р. Регионы в международном сотрудничестве: роль политических и правовых институтов (сравнительный анализ): дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2009. 659 с.

не относящиеся к титульным нациям государства, и, как следствие, не имеющие адекватного представительства в органах власти государства»¹¹.

По мнению Дж. Агнью, теоретические и политические перспективы международных связей регионов непосредственно связаны с экономической перестройкой национальных экономик в условиях глобализации и наднациональной регионализации (прежде всего с Европейским союзом). Автор делает акцент на «опустошении» национальных экономик и реакции регулирующих органов на это, что проявляется в росте инициатив регионального уровня по решению экономических проблем [11, с. 11].

Геополитические аспекты международных связей регионов государств исследовали М. Куус [12], Т. Джексон [13], К. Детербек, Е. Хепберн [14].

Значительный вклад в разработку методологии исследования политических процессов в области регионального международного сотрудничества внесли А. И. Неклесса [15], Ю. А. Нисневич [16], Т. В. Карадже¹², К. С. Гаджиев¹³.

Материалы и методы. В данной работе за основу исследования взяты современные публикации отечественных и зарубежных ученых, а также действующая законодательная база в области международных связей регионов государств.

Методологическую базу составили общие и специальные виды научных методов анализа политических процессов, обусловленные спецификой объекта и предмета исследования:

- системный и структурно-функциональный анализ – дали возможность выявить систему и структуру международных связей регионов государств, определить основные факторы, влияющие на данную категорию исследования;

- конкретно-исторический анализ – позволил исследовать динамику и исторические аспекты данной проблематики;

- политико-правовой анализ – помог изучить правовую основу международных связей регионов государств.

Результаты исследования. На формирование и содержание внешне-экономических связей оказывают влияние разнообразные факторы, под которыми понимается система присущих данной территории условий и параметров, прямо или косвенно воздействующих на показатели социально-экономической эффективности региона и его отдельных хозяйствующих субъектов. Кроме того, широта ключевых факторов, определенных как обуславливающие международную активность субгосударств

¹¹ Там же. С. 93.

¹² Карадже Т. В. Методология исследования политического: основные подходы и направления: моногр. М., 2012. 194 с.

¹³ Гаджиев К. С. Введение в политическую философию: моногр. М.: Логос, 2002.

Европейского союза, иллюстрирует влияние как институциональных, так и неинституциональных факторов. Что касается неинституциональных факторов, то следует отметить влияние уровня предпринимательства на международную активность регионов, а также степень легитимности и социального капитала на уровне государства, региональную самобытность (партийно-политическую или культурную) и ассоциативную культуру [6, с. 395].

На основании анализа научной литературы и законодательных документов нами были исследованы факторы, определяющие современные международные связи регионов государств и составлена их классификация:

- 1) факторы, определяемые формой государственного устройства:
 - регионы децентрализованных федераций;
 - регионы централизованных федераций;
 - регионы децентрализованных унитарных государств;
 - регионы централизованных унитарных государств;
- 2) геополитические факторы:
 - географическое положение государства в определенном регионе мира (Азиатско-Тихоокеанский регион, Европа, Азия, Африка, Америка и т. д.);
 - положение региона относительно государственной границы;
 - близость региона к транспортным узлам;
 - наличие выхода к морю;
 - наличие исторически сложившихся трансграничных связей с регионами соседних государств;
 - участие государства в политических союзах и интеграционных объединениях;
 - санкционная политика государства или политического союза;
- 3) факторы социально-экономического развития:
 - состояние финансового и банковского сектора государства;
 - налоговая и инвестиционная политика государства и региона;
 - природно-ресурсный потенциал региона;
 - развитие технологий и промышленности в регионе;
 - уровень развития экономики государства и региона;
 - наличие (дефицит) рабочей силы в регионе;
 - наличие международных договоров и соглашений о внешнеэкономическом сотрудничестве регионов;
- 4) факторы особых типов регионов государств в международном сотрудничестве:
 - регионы с развитым национальным самосознанием, стремящиеся к самоопределению и большей независимости от центра, использующие международные связи в качестве символа, определяющего их международный статус;
 - регионы, не обладающие стремлением к самоопределению;

5) конфессиональные факторы:

- международные связи христианских регионов;
- международные связи исламских регионов;
- международные связи буддистских регионов;
- международные связи регионов иных конфессий;

6) этнические факторы:

- трансграничные связи регионов, сходных по этническому составу населения;
- межтерриториальные связи регионов, сходных по этническому составу населения.

Рассмотрим вышеназванные факторы подробнее.

Одним из основных политико-правовых факторов, определяющих вовлеченность регионов государств в международные связи, является *форма государственного устройства*.

Федеративные государства предоставляют своим регионам определенные полномочия в области международных связей. Регионы имеют полномочия по самостоятельному заключению международных соглашений со вторичными субъектами международного права (субнациональными регионами и международными организациями). «Степень свободы» регионов в международной деятельности определяется федеральным центром, так как субъектом международного права являются именно государства, на которых лежит ответственность, в том числе и за международную деятельность их регионов.

Различные федеративные государства, ввиду своих особенностей, предоставляют своим регионам разный объем полномочий в области международного сотрудничества. В соответствии с этим государства, по мнению И. М. Бусыгиной, можно разделить на:

- «федерации, где в соответствии с Конституцией внешние отношения относятся к исключительной компетенции федерального центра (Австрия, Аргентина, Бразилия);
- федерации, где субъекты располагают некоторыми правами в области международной деятельности при предварительном одобрении и контроле со стороны национальной администрации (США);
- федерации, где конституции признают за субъектами определенные полномочия в области международных отношений (ФРГ, Швейцария)» [17, с. 4].

В унитарных государствах в качестве регионов выступают административно-территориальные единицы, управление которых весьма централизовано. Отсутствуют региональные законодательные органы, главы регионов назначаются из центра.

Сфера международного сотрудничества в унитарных государствах отнесена к компетенции центральных властей, все международные кон-

такты регионов должны проходить под их контролем. Регионы имеют право выступать с инициативой заключения соответствующих соглашений, а уполномоченные органы центрального правительства согласуют или не согласуют данные инициативы. Однако уровень централизации международных связей регионов унитарных государств также разный. Выделяют относительно децентрализованные государства, в которых объем полномочий регионов в международной сфере значителен. Например, в Италии в результате конституционной реформы 2001 г. «регионы получили право на проведение собственных международных связей под общим контролем со стороны государства. К предметам совместного ведения государства и регионов были отнесены международные связи регионов, связи регионов с Европейским союзом и внешняя торговля». Также регионы получили возможность заключать соглашения с иностранными государствами и их регионами [18, с. 65].

Во Франции в результате политики децентрализации государственного управления и расширения автономии местных органов власти (регионов, департаментов, коммун), проводимой с начала 1980-х гг., роль регионов в международных связях возрастает. Конституционный закон от 28 марта 2003 г. утвердил поправку в ст. 1 Конституции страны относительно «децентрализованной формы организации» Французской республики и закрепил в Конституции статус региона как административно-территориальной единицы¹⁴. Данные изменения позволили регионам Франции значительно активизировать международные контакты, в том числе и с регионами Российской Федерации.

Одним из важных событий в рамках укрепления российско-французского межтерриториального взаимодействия стало подписание в 2011 г. Соглашения между Правительством России и Правительством Франции о содействии сотрудничеству между территориальными образованиями России и Франции, вступившего в силу в начале 2012 г. Данное соглашение направлено на развитие связей в разнообразных сферах, включая возможность взаимодействия по реализации стратегий территориального развития, инвестиционной политики и по повышению инвестиционной активности в регионах [19, с. 144]. По мнению французских исследователей, разрыв между регионами в области международного взаимодействия будет уменьшаться, а сами контакты активизироваться¹⁵.

Важнейшими факторами, определяющими интенсивность и направление международных связей регионов государств, являются *геополитические факторы*. Геополитика определяется исследователями как «исторически предопределенное влияние географического положения

¹⁴ Décentralisation: Sortons de la confusion. Repenser l'action publique dans les territoires. Rapport de l'Institut Montaigne. Paris: Institut Montaigne, 2016. P. 116.

¹⁵ Les régions françaises en 2040 // Futuribles. 2011. № 371. P. 78.

и других пространственных факторов на внешнюю политику государств и место страны в международном разделении труда, налагающих на нее неизбывные ограничения, о неизменности национальных интересов»¹⁶.

С точки зрения географического положения регионов, можно выделить международные связи приграничных регионов – трансграничное сотрудничество, а также связи не граничащих друг с другом регионов государств – межтерриториальные связи.

Кроме того, на активность международных связей регионов влияет положение относительно государственной границы государства. Приграничное положение в социально-экономически развитых макрорегионах мира позволяет региону государства принимать активное участие в процессах трансграничного сотрудничества. На периферийных же территориях государственная граница может выполнять барьерную функцию.

По мнению академика П. Я. Бакланова, «важнейшей особенностью геополитического положения приграничных территорий является их непосредственный выход к территории соседней страны. В этой связи приграничная территория каждой из сторон испытывает разнообразное влияние, а также устойчивые интересы сопредельного государства. Это могут быть интересы к природным ресурсам данной территории, сфере рынка, транзитному потенциалу и т. п., которые могут подкрепляться соответствующими межгосударственными договорами и соглашениями. В этом случае соседняя страна заинтересована в поддержании и развитии добрососедских отношений с приграничной страной, в стабильности ее социально-экономического и политического развития, т. е. возникают определенные геополитические интересы» [20, с. 60].

Приграничные субъекты могут извлекать выгоды из своего географического положения во внутристрановом измерении. Такие регионы часто территориально удалены от федерального центра, слабо развиты в социально-экономическом отношении (центро-периферийный подход), но при этом имеют возможность получать существенные выгоды (импульсы развития) от своего расположения при условии приграничного (трансграничного) сотрудничества с сопредельной территорией другого государства. Современная пограничная политика на международном уровне имеет две тенденции в своем развитии. Для первой характерно государственное происхождение регулирующих институтов трансграничных отношений: в их роли выступают органы, образованные на межправительственной основе (например, Совет Европы). Согласно второй тенденции, «трансграничные регулирующие институты создаются на общественном, неправительственном, уровне, в результате соглаше-

¹⁶ География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы : коллектив. моногр. / А. А. Акопян [и др.]. М.; Смоленск, 2016. С. 82.

ния между региональными субъектами» (например, Комитет регионов в Европейском союзе) [21, с. 104].

Наиболее активно и полно приграничные регионы взаимодействуют в государствах Европейского союза. Формальная институционализация началась здесь в 1970-е гг. Больше всего контактов приходится на Альпийский регион, где «действуют Рабочее сообщество альпийских стран (“Альпийская Арка”), Рабочее сообщество Альпы – Адрия, Рабочее сообщество кантонов и регионов Восточных Альп». В качестве основных сообществами заявлены следующие задачи: «постоянный обмен информацией и активизация самих разнообразных контактов между жителями регионов-участников»¹⁷.

В России приграничные регионы в большинстве своем являются экономически отсталыми территориями. Это обусловлено исторически: Советский Союз формировался в условиях враждебного окружения, в целях безопасности основной промышленный потенциал был сосредоточен в центральной части государства. В последние же годы российские регионы включились в процессы трансграничного взаимодействия на Европейском континенте. Например, в 2003 г. образовались еврорегион «Днепр», объединивший Брянскую, Гомельскую и Черниговскую области, и еврорегион «Слобожанщина» – Белгородская и Харьковская области. В 2004 г. появился еврорегион «Псков – Ливония», который включил в себя несколько районов Псковской области, Латвии и Эстонии. На западе России функционирует Баренцев регион. На сегодняшний день в него входят регионы России, Норвегии, Финляндии, Швеции [22, с. 101–102].

На международные связи регионов государств влияет такой аспект геополитического фактора, как участие их государств в политических союзах. В качестве примера можно привести Союзное государство России и Белоруссии.

Межрегиональное сотрудничество в рамках союзного государства активно развивается, являясь приоритетным направлением. Регионы России и Белоруссии тесно взаимодействуют в рамках программ инвестиционного сотрудничества, при создании совместных предприятий, ежегодно проводятся форумы с участием первых лиц государств.

Таким образом, экономико-географическое положение регионов существенно влияет на развитие международных связей, чему способствует близость к транспортным узлам, морским портам и т. д. В зависимости от этого должны быть разработаны и приняты различные программы по развитию транспортной инфраструктуры [23, с. 65].

¹⁷ Бусыгина И. М. Политическая роль регионов в структуре Европейского союза: Концептуальные и прикладные аспекты: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2001. С. 171.

В основе международных связей регионов лежит также *фактор социально-экономического развития региона*. По словам Л. Б. Вардомского, «приграничные регионы выполняют в отношении своих стран схожие функции, обеспечивая взаимные торгово-экономические и социальные связи, а также связи с третьими странами и третьих стран. Эффективность исполнения этих функций зависит от тесноты сотрудничества соседних стран и их приграничных территорий. С другой стороны, важным ресурсом приграничного сотрудничества являются различия соседствующих стран по их месту в мировой экономике, по уровню и соотношению внутренних цен, налоговому и инвестиционному законодательству, доходам населения и т. д., что позволяет активно обмениваться соответствующими товарами и факторами производства»¹⁸. Таким образом, приграничное сотрудничество очень важно для развития приграничных территорий, так как способствует возникновению рабочих мест, товарообороту на региональном рынке, привлекает иностранные технологии и инвестиции в регион.

Социально-экономический фактор включает в себя природно-ресурсный потенциал региона, конкурентоспособность его экономики, развитие отраслей производства, финансовое положение региона, долю экспортоориентированных производств, инвестиционную привлекательность, состояние рынка труда, экологическую ситуацию и т. д. [23, с. 65].

Важнейшим блоком экономических отношений любого региона Российской Федерации выступают внешнеэкономические связи, которые получают конкретизацию в определенных формах своего проявления: международных торговых, инвестиционных, финансовых, кооперационно-производственных и иных отношениях. Важнейшей формой выражения внешнеэкономических связей, безусловно, следует считать внешнюю торговлю.

Российские регионы заключают множество соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей с иностранными партнерами. Анализ активности регионов в данной сфере свидетельствует, что общее количество подобных соглашений между российскими регионами и их иностранными партнерами выросло с 87 документов в 1999 г. до 619 – в 2016 г., т. е. более чем в 7 раз [24, с. 831].

Особые типы регионов государств в международном сотрудничестве.

Ряд регионов государств имеет развитое национальное самосознание, стремление к большей независимости или вообще самостоятельности от центральных властей. Для таких регионов международное сотрудничество – важный элемент международного признания, возможность

¹⁸ Вардомский Л. Б. Новые факторы приграничного сотрудничества стран СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/909/314/1234/56.pdf> (дата обращения: 27.01.2019).

участвовать в международной жизни в качестве квазигосударственного образования. Примером может служить франко-канадское сообщество в Квебеке, которое на протяжении своей истории старается сохранить национально-культурную идентичность. Шотландия и Каталония также развивают международное сотрудничество на государственном уровне [3, с. 131]. Уникальная ситуация сложилась в Бельгии: субъекты федерации обладают беспрецедентными в мировом масштабе полномочиями по участию в международном сотрудничестве.

По мнению Дж. Агню, взрыв региональных и сепаратистских движений в Европе стимулировал значительный интерес к корням региональных идентичностей по отношению к национальным. Возникло понятие «субнациональные региональные идентичности», которое оказалось в центре внимания социальных историков и ученых, занимающихся историей и перестройкой европейской политической идентичности [11, с. 11].

Опираясь на исследования, можно идентифицировать ряд территорий Европы с сильной политизированной идентичностью. Так, Страна Басков, Каталония, Фландрия и Шотландия обладают достаточно сильной территориальной идентичностью, чтобы конкурировать с идентичностью центрального государства. Более низкий уровень демонстрируют Бретань, Бавария, Уэльс, Северная Италия. В других случаях региональная идентичность слаба [25, с. 853].

В России особое положение в международном сотрудничестве занимает Республика Татарстан. В 1991 г. при формировании Российской Федерации Татарстан не подписал Федеративный договор. В дальнейшем особое внимание республика уделяла согласованию положений и подписанию договоров о разграничении полномочий и предметов ведения с Российской Федерацией¹⁹. Последний договор такого плана между Российской Федерацией и Татарстаном закончил действие только в 2017 г., однако в республиканском политическом дискурсе эта тема остается актуальной до сих пор. Исследователи отмечают, что официальные лица Татарстана стараются подчеркнуть особенности его связей с международными организациями, что отражало бы идентичность республики как суверенного государства [3, с. 130].

На международные связи регионов государств оказывает влияние *конфессиональный фактор*. Так, большое внимание среди конфессиональных сетей привлекает ислам. Как пишет Р. Ф. Туровский, «субъекты исламских сетей различны – часть властной элиты республик, офици-

¹⁹ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан (Москва, 26 июня 2007 г.). URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/191677/> (дата обращения: 20.05.2018).

альные духовные управления мусульман, общественные религиозные объединения, антисистемные и террористические группы» [22, с. 106]. Интересы российской исламской сети в наибольшей мере направлены на сотрудничество со странами арабского мира. Второй по численности является буддистская (ламаистская) сеть. Она прежде всего нацелена на развитие отношений с Монголией.

Этнический фактор также оказывает влияние на международное сотрудничество регионов. Национальные (этнические) регионы, обладающие собственной языковой и культурной средой, развивают сотрудничество в вопросах международного гуманитарного и культурного характера. И. Р. Насыров поясняет: «дополнительные стимулы развития международных связей и поиска международной поддержки в развитии своей этнокультурной идентичности имеют этнические сообщества, не обладающие демографическим большинством в целом по стране или не относящиеся к титульным нациям государства, и, как следствие, не имеющие адекватного представительства в органах власти государства. Международная деятельность регионов в подобных случаях также мотивируется целями этнокультурной самоидентификации и направлена на защиту и признание своих прав, как отдельной общности, полномочий на самоуправление, особенно в вопросах образования, языка и культуры, учета специфических этнокультурных интересов региона в общегосударственных и международных делах» [26]. В России к таким регионам относятся национальные республики.

Обсуждение и заключение. В результате проведенного исследования были выявлены основные факторы, определяющие современные международные связи регионов государств. Доказано, что форма государственного устройства устанавливает полномочия регионов по международному сотрудничеству и, соответственно, является важнейшим фактором международных связей регионов. Геополитические факторы определяют направленность международных связей регионов в зависимости от положения государства в конкретном регионе мира, наличия у региона выхода к морю и близости к транспортным узлам, положения региона относительно государственной границы. Социально-экономические факторы являются основным мотивом международной деятельности. К ним можно отнести: состояние финансового и банковского сектора государства, налоговую и инвестиционную политику государства и региона, природно-ресурсный потенциал региона, развитие технологий и промышленности в регионе, уровень развития экономики государства и региона, наличие (дефицит) рабочей силы в регионе, наличие международных договоров и соглашений о внешнеэкономическом сотрудничестве регионов. Факторы особых типов регионов государств в международном сотрудничестве актуальны для регионов с развитым национальным самосознанием, стремящихся

к самоопределению и большей независимости от центра, использующих международные связи в качестве символа, определяющего их международный статус. Этнические и конфессиональные факторы – это трансграничные и межтерриториальные связи регионов, сходных по этническому и конфессиональному составу населения.

Исследованная автором классификация основных факторов, определяющих международные связи регионов государств, может быть использована при проведении анализа международных связей регионов конкретного государства, а также при проведении сравнительных исследований международных связей регионов разных государств в качестве критериев анализа. В целом данное исследование может быть полезным при анализе международных связей регионов Российской Федерации, при проведении сравнительных исследований международных межрегиональных связей нашей страны с государствами, имеющими развитое международное сотрудничество регионов в целях выявления путей совершенствования региональной политики, а также резервов повышения социально-экономического потенциала регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Медведев Н. П. Региональное развитие в условиях открытости государства: европейский и российский опыт // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2014. № 1 (1). С. 5–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26435276> (дата обращения: 27.01.2019).
2. Колыхалов М. И., Пушкарева Е. А. Процессы глобализации и регионализации в развитии современного общества: интеграция исследовательских подходов в социально-гуманитарном знании // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 4. С. 94–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1804.06>
3. Жиряева Е. В. Анализ факторов, влияющих на участие субнациональных единиц разных стран во внешнеэкономических связях // Управленческое консультирование. 2016. № 4 (88). С. 125–135. URL: <https://szii.ranepa.ru/smi/smi-instituta/zhurnal-upravlencheskoe-konsultirovanie> (дата обращения: 30.01.2019).
4. Aguirre I. Making Sense of Paradiplomacy? An Intertextual Enquiry about a Concept in Search of a Definition // Regional and Federal Studies. 1999. Vol. 9, issue 1. Pp. 185–209. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597569908421078>
5. Dickson F. The Internationalisation of Regions: Paradiplomacy or Multi-Level Governance? // Geography Compass. 2014. Vol. 8, issue 10. Pp. 689–700. DOI: <https://doi.org/10.1111/gec3.12152>
6. Royles E. Sub-State Diplomacy: Understanding the International Opportunity Structures // Regional and Federal Studies. 2017. Vol. 27, issue 4. Pp. 393–416. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597566.2017.1324851>

7. Duchacek I. D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford: Clarendon Press, 1990. Pp. 1–34. URL: <https://www.amazon.com/Federalism-International-Relations-Subnational-Units/dp/0198274912> (дата обращения: 30.01.2019).

8. Soldatos P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign Policy Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford: Clarendon Press, 1990. Pp. 34–53. URL: <https://www.amazon.com/Federalism-International-Relations-Subnational-Units/dp/0198274912> (дата обращения: 30.01.2019).

9. Бакланов П. Я. Структуризация территориальных социально-экономических систем // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2013. № 6. С. 3–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21004042> (дата обращения: 27.01.2019).

10. Туровский Р. Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 1 (80). С. 162–180. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180>

11. Agnew J. A. Arguing with Regions // *Regional Studies*. 2013. Vol. 47, issue 1. Pp. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.676738>

12. Kuus M. Foreign Policy and Ethnography: A Sceptical Intervention // *Geopolitics*. 2013. Vol. 18, issue 1. Pp. 115–131. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2012.706759>

13. Jackson T. Paradiplomacy and Political Geography: The Geopolitics of Substate Regional Diplomacy // *Geography Compass*. 2018. Vol. 12, issue 2. Pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1111/gec3.12357>

14. Dettnerbeck K., Hepburn E. *Handbook of Territorial Politics*. Edward Elgar Publishing Limited, 2018. p. 432. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781784718770>

15. Неклесса А. И. Знание и наука // *Метафизика*. 2016. № 2 (20). С. 166–178. URL: <http://lib.rudn.ru/35> (дата обращения: 27.01.2019).

16. Нисневич Ю. А. Современные методы политических исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология*. 2011. № 2. С. 5–16. URL: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8863> (дата обращения: 27.01.2019).

17. Бусыгина И., Лебедева И. Субъекты федерации в международном сотрудничестве // *Аналитические записки Института международных исследований МГИМО (У) МИД России*. 2008. № 3. С. 1–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25686430> (дата обращения: 27.01.2019).

18. Барабанов О. Н. Тенденции развития региональной политики Италии // *Вестник МГИМО Университета*. 2012. № 1. С. 61–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17329036> (дата обращения: 27.01.2019).

19. Четверикова А. С., Баронина Ю. А. Взаимодействие России и Франции: территориальный уровень // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11, № 1. С. 139–154. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-1-139-154>

20. Бакланов П. Я., Романов М. Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (51). С. 60–71. URL: http://vfrta.customs.ru/vfrta/index.php?option=com_content&view=article&id=1947&Itemid=2383 (дата обращения: 27.01.2019).

21. Цветкова О. В. Трансграничное сотрудничество приграничных субъектов Российской Федерации // Politbook. 2016. № 4. С. 96–107. URL: <http://politbook.online/index.php/archiv/68-pb-2016-4> (дата обращения: 27.01.2019).

22. Туровский Р. Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 99–117. URL: <http://www.politstudies.ru/article/4399> (дата обращения: 27.01.2019).

23. Игнатенко И. М. Развитие международных связей регионов-доноров в контексте реализации государственной региональной политики России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 4. С. 64–70. URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/190> (дата обращения: 27.01.2019).

24. Линецкий А. Ф., Тарасов А. Г., Ковалев В. Е. Роль регионов во внешне-торговой деятельности России в условиях новых геополитических вызовов // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 3. С. 827–838. URL: http://www.uiiec.ru/zhurnal_yekonomika_regiona/arhiv_nomerov/2038/numер_3_-_2018/ (дата обращения: 27.01.2019).

25. Keating M., Wilson A. Regions with Regionalism? The Rescaling of Interest Groups in Six European States // European Journal of Political Research. 2014. Vol. 53, issue 4. Pp. 840–857. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12053>

26. Насыров И. Р. Региональная идентичность и международное сотрудничество регионов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. № 4. С. 103–111. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on14408 (дата обращения: 27.01.2019).

Поступила 15.02.2019; принята к публикации 26.03.2019; опубликована онлайн 28.06.2019.

Об авторе:

Колыхалов Максим Игоревич, аспирант кафедры международных отношений АНО ВО «Сибирский институт международных отношений и регионоведения» (630075, Россия, г. Новосибирск, ул. Народная, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3137-1889>, maxim_kolykhalov@mail.ru

Для цитирования:

Колыхалов М. И. Анализ и классификация основных факторов, определяющих современные международные связи регионов государств // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 2. С. 270–289. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.270-289>

Автор и его научный руководитель прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Medvedev N.P. Regional Development in the Conditions of Openness of the State: European and Russian Experiences. *Regionalnoe i munitsipalnoe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava* = Regional and Municipal Governance: Politics, Economics and Law. 2014; (1):5-15. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26435276> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
2. Kolykhalov M.I., Pushkareva E.A. Processes of Globalization and Regionalization in the Development of Modern Society: Integration of Research Approaches in Social and Humanitarian Knowledge. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. 2018; 8(4):94-108. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1804.06>
3. Zhiryayeva E.V. The Analysis of the Factors Which Influence on the Subnational Units of Different Countries Participation in the Foreign Economic Relations. *Upravlencheskoe konsultirovanie* = Administrative Consulting. 2016; (4):125-135. Available at: <https://sziu.ranepa.ru/smi/smi-instituta/zhurnal-upravlencheskoe-konsultirovanie> (accessed 30.01.2019). (In Russ.)
4. Aguirre I. Making Sense of Paradiplomacy? An Intertextual Enquiry about a Concept in Search of a Definition. *Regional and Federal Studies*. 1999; 9(1): 185-209. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597569908421078>
5. Dickson F. The Internationalization of Regions: Paradiplomacy or Multi-Level Governance? *Geography Compass*. 2014; 8(10):689-700. DOI: <https://doi.org/10.1111/gec3.12152>
6. Royles E. Sub-State Diplomacy: Understanding the International Opportunity Structures. *Regional and Federal Studies*. 2017; 27(4):393-416. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597566.2017.1324851>
7. Duchacek I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations. In: *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford: Clarendon Press. 1990; 1-34. Available at: <https://www.amazon.com/Federalism-International-Relations-Subnational-Units/dp/0198274912> (accessed 30.01.2019).
8. Soldatos P. An Explanatory Framework of States for Foreign Policy Relations. In: *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford: Clarendon Press. 1990; 34-53. Available at: <https://www.amazon.com/Federalism-International-Relations-Subnational-Units/dp/0198274912> (accessed 30.01.2019).
9. Baklanov P.Ya. Structuring of Territorial Socio-Economic Systems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* = Moscow University Bulletin. Series 5: Geography. 2013; (6):3-8. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21004042> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
10. Turovsky R.F. Nationalization and Regionalization of Party Systems: Approaches to Research. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)* = Politeia. 2016; (1):162-180. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180>
11. Agnew J.A. Arguing with Regions. *Regional Studies*. 2013; 47(1):6-17. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.676738>

12. Kuus M. Foreign Policy and Ethnography: A Sceptical Intervention. *Geopolitics*. 2013; 18(1):115-131. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2012.706759>
13. Jackson T. Paradiplomacy and Political Geography: The Geopolitics of Sub-state Regional Diplomacy. *Geography Compass*. 2018; 12(2):1-11. DOI: <https://doi.org/10.1111/gec3.12357>
14. Detterbeck K., Hepburn E. Handbook of Territorial Politics. Edward Elgar Publishing Limited. 2018. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781784718770>
15. Neklessa A.I. Knowledge and Science. *Metafizika* = Metaphysics. 2016; (2):166-178. Available at: <http://lib.rudn.ru/35> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
16. Nisnevich Yu.A. Modern Methods of Political Research. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* = RUDN Journal of Political Science. 2011; (2):5-16. Available at: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8863> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
17. Busygina I., Lebedeva I. [Constituent Entities of the Federation in International Cooperation]. *Analiticheskie zapiski Instituta mezhdunarodnyh issledovanij MGIMO (U) MID Rossii* = Analytical Notes of the Institute of International Studies of MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 2008; (3):1-31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25686430> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
18. Barabanov O.N. [Trends in the Development of Regional Policy in Italy]. *Vestnik MGIMO Universiteta* = MGIMO Review of International Relations. 2012; (1):61-67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17329036> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
19. Chetverikova A.S., Baronina Yu.A. Cooperation of Russia and France: Regional Level. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2018; 11(1):139-154. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-1-139-154>
20. Baklanov P.Ya., Romanov M.T. [Geopolitical Factors of Development of Cross-Border Regions]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke* = Customs Policy of Russia in the Far East. 2010; (2):60-71. Available at: http://vfirta.customs.ru/vfirta/index.php?option=com_content&view=article&id=1947&Itemid=2383 (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
21. Tsvetkova O.V. Cross-Border Cooperation of Border Regions of the Russian Federation. *Politbook*. 2016; (4):96-107. Available at: <http://politbook.online/index.php/archiv/68-pb-2016-4> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
22. Turovsky R.F. Subnational Regions in Global Politics. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2011; (2):99-117. Available at: <http://www.politstudies.ru/article/4399> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
23. Ignatenko I.M. The Development of International Relations of Regions-Donors in the Context of the Implementation of the State Regional Policy of Russia. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2015; (4):64-70. Available at: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/190> (accessed 27.01.2019). (In Russ.)
24. Linetsky A.F., Tarasov A.G., Kovalev V.E. Role of Regions in the Foreign Trade Activity of Russia in the Context of New Geopolitical Challenges. *Ehkonomika*

regiona = Economy of Region. 2017; 13(3):827-838. Available at: http://www.uiec.ru/zhurnal_yekonomika_regiona/arhiv_nomerov/2038/nomer_3_-_2018/ (accessed 27.01.2019). (In Russ.)

25. Nasyrov I.R. [Regional Identity and International Cooperation of Regions]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2008; (4):103-111. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on14408 (accessed 27.01.2019). (In Russ.)

26. Keating M., Wilson A. Regions with Regionalism? The Rescaling of Interest Groups in Six European States. *European Journal of Political Research*. 2014; 53(4):840-857. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12053>

Submitted 15.02.2019; accepted for publication 26.03.2019; published online 28.06.2019.

About the author:

Maxim I. Kolykhalov, Postgraduate, Department of International Relations, Siberian Institute of International Relations and Regional Studies (14 Narodnaya St., Novosibirsk 630075, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3137-1889>, maxim_kolykhalov@mail.ru

For citation:

Kolykhalov M.I. Analysis and Classification of the Main Factors Determining Modern International Connections of Regions of States. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):270-289. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.270-289>

The author and the academic supervisor have read and approved the final version of the manuscript.

Региональные особенности в законодательстве Республики Мордовия об образовании

А. И. Беляйкина

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
nasta.belle@yandex.ru

Введение. Образование находится в сфере первоочередных государственных интересов. От его состояния во многом зависит будущее России, ее экономическое развитие, уровень благосостояния в обществе. Следовательно, выявление и изучение особенностей нормативно-правового регулирования права на образование в регионах России является актуальной темой. Цель статьи – исследовать законодательство Республики Мордовия об образовании, выявить, происходит

ли учет социально-экономических, национальных, географических, этнокультурных, демографических и иных особенностей региона при нормотворчестве.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили нормы действующего законодательства об образовании Российской Федерации и Республики Мордовия. Информационной базой стали открытые данные муниципальных бюджетных общеобразовательных учреждений Республики Мордовия. Использовались методы системно-структурного анализа, сравнения, формально-логический метод.

Результаты исследования. В ходе работы выявлены особенности региона, учитываемые при нормотворчестве в сфере образования Республики Мордовия: национальные, экономические, географические, социально-экономические. Установлено, что в Республике Мордовия предусмотрены дополнительные гарантии реализации конституционного права на образование: материальная поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обучающихся по очной форме обучения за счет средств федерального или республиканского бюджета Республики Мордовия.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что учет особенностей Мордовии в региональном законодательстве об образовании находится на соответствующем уровне. Перспективы дальнейшего исследования видятся в выявлении особенностей регионов и внедрении их в законодательство субъектов Российской Федерации. Полученные данные будут полезны региональным органам власти, администрациям муниципальных районов при разработке нормативно-правовых актов и программ развития образования региона.

Ключевые слова: право на образование, законодательство об образовании субъекта Российской Федерации, региональные особенности, социально-экономическое развитие, региональная идентичность, Республика Мордовия

© Беляйкина А. И., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Regional Features in the Legislation of the Republic of Mordovia on Education

A. I. Beliaikina

*National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
nasta.belle@yandex.ru*

Introduction. Education is of priority interest for the state. The future of Russia, its economic development, and the level of welfare in the society largely depend on its quality. Therefore, identification and study of the peculiarities of the legal regulation of the right to education in the regions of Russia is a relevant topic. The purpose of this paper is to investigate the legislation of the Republic of Mordovia on education, to identify whether consideration is given to socio-economic, national, geographical, ethnocultural, demographic and other features of the region when laws are made.

Materials and Methods. The rules of the current legislation of the Russian Federation and the Republic of Mordovia on education were used as the materials for the study. Open data from municipal budgetary educational institutions of the Republic of Mordovia formed the information base of the research. The study employed the method of systemic and structural analysis, that of comparison, as well as the formal logical method.

Results. The study has revealed the peculiarities of the region taken into account in the Republic of Mordovia in the process of rule-making in the field of education: the ethnic, economic, geographical, and socio-economic ones. It has been established that in the Republic of Mordovia additional guarantees are provided for the realization of the constitutional right to education: material support is provided to orphans and children left without parental care whose tuition is paid for from the federal or republican budget.

Discussion and Conclusion. The research results made it possible to draw the conclusion that consideration of the peculiarities of Mordovia in regional legislation on education is at the appropriate level. Further research may be associated with identifying the regional features and introducing them into the legislation of the constituent entities of the Russian Federation. The data obtained will be useful to regional authorities and administrations of municipal districts when drafting regulations and drawing up programs for the development of education in the region.

Keywords: right to education, legislation on education of a constituent entity of the Russian Federation, regional features, socio-economic development, regional identity, Republic of Mordovia

Введение. Все чаще мы слышим выражения «глобализация образования», «интеграция в мировое образовательное пространство», «унифицированная система образования», «единое образовательное пространство» и пр. Однако Россия – государство с огромной территорией, расположенной в четырех климатических поясах, где проживают более 190 народов¹, поэтому полного единообразия в самой стране быть не

¹ Всероссийская перепись населения 2010. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.03.2019).

может, не говоря уже о применении мировой системы образования. Российская Федерация имеет свою образовательную систему с давними традициями, устоями, порядками, особенностями, сложившимися исходя из характеристик страны.

Российская Федерация провозглашает общедоступность, бесплатность образования, недопустимость дискриминации в сфере образования. Обеспечение образованием должно происходить в соответствии с потребностями личности, необходимо учитывать уровень подготовки, особенности развития, способности и интересы человека, защищать и развивать этнокультурные особенности и традиции народов России в условиях многонационального государства. Данные направления государственной политики могут быть реализованы лишь при совместной деятельности федеральных, региональных органов власти, а также органов местного самоуправления. Основной объем обязанностей по реализации стратегии государства в сфере образования по конкретному правовому регулированию возложен на региональный и местный уровень.

В данной статье будет рассмотрена проблема учета социально-экономических, национальных, географических, этнокультурных, демографических и иных особенностей субъекта при региональном и местном правотворчестве в Республике Мордовия. Важность исследования состоит в том, что данные признаки регионов обуславливают существование российской национальной системы образования в целом. Цель статьи – исследовать законодательство Республики Мордовия об образовании, выявить особенности нормативно-правового регулирования конституционного права на образование в Мордовии.

Обзор литературы. В научной среде имеется обширная литература, посвященная проблемам образования. Образование как правовую категорию, право на образование как субинститут основного конституционно-правового института социальных и культурных прав человека и гражданина рассматривает Т. Н. Матюшева² [1–3]. История формирования права на образование в России, понятие и содержание конституционного права на образование, его пределы, направления правового регулирования исследуются в трудах Е. Д. Волоховой [4; 5], Л. А. Дольниковой³.

М. А. Задорина особое внимание уделяет изучению содержания права на среднее профессиональное образование [6], Н. В. Третьяк разбирает гарантии реализации права на образование в законодательных актах субъектов Российской Федерации [7], О. Л. Шабалина делает упор на исто-

² Матюшева Т. Н. Эволюция понятий «образование», «воспитание», «обучение» в образовательном законодательстве // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы V Всеросс. науч.-практ. конф. 2016. С. 43–49.

³ Дольникова Л. А. Конституционное право Республики Башкортостан: учеб. Уфа: ГУП УПК, 2003. 149 с.

рическом аспекте отечественного законодательства об образовании [8]. Однако исследованием законодательства об образовании в регионах занимаются немногие. Опишем основные тезисы работ некоторых авторов по данной проблематике.

О. В. Стульникова в своих публикациях дает анализ реализации права на образование на уровне субъектов Российской Федерации, исследует проблемы компетенции Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере образования, обосновывает необходимость принятия образовательного кодекса. На основе результатов социологического исследования, проведенного в Пензенской, Ульяновской областях и Республике Мордовия, автором выявлены причины нарушения конституционных прав молодежи, включая право на образование в регионах: «отсутствие надежных законов, коррумпированность государственных структур, бесконтрольность действий правоохранительных органов»⁴ [9].

О. А. Теплякова исследует правовые нормы по разграничению полномочий между органами государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления; разрабатывает «предложения по законодательному разграничению предметов ведения и полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в процессе обеспечения права на образование», выявляет пробелы в российском и региональном законодательстве в сфере образования⁵, коллизии (федеральное и региональное законодательство) в регулировании права на образование (право на дошкольное, общее, профессиональное, дополнительное образование) [10].

С. В. Безуглов занимается исследованием особенностей нормативно-правового регулирования права граждан на образование, реализуемого в условиях сельской местности; изучает проблемы обеспечения доступности права на образование сельских жителей, нормативного регулирования территориальной доступности получения образования в сельской местности, правовое положение педагогических работников сельских образовательных учреждений⁶. В своих работах он делает вывод, что нормативное регулирование права на образование в сельской местности больше развито и систематизировано на региональном уровне.

⁴ Стульникова О. В. Конституционное право граждан на образование и проблемы его реализации в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 25 с.

⁵ Теплякова О. А. Конституционное право на образование и его обеспечение в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 23 с.

⁶ Кудлаев Ю. О., Безуглов С. В. Проблемы обеспечения равноправия сельских жителей при получении образования в Федеральном законе «Об образовании в РФ» // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. ст. по материалам IX Всеросс. конф. молодых ученых. 2016. С. 545–547.

не, чем на федеральном. В регионах, по мнению автора, отсутствует единая концепция формирования образовательного законодательства: нормативный акт по одинаковым вопросам в одном субъекте Российской Федерации принимается в форме закона, в другом – в форме подзаконного акта представительного органа, исполнительного органа либо единоличного органа исполнительной власти.

Т. В. Грачева исследует вопросы о соотношении законодательного регулирования в сфере образования на федеральном и региональном уровнях, наличие противоречий в нормах данных законодательных уровней. Автором определена специфика реализации права на образование в Москве – «особая система образовательных учреждений, более высокое качество образования, политика города в части обеспечения получения образования всеми жителями Москвы в объеме среднего (полного) общего и установление дополнительных гарантий для жителей Москвы»⁷.

О. М. Ильина, исследуя правовое регулирование права на образование детей-инвалидов в субъектах Российской Федерации, выявляет следующие черты: в законодательстве Кировской области установлены дополнительные меры социальной поддержки для детей с ограниченными возможностями здоровья (в том числе бесплатное предоставление медицинских услуг в образовательном учреждении, библиотечных услуг и др.); в Самарской области в общеобразовательных учреждениях применяется интегрированное образование – дети с отклонениями в развитии обучаются в одном классе с нормально развивающимися сверстниками; в Республике Карелия полномочия по воспитанию и обучению детей-инвалидов переданы органам местного самоуправления [11].

В результате изучения нормативных актов Пермского края, социально-экономической обстановки в регионе В. К. Довгягло, В. А. Колышкиной были выявлены следующие проблемы в сфере образования края: дефицит педагогических кадров, невысокая квалификация учителей в сельской местности, бюрократические проволочки при получении мер социальной поддержки педагогическими работниками, нарушение принципа бесплатности, доступности образования, отсутствие надлежащей материально-технической базы в образовательных организациях [12].

В Республике Марий Эл, как отмечают К. В. Позднеев, Н. И. Петренко, к особенностям региона следует отнести: установление дополнительных гарантий реализации права на образование детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Законодательством республики установлено, что «дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот, получившие основное общее

⁷ Грачева Т. В. Реализация конституционного права человека и гражданина Российской Федерации на образование: на примере города Москвы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.

или среднее (полное) общее образование имеют право на обучение на курсах по подготовке к поступлению в учреждения среднего и высшего профессионального образования без взимания с них платы за обучение (а не только право на бесплатное обучение на подготовительных курсах в образовательных учреждениях высшего образования)» [13]. Дети-сироты, а также дети, оставшиеся без попечения родителей, обучающиеся в государственных учреждениях общего, среднего профессионального образования, а также обучающиеся, потерявшие в период обучения обоих или единственного родителя, зачисляются на полное государственное обеспечение до окончания ими данного образовательного учреждения (не только до достижения 23 лет).

Достаточно большое внимание уделяют праву на образование человека иностранные ученые. Так, Д. Монк в качестве особенности образования в Великобритании выделяет домашнее обучение, набирающее большую популярность в последнее время. По мнению исследователя, «домашнее образование является проблемой, которая привлекает мало внимания общественности, правительства и ученых» [14].

У. Маккей в своих трудах обратил внимание на то, что право на образование вытекает исключительно из закона [15]. Если право на образование существует только в нормативных актах, то образование может рассматриваться не как право каждого ребенка, а как привилегия, предоставляемая законодателем, обеспечиваемая исполнительным органом и контролируемая, в качестве крайней меры, судом⁸.

Н. Коррейя, К. Камилоа, С. Агиара исследуют право детей на образование в дошкольных образовательных учреждениях [16]. Ш. Ридл в своей работе обращает внимание на то, что в современном законодательстве Шотландии прослеживается тенденция расширения прав детей, наравне с правами родителей и молодежи [17].

С. Бхан, С. Родрикс отмечают, что в Индии неравные социальные, экономические и политические условия оказывают сильное влияние на доступ детей к образованию и их участие в учебном процессе. Так, в некоторых штатах Индии государство не осведомляет граждан о правах в сфере образования, существует плохая доступность школ, отсутствуют необходимая инфраструктура, квалифицированный персонал, адаптированные учебные программы, материалы, системы контроля в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья [18].

Профессор А. Азизи исследует вопросы реализации права на образование на родном языке в Македонии (Республика Северная Македония), а именно возможность получения образования на албанском языке [19].

⁸ MacKay A., Krinke G. Education as a Basic Human Right: A Response to Special Education and the Charter // Canadian Journal of Law and Society. 1987. No. 2. Pp. 73–95. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0829320100001162>

В республике единственным государственным языком является македонский, хотя население страны, помимо македонцев, состоит из албанцев, турков, цыган, сербов и других народов.

Несмотря на обозначенные исследования, в настоящее время в юридической науке недостаточно изучены региональные особенности в законодательстве об образовании края, области, округа, республики (территориальной единицы государства). Исследованию этих вопросов и посвящена данная работа.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования выступили общественные отношения, возникающие в сфере образования. Предметом исследования стали нормативно-правовые акты Российской Федерации (Конституция Российской Федерации, федеральные законы), Республики Мордовия (Конституция Республики Мордовия, законы, постановления Правительства и указы Главы Республики Мордовия), муниципальные правовые акты г. Саранска (решения Совета депутатов г. о. Саранск). Также материалом для исследования послужили научные труды, публикации в периодических изданиях российских и зарубежных ученых по анализируемой теме, открытые данные муниципальных бюджетных общеобразовательных учреждений Республики Мордовия, а именно: уставы, учебные планы, рабочие программы учебных курсов Мордовскопопашатской средней общеобразовательной школы им. В. В. Кирдяшкина Ельниковского района, Мордовско-Пимбурской средней общеобразовательной школы Zubovo-Полянского района, Лобаскинской средней школы Атяшевского района, Тат-Пишленской средней общеобразовательной школы Рузаевского района, Кривозерьевской средней общеобразовательной школы Лямбирского района Республики Мордовия.

В работе применялись общенаучные методы – диалектический, системный, анализ, синтез, сравнение; специально-правовой метод познания – формально-юридический. Метод сравнения был применен при сопоставлении федерального законодательства и законодательства субъекта Российской Федерации, в частности, при исследовании вопросов, посвященных языку образования, социальной поддержке отдельных категорий обучающихся. С его помощью выявлены отличия, особенные положения в законодательстве Республики Мордовия. Формально-юридический метод применялся для уяснения, интерпретации смысла и содержания исследовавшихся нормативных правовых актов по вопросам образования в России и Мордовии.

Научный метод анализа выступил в качестве основного исследовательского метода. Проведен анализ положений Конституции Российской Федерации, федеральных законов, законов и иных нормативно-правовых актов Республики Мордовия в сфере образования (указы Главы Республики Мордовия, постановления Правительства Республики Мордовия, решения Совета депутатов г. о. Саранск).

Использование вышеперечисленных методов позволило исследовать объект, провести обобщающий анализ теоретического и правового материала, а также выработать предложения по совершенствованию действующего законодательства в сфере образования в субъектах Российской Федерации. Полученные результаты исследования изложены и обобщены на основе формально-логического метода.

Результаты исследования. Согласно Конституции Российской Федерации, общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (п. е ч. 1 ст. 72). Ст. 41 Конституции Республики Мордовия 1995 г. закрепляет право каждого на образование, гарантирует общедоступность и бесплатность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования, получаемого впервые.

Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 6–9) определяет полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления в сфере образования. Однако уточненные положения данного закона, конкретные полномочия органов государственной власти субъекта как правило должны содержаться в базовом законе об образовании субъекта Российской Федерации⁹, других нормативно-правовых актах, разработанных с учетом социально-экономических, национальных, географических, этнокультурных, демографических и иных особенностей региона.

Первичные нормы по вопросам образования в Республике Мордовия закреплены в законе Республики Мордовия № 53-З от 08.08.2013 «Об образовании в Республике Мордовия»¹⁰ (далее – закон № 53-З), который был разработан на основе проекта модельного закона субъекта Российской Федерации «Об образовании в субъекте Российской Федерации» Минобрнауки России¹¹ с учетом особенностей системы образования Мордовии.

⁹ Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации № ИР-170/17 от 01.04.2013 «О Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Минобрнауки России. URL: https://минобрнауки.рф/документы/3444/файл/2272/13.04.01-ИР-170_17.pdf (дата обращения: 25.03.2019).

¹⁰ «Об образовании в Республике Мордовия»: Закон Республики Мордовия № 53-З от 08.08.2013 [Электронный ресурс]: (с изменениями и дополнениями). Дата обновления: 20.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

¹¹ Проект модельного закона субъекта Российской Федерации «Об образовании в субъекте Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Минобрнауки России. URL: http://минобрнауки.рф/документы/1249/файл/1880/Проект_модельного_закона.pdf (дата обращения: 25.03.2019).

Выделим основные особенности региона, учтенные в законе № 53-З и других нормативно-правовых актах, принятых во исполнение данного закона.

1. *Изучение в образовательных организациях, находящихся на территории Республики Мордовия, национального языка.* В соответствии с ч. 2 ст. 3 закона № 53-З «преподавание и изучение мордовского (мокшанского, эрзянского) языка как государственного языка Республики Мордовия осуществляется в государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Республики Мордовия, в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ в соответствии с ФГОС»¹². Кроме того, ч. 3 ст. 3 закона № 53-З закрепляет право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов России, а также право на изучение родного языка из числа языков народов России в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Мордовия. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования.

Схожие по содержанию нормы прописаны в законе Республики Мордовия № 19-З от 06.05.1998 «О государственных языках Республики Мордовия». В нем отмечено, что органы государственной власти Мордовии обеспечивают на территории республики создание системы образовательных учреждений с обучением на родном языке или изучением родных языков (ст. 8). Республика предоставляет гражданам Российской Федерации, проживающим на ее территории, условия для изучения и преподавания государственных языков Республики Мордовия и языков народов, компактно проживающих на ее территории, в пределах возможностей системы образования (ст. 10)¹³.

Так, в рамках национально-регионального компонента учебного плана в МОУ «Мордовскопошатская средняя общеобразовательная школа им. В. В. Кирдяшкина»¹⁴, МБОУ «Мордовско-Пимбурская средняя общеобразовательная школа»¹⁵ ученики 1–11 классов изучают родной

¹² «Об образовании в Республике Мордовия»: Закон Республики Мордовия № 53-З от 08.08.2013.

¹³ «О государственных языках Республики Мордовия»: Закон Республики Мордовия № 19-З от 06.05.1998 [Электронный ресурс]: (с изменениями и дополнениями). Дата обновления: 20.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

¹⁴ Официальный сайт муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Мордовскопошатская средняя общеобразовательная школа им. В. В. Кирдяшкина» [Электронный ресурс]. URL: <http://mposheln.schoolrm.ru/sveden/> (дата обращения: 18.02.2019).

¹⁵ Официальный сайт муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Мордовско-Пимбурская средняя общеобразовательная школа» [Электронный ресурс]. URL: <http://mpimbzub.schoolrm.ru/sveden/> (дата обращения: 18.02.2019).

(мокшанский) язык и родную (мокшанскую) литературу, в МБОУ «Лобаскинская средняя школа»¹⁶ ученики 1–9 классов – родной (эрзянский) язык и родную (эрзянскую) литературу, в МБОУ «Тат-Пишленская средняя общеобразовательная школа»¹⁷, МОУ «Кривозерьевская средняя общеобразовательная школа»¹⁸ обучающиеся 1–11 классов изучают родной (татарский) язык и родную (татарскую) литературу.

Поскольку Республика Мордовия является субъектом Российской Федерации, образованным по национальному признаку, государственным языком в ней наряду с русским признается мордовский (мокшанский и эрзянский) язык. Следовательно, в данном случае мы можем говорить об учете в региональном законодательстве об образовании национального компонента [20].

2. *Включение в федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию при реализации программ общего образования, литературы на национальном языке.* Министерство образования Республики Мордовия участвует в экспертизе включаемых в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, в целях обеспечения учета региональных и этнокультурных особенностей Республики Мордовия, реализации прав граждан на получение образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации и изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации и литературы народов России на родном языке¹⁹.

3. *Материальная поддержка и поощрение обучающихся в образовательных и научных организациях Республики Мордовия.* Согласно п. 8 ст. 6 закона № 53-З, Правительство Республики Мордовия утверждает порядок назначения материальных мер поощрения и поддержки в сфере образования и молодежной политики. Так, постановлением Правительства Республики Мордовия от 10.12.2015 № 701 установлены нормативы для формирования стипендиального фонда за счет республиканских бюджетных средств в отношении:

¹⁶ Официальный сайт муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лобаскинская средняя школа» [Электронный ресурс]. URL: <http://lobatsh.schoolrm.ru/sveden/> (дата обращения: 18.02.2019).

¹⁷ Официальный сайт муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Тат-Пишленская средняя общеобразовательная школа» [Электронный ресурс]. URL: <http://tatruz.schoolrm.ru/sveden/> (дата обращения: 18.02.2019).

¹⁸ Официальный сайт муниципального общеобразовательного учреждения «Кривозерьевская средняя общеобразовательная школа» [Электронный ресурс]. URL: <http://krivlmb.schoolrm.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).

¹⁹ «Об образовании в Республике Мордовия»: Закон Республики Мордовия № 53-З от 08.08.2013. Ст. 7.

– государственной академической и государственной социальной стипендии обучающимся очной формы обучения в государственных профессиональных образовательных организациях Мордовии – 400 руб. и 600 руб. в месяц соответственно;

– государственной стипендии аспирантам очной формы обучения в государственных научных организациях Республики Мордовия – 2 500 руб. в месяц²⁰.

Аналогичное полномочие закреплено у Главы Республики Мордовия (п. 5 ст. 4 закона № 53-З) и реализовано в следующих нормативных актах:

– Указ Главы Республики Мордовия № 22-УГ от 19.01.2018 предусматривает следующие виды премий: призерам и победителям заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по общеобразовательным предметам – 30 тыс. и 60 тыс. руб. соответственно; призерам (бронзовая, серебряная, золотая медали) международной (мировой) олимпиады – 100 тыс., 200 тыс., 300 тыс. руб. соответственно²¹;

– Указ Главы Республики Мордовия № 98-УГ от 25.04.2016 устанавливает стипендию обучающимся в ГБОУ РМ «Республиканский лицей» в размере 400 руб. в месяц²²;

– Указ Главы Республики Мордовия № 228-УГ от 04.10.2014 вводит:

1) именные и повышенные именные стипендии студентам, обучающимся по образовательным программам среднего профессионального образования, в размере 500 руб. и 1000 руб. в месяц;

2) именные и повышенные именные стипендии студентам, обучающимся по образовательным программам высшего образования

²⁰ Постановление Правительства Республики Мордовия № 701 от 10.12.2015 «Об утверждении нормативов для формирования стипендиального фонда для обучающихся по очной форме обучения в государственных профессиональных образовательных организациях и государственных научных организациях Республики Мордовия и Положения о Порядке формирования стипендиального фонда за счет бюджетных ассигнований республиканского бюджета Республики Мордовия для обучающихся по очной форме обучения в государственных профессиональных образовательных организациях и государственных научных организациях Республики Мордовия» [Электронный ресурс]: (с изменениями). Дата обновления: 20.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

²¹ Указ Главы Республики Мордовия № 22-УГ от 19.01.2018 «Об учреждении премий Главы Республики Мордовия учащимся образовательных организаций Республики Мордовия – победителям и призерам заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по общеобразовательным предметам, победителям и призерам международной (мировой) олимпиады школьников по общеобразовательным предметам» [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

²² Указ Главы Республики Мордовия № 98-УГ от 25.04.2016 «Об установлении стипендии обучающимся в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении Республики Мордовия «Республиканский лицей» [Электронный ресурс]: (с изменениями). Дата обновления: 20.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

(бакалавриат, специалитет, магистратура), – 1500 руб. и 2000 руб. в месяц²³.

Размеры различных видов стипендий, устанавливаемых Правительством и Главой Республики Мордовия, зависят от объема бюджета республики и экономической обстановки в регионе (развитие промышленности, сельского хозяйства, торговли и пр.), т. е. происходит учет экономических особенностей региона в законодательстве об образовании.

4. *Типовые требования к одежде обучающихся в общеобразовательных организациях Республики Мордовия*. П. 10.1 ст. 6 закона № 53-З содержит полномочие Правительства Республики Мордовия по утверждению типовых требований к одежде обучающихся в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях Мордовии.

Согласно Постановлению Правительства Республики Мордовия № 208 от 12.05.2014 «Об утверждении Типовых требований к школьной одежде и внешнему виду обучающихся в государственных общеобразовательных организациях Республики Мордовия и муниципальных общеобразовательных организациях Республики Мордовия», в образовательных организациях устанавливаются следующие виды школьной одежды: повседневная, парадная и спортивная.

Повседневная школьная одежда обучающихся предполагает:

1) для мальчиков и юношей – брюки классического покроя, пиджак или жилет нейтральных цветов; однотонная сорочка сочетающейся цветовой гаммы; аксессуары (галстук, поясной ремень);

2) для девочек и девушек – жакет, жилет, юбка, брюки классического покроя или сарафан нейтральных цветов; непрозрачная блузка (длиной ниже талии) сочетающейся цветовой гаммы; платье в различных цветовых решениях, которое может быть дополнено белым или черным фартуком, съемным воротником, галстуком²⁴.

Учитывая, что климат региона умеренно-континентальный и в зимнее время температура воздуха может опускаться до -27 °С, в Постановлении есть оговорка, согласно которой в холодное время года допускается ношение обучающимися джемперов, свитеров и пуловеров сочетающейся цветовой гаммы. Одежда обучающихся должна соответствовать погоде

²³ Указ Главы Республики Мордовия № 228-УГ от 04.10.2014 «Об установлении именных стипендий студентам профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, обучающимся за счет средств республиканского бюджета Республики Мордовия» [Электронный ресурс]: (с изменениями). Дата обновления: 20.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

²⁴ Постановление Правительства Республики Мордовия № 208 от 12.05.2014 «Об утверждении Типовых требований к школьной одежде и внешнему виду обучающихся в государственных общеобразовательных организациях Республики Мордовия и муниципальных общеобразовательных организациях Республики Мордовия» [Электронный ресурс]: (с изменениями и дополнениями). Дата обновления: 21.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

и месту проведения учебных занятий, температурному режиму в помещении. В данном случае происходит учет географических, климатических особенностей Республики Мордовия.

5. *Стоимость питания в общеобразовательных учреждениях г. о. Саранск.* Решением Совета депутатов г. о. Саранск № 425 от 04.02.2015 установлена стоимость услуг по организации питания школьников в муниципальных (в том числе автономных) общеобразовательных учреждениях г. о. Саранск:

- горячие завтраки для обучающихся 1–4 классов – 45 руб., в том числе за счет средств бюджета г. о. Саранск в размере 8 руб.;

- горячие завтраки для обучающихся 5–11 классов – 50 руб., в том числе за счет средств бюджета г. о. Саранск в размере 8 руб.;

- горячие обеды для обучающихся 1–4 классов – 52 руб., в том числе за счет средств бюджета г. о. Саранск в размере 8 руб.;

- горячие обеды для обучающихся 5–11 классов – 58 руб., в том числе за счет средств бюджета г. о. Саранск в размере 8 руб.²⁵.

Указанный размер стоимости питания установлен органом местного самоуправления с учетом уровня прожиточного минимума на душу населения республики, уровня средней заработной платы в регионе и общей социально-экономической ситуации в Мордовии.

6. *Особенности обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья в Республике Мордовия.* Некоторые правовые документы Республики Мордовия устанавливают конкретный порядок (механизм) реализации отдельных элементов права на образование. Так, в соответствии с п. 2 ст. 12 закона № 53-З обучающимся с ограниченными возможностями здоровья при получении образования предоставляются бесплатно специальные учебники и учебные пособия, иная учебная литература, а также услуги сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков в порядке, установленном Правительством Республики Мордовия²⁶. Следовательно, мы делаем вывод, что в бюджете Мордовии достаточно денежных средств для закупки специальной учебной литературы, а также оплаты услуги сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков (учтены экономические возможности региона).

²⁵ Решение Совета депутатов городского округа Саранск № 425 от 04.02.2015 «Об установлении стоимости муниципальной услуги по организации питания обучающихся школьного возраста в муниципальных общеобразовательных учреждениях, муниципальных автономных образовательных учреждениях городского округа Саранск» [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

²⁶ Постановление Правительства Республики Мордовия № 621 от 03.11.2015 «Об утверждении Порядка предоставления специальных учебников и учебных пособий, иной учебной литературы, а также услуг сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

7. *Социальная поддержка отдельных категорий обучающихся в Республике Мордовия.* Отдельные нормативно-правовые акты региона устанавливают специальные средства поддержки обучающихся. Согласно ст. 11 закона Республики Мордовия № 102-З от 28.12.2004 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий населения, проживающего в Республике Мордовия», детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, предоставляются следующие дополнительные меры социальной поддержки:

- ежемесячное денежное пособие при отсутствии горячего питания в государственных образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования, а также при наличии только одноразового горячего питания (ч. 1. п. 8 ст. 11);

- ежемесячная денежная выплата:

- а) за счет средств федерального или республиканского бюджета студентам очной формы обучения по образовательным программам среднего профессионального образования или высшего образования в расположенных на территории Республики Мордовия образовательных организациях высшего образования – в размере 100 % государственной академической стипендии, установленной законодательством Российской Федерации для указанной категории обучающихся (ч. 1. п. 10 ст. 11);

- б) за счет средств республиканского бюджета студентам очной формы обучения по образовательным программам среднего профессионального образования в расположенных на территории Республики Мордовия государственных профессиональных образовательных организациях – в размере 100 % государственной академической стипендии, установленной законодательством Республики Мордовия для указанной категории обучающихся (ч. 1. п. 10 ст. 11);

- ежегодное денежное пособие на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей до завершения обучения в профессиональных образовательных организациях Мордовии (ч. 1. п. 11 ст. 11);

- право бесплатного проезда по единой социальной проездной карте на автомобильном транспорте по муниципальным маршрутам регулярных перевозок в междугородном сообщении на территории Республики Мордовия за счет средств республиканского или местных бюджетов предоставляется студентам очной формы обучения по основным профессиональным образовательным программам за счет средств республиканского бюджета и (или) по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих (ч. 1. п. 17 ст. 11);

– право на бесплатное получение второго среднего профессионального образования по программе подготовки квалифицированных рабочих без взимания платы (ч. 1. п. 22 ст. 11)²⁷.

В случае достижения детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, лицами, потерявшими в период обучения обоих родителей или единственного родителя, обучающимися по очной форме обучения по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих за счет средств республиканского бюджета Республики Мордовия, возраста 23 лет за ними сохраняется право на полное государственное обеспечение до завершения обучения по таким образовательным программам (ч. 3.2. ст. 11).

В указанном выше нормативном документе принимаются во внимание социально-экономические особенности региона – проживание на территории республики социально незащищенной категории граждан, их тяжелое материальное положение.

Обсуждение и заключение. Различная географическая протяженность регионов, климатические особенности, неравномерность распределения населения по территории, стратификация населения по уровню доходов, неоднородная экономическая и хозяйственная структура экономики страны являются признаками территориальных субъектов, которые определяют особенности их законодательства. Существующие в сфере образования неурегулированные вопросы, пробелы в праве, отнесенные к компетенции субъектов Российской Федерации либо совместной компетенции субъекта Российской Федерации и самой Российской Федерации, необходимо разрешать региональным нормотворцам с учетом социально-экономических, географических, этнокультурных, демографических и иных особенностей региона. Однако не стоит увлекаться, злоупотреблять особенностями субъекта РФ при региональном нормотворчестве во вред естественным, а также гарантированным Конституцией Российской Федерации правам человека и гражданина.

Цель исследования, заявленная в начале статьи, достигнута. Проведенный анализ нормативно-правовых актов Республики Мордовия свидетельствует о принятии во внимание ряда особенностей региона при нормотворчестве: национальных, климатических, территориальных, экономических, социальных. Выявлено, что субъект устанавливает дополнительные, по отношению к федеральным, гарантии реализации конституционного права на образование.

²⁷ «О мерах социальной поддержки отдельных категорий населения, проживающего в Республике Мордовия»: Закон Республики Мордовия № 102-З от 28.12.2004 [Электронный ресурс]: (с изменениями и дополнениями). Дата обновления: 21.02.2019. Доступ из системы ГАРАНТ.

Несмотря на значительное число исследований, посвященных вопросам образования, недостаточное внимание уделено изучению региональных особенностей в законодательстве об образовании территориальной единицы государства. Следовательно, данный вопрос продолжает оставаться актуальным.

Полученные в исследовании выводы могут быть использованы при подготовке последующих публикаций и учебных пособий по проблемам конституционного права и послужить стимулом для дальнейших исследований данной проблемы, в том числе и в других субъектах Российской Федерации. Материалы статьи могут применяться в педагогической деятельности, в частности вузами в учебном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Матюшева Т. Н. Конституционное право человека и гражданина на образование в Российской Федерации: становление и развитие понятия // Современное право. 2009. № 1. С. 13–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12874451> (дата обращения: 19.03.2019).
2. Матюшева Т. Н. Образование как правовая категория: понятие и составляющие // Право и образование. 2009. № 1. С. 21–30. URL: <http://old.edit.muh.ru/content/mag/magcontent.php?link=pr0109> (дата обращения: 19.03.2019).
3. Матюшева Т. Н. К вопросу о становлении субинститута права на образование // Современное право. 2017. № 6. С. 22–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29460231> (дата обращения: 19.03.2019).
4. Волохова Е. Д. Формирование права на образование в истории России // Известия высших учебных заведений: Правоведение. 2002. № 3 (242). С. 249–257. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23087860> (дата обращения: 19.03.2019).
5. Волохова Е. Д. Понятие и содержание конституционного права на образование // Право и образование. 2002. № 3. С. 22–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15522020> (дата обращения: 19.03.2019).
6. Задорина М. А. Конституционно-правовое содержание права на среднее профессиональное образование // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15, № 3 (32). С. 54–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.3.7>
7. Третьяк Н. В. Гарантии реализации конституционного права на образование в законодательных актах субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4 (21). С. 57–63. URL: http://aprp-msal.ru/articles/article_21535.html?issue=apmag-4-2011 (дата обращения: 19.03.2019).
8. Шабалина О. Л. Нормативное закрепление права на образование в отечественном законодательстве: историко-правовой анализ // Начальная школа: Проблемы и перспективы, ценности и инновации. 2015. № 8. С. 242–244. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24110850> (дата обращения: 19.03.2019).

9. Стульникова О. В. Проблемы законодательства субъектов Российской Федерации в области образования // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 2. С. 226–231. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9544480> (дата обращения: 19.03.2019).

10. Теплякова О. А. Коллизии в регулировании права на образование // Право и образование. 2005. № 4. С. 65–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9228635> (дата обращения: 19.03.2019).

11. Ильина О. М. Правовое регулирование права на образование детей-инвалидов в субъектах Российской Федерации // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 4 (17). С. 96–100. URL: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/vestnikN17.php> (дата обращения: 19.03.2019).

12. Довгяло В. К., Колышкина В. А. Проблемы реализации права граждан на общее образование в Российской Федерации: пути решения (на примере Пермского края) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 146–158. URL: <http://vestnik3.pspu.ru/vestnik3-2017.php> (дата обращения: 19.03.2019).

13. Поздеев К. В., Петренко Н. И. Развитие дополнительного права на образование, установленного федеральным законодательством в законодательстве Республики Марий Эл // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2016. № 2 (4). С. 90–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28376455> (дата обращения: 19.03.2019).

14. Monk D. Problematising Home Education: Challenging ‘Parental Rights’ and ‘Socialisation’ // Legal Studies. 2004. Vol. 24, issue 4. Pp. 568–598. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-121X.2004.tb00263.x>

15. MacKay A. W. Human Rights and Education: Problems and Prospects // Education & Law Journal. 1997. Vol. 8. Pp. 69–88. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2991631 (дата обращения: 19.03.2019).

16. Riddell S. The Biggest Extension of Rights in Europe? Needs, Rights and Children with Additional Support Needs in Scotland // International Journal of Inclusive Education. 2019. Vol. 23, issue 5. Pp. 473–490. DOI: <https://doi.org/10.1080/13603116.2019.1580925>

17. Children’s Right to Participate in Early Childhood Education Settings: A Systematic Review / N. Correia [et al.] // Children and Youth Services Review. 2019. Vol. 100. Pp. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.02.031>

18. Bhan S., Rodricks S. Indian Perspective on Child’s Right to Education // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 69. Pp. 367–376. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.11.422>

19. Azizi A. The Right to Education in the Republic of Macedonia: The Right to Education in one’s Mother Tongue // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 15. Pp. 2435–2440. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.04.123>

20. Беляйкина А. И. Законодательство субъектов Российской Федерации в сфере образования // Постулат. 2018. № 8. URL: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/1790/1824> (дата обращения: 19.03.2019).

Поступила 04.02.2019; принята к публикации 15.03.2019; опубликована онлайн 28.06.2019.

Об авторе:

Беляйкина Анастасия Игоревна, аспирант кафедры международного и европейского права ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0560-8886>, nasta.belle@yandex.ru

Для цитирования:

Беляйкина А. И. Региональные особенности в законодательстве Республики Мордовия об образовании // Регионология. 2019. Т. 27, № 2. С. 290–309. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.290-309>

Автор и его научный руководитель прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Matyusheva T.N. [The Constitutional Right of a Person and a Citizen to Education in the Russian Federation: Formation and Development of the Concept]. *Sovremennoe pravo* = Modern Law. 2009; (1):13-18. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12874451> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
2. Matyusheva T.N. Education as Legal Category: Concept and Integral Parts. *Pravo i obrazovanie* = Law and Education. 2009; (1):21-30. Available at: <http://old.edit.muh.ru/content/mag/magcontent.php?link=pr0109> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
3. Matyusheva T.N. Development of the Subinstitute of the Right to Education Revisited. *Sovremennoe pravo* = Modern Law. 2017; (6):22-26. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29460231> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
4. Volokhova E.D. [Formation of the Right to Education in the History of Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij: Pravovedenie* = Proceedings of Higher Education Institutions: Jurisprudence. 2002; (3):249-257. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23087860> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
5. Volokhova E.D. [The Concept and Content of the Constitutional Right to Education]. *Pravo i obrazovanie* = Law and Education. 2002; (3):22-32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15522020> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
6. Zadorina M.A. Constitutional and Legal Content of the Right to Secondary Vocational Education. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya* = Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence. 2016; 15(3):54-59. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.3.7>
7. Tretyak N.V. Guarantees of the Constitutional Right to Education in the Legislation of the Russian Federation. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* = Actual Problems of the Russian Law. 2011; (4):57-63. Available at: http://aprrpmsal.ru/articles/article_21535.html?issue=apmag-4-2011 (accessed 19.03.2019). (In Russ.)

8. Shabalina O.L. [Standardization of the Right to Education in Russian Legislation: A Historical and Legal Analysis]. *Nachalnaya shkola: Problemy i perspektivy, tsennosti i innovatsii* = Primary School: Problems and Prospects, Values and Innovations. 2015; (8):242-244. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24110850> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
9. Stulnikova O.V. [Problems of the Legislation of Subjects of the Russian Federation in the Field of Education]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava* = Bulletin of Saratov State Academy of Law. 2007; (2):226-231. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9544480> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
10. Teplyakova O.A. [Conflicts in the Regulation of the Right to Education]. *Pravo i obrazovanie* = Law and Education. 2005; (4):65-72. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9228635> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
11. Ilyina O.M. Special Education Right Legal Regulation in the Russian Federation Regions. *Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby* = The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2008; (4):96-100. Available at: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/vestnikN17.php> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
12. Dovgalyo V.K., Kolyshkina V.A. Problems of Implementation of the Right of Citizens to General Education in the Russian Federation: Ways of Solution (on the Example of the Perm Region). *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* = Vestnik of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 3: Liberal Arts and Social Sciences. 2017; (2):146-158. Available at: <http://vestnik3.pspu.ru/vestnik3-2017.php> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
13. Pozdeev K.V., Petrenko N.I. Development of the Additional Right for Education Established by the Federal Legislation in the Legislation of the Republic of Mari El. *Vestnik Mezhhregionalnogo otkrytogo sotsialnogo institute* = Bulletin of the Interregional Open Social Institute. 2016; (2):90-98. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28376455> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)
14. Monk D. Problematising Home Education: Challenging 'Parental Rights' and 'Socialisation'. *Legal Studies*. 2004; 24(4):568-598. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-121X.2004.tb00263.x>
15. MacKay A.W. Human Rights and Education: Problems and Prospects. *Education & Law Journal*. 1997; 8:69-88. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2991631 (accessed 19.03.2019).
16. Riddell S. The biggest Extension of Rights in Europe? Needs, Rights and Children with Additional Support Needs in Scotland. *International Journal of Inclusive Education*. 2019; 23(5):473-490. DOI: <https://doi.org/10.1080/13603116.2019.1580925>
17. Correia N., Camilo C., Aguiar C., Amaro F. Children's Right to Participate in Early Childhood Education Settings: A Systematic Review. *Children and Youth Services Review*. 2019; 100:76-88. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.02.031>

18. Bhan S., Rodricks S. Indian Perspective on Child's Right to Education. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012; 69:367-376. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.11.422>

19. Azizi A. The Right to Education in the Republic of Macedonia: The Right to Education in One's Mother Tongue. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011; 15:2435-2440. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.04.123>.

20. Beliaikina A.I. The legislation of Regions of the Russian Federation in the Field of Education. *Postulat*. 2018; (8). Available at: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/1790/1824> (accessed 19.03.2019). (In Russ.)

Submitted 04.02.2019; accepted for publication 15.03.2019; published online 28.06.2019.

About the author:

Anastasia I. Beliaikina, Postgraduate, Department of International and European Law, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0560-8886>, nasta.belle@yandex.ru

For citation:

Belyaikina A.I. Regional Features in the Legislation of the Republic of Mordovia on Education. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2): 290-309. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.290-309>

The author and the academic supervisor have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.334.3

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329

ISSN 2413-1407 (Online)

Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы

Л. Н. Липатова*

В. Н. Градусова

*Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»
(г. Санкт-Петербург, Россия),
* ln.lipatova@yandex.ru*

Введение. Социально ориентированное государство должно стремиться обеспечить условия для гармоничного развития своих граждан. Решение этой задачи часто связано с рядом трудностей и угроз, поэтому требует детального научного обоснования. Цель исследования – проследить изменение позиций России в мировых рейтингах по уровню гуманитарного развития, определить основные движущие силы, выявить проблемы и предложить пути их решения.

Материалы и методы. В качестве материалов использованы данные Организации Объединенных Наций, Росстата, публикации ученых, занимающихся исследованием данной проблемы. Применялись методы демографического и экономико-статистического анализа.

Результаты исследования. Охарактеризована динамика человеческого потенциала России – в 2018 г. страна впервые вошла в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Выявлены основные проблемы в развитии человека в Российской Федерации: низкий уровень жизни, длительное постоянное снижение реальных денежных доходов россиян (2014–2018 гг.), высокая степень материального неравенства, низкая продолжительность жизни населения, вы-

© Липатова Л. Н., Градусова В. Н., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

сокая избыточная смертность отдельных категорий населения, резкое падение показателя численности студентов, обучающихся по программам высшего образования, в расчете на 1 000 чел. населения.

Обсуждение и заключение. Для укрепления человеческого потенциала России необходимо концентрировать усилия на преодолении сверхсмертности, сокращении младенческой и материнской смертности; повышении производительности труда и сокращении неравенства в доходах; повышении доступности качественного образования. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при разработке и корректировке программ социально-экономического развития, касающихся регулирования народонаселения, организации здравоохранения и образования, борьбы с бедностью.

Ключевые слова: развитие человека, человеческий потенциал, уровень жизни, доходы, бедность, неравенство, продолжительность жизни, образование

Human Development in Russia: Major Achievements and Threats

L. N. Lipatova*, V. N. Gradusova

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia),

**ln.lipatova@yandex.ru*

Introduction. A socially oriented state should strive to provide conditions for the harmonious development of its citizens. The solution of this task is often associated with a number of difficulties and threats, and therefore requires a detailed scientific substantiation. The purpose of this study is to trace the change in Russia's position in world rankings in terms of humanitarian development, identify the main driving forces, problems and suggest ways to solve them.

Materials and Methods. Data from the United Nations, Federal State Statistics Service of Russia and publications by scientists involved in the study of this problem were used as the materials for this research. The methods of demographic, economic and statistical analysis were employed.

Results. The dynamics of the human potential of Russia has been characterized: in 2018, Russia first entered the group of countries with a very high level of human development. The main problems in human development in the Russian Federation have been identified: low standard of living, long-term permanent decline in real monetary incomes of Russians (2014–2018), a high degree of material inequality, low life expectancy of the population, high excess mortality of certain categories of the population, a sharp drop in the number of students enrolled in higher education programs (per 1,000).

Discussion and Conclusion. In order to strengthen the human potential of Russia, it is necessary to concentrate efforts on overcoming supermortality, increasing productivity and the availability of quality education while reducing infant and maternal mortality, income inequality. The results of the study can be used by the authorities when planning and adjusting socio-economic development programs related to population management, to the organization of health care and education, and the fight against poverty.

Keywords: human development, human potential, standard of living, income, poverty, inequality, life expectancy, education

Введение. Главная задача социально ориентированного государства – обеспечить условия для гармоничного развития человека, включая их материальные и гуманитарные составляющие. Важным проявлением мирового тренда усиления внимания к содержанию жизни людей, повышению ее качества в различных сферах стали многочисленные исследования в области человеческого развития, смещающие приоритеты экономического прогресса с целей по достижению определенного уровня макроэкономических показателей на повышение уровня жизни людей¹.

Цель данного исследования – на основе анализа демографических показателей, индикаторов жизненного уровня и образования выявить основные проблемы развития человека в России и предложить меры по улучшению условий жизнедеятельности.

Изучение различных аспектов заявленной темы необходимо для своевременной корректировки социально-экономической политики. Отсутствие точных данных о масштабах, характере и причинах проблемы не позволяет разработать эффективный инструментарий для ее решения. Есть немало примеров, демонстрирующих неэффективность социальной политики из-за неправильного определения и понимания факторов бедности, неверного выделения групп бедного населения. Так, в 60–70-х гг. XX в. была распространена точка зрения, что бурный экономический рост автоматически решит проблему бедности: будут созданы новые рабочие места, люди смогут работать и получать заработную плату. Однако проблема бедности и в XXI в. остается одной из главных мировых проблем, несмотря на значительные успехи в экономике.

Необходимость проведения подобных исследований диктует и отсутствие позитивной динамики в уровне жизни россиян, что закономерно вызывает вопрос «В какой мере реализуемые подходы соответствуют состоянию дел в этой сфере?» и требует выработки иных методов ее изучения и регулирования.

В этой связи необходимо детально исследовать слагаемые развития человека, используя при этом все возможные источники: данные официальной статистики, авторитетных международных организаций, экспертные оценки, результаты опросов и др.

¹ Human Development Index / United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://hdr.undp.org/>; Gross Domestic Product (GDP) / The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/>; Gross National Income (GNI) / The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/>; Education Index / United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://hdr.undp.org/>; The Happy Planet Index / New Economic Foundation. URL: <http://www.happyplanetindex.org/>; Life Expectancy Index / United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://hdr.undp.org/>; The Legatum Prosperity Index / The Legatum Institute. URL: <http://www.prosperity.com/>; The Sustainable Development Goals Report. 2018. URL: <https://www.unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/TheSustainableDevelopmentGoalsReport2018> (дата обращения: 15.12.2018).

Обзор литературы. Исследование опирается на материалы одного из наиболее известных исследований в области гуманитарного развития, которое реализуется ООН в рамках Программы развития (ПРООН) – ранжирование стран мира по уровню Индекса развития человеческого потенциала (Индекса человеческого развития), результаты которого ежегодно публикуются в виде Доклада о развитии человеческого потенциала (Доклада о человеческом развитии). Основными индикаторами развития человека признаны долголетие, уровень жизни, образование. Согласно методике, каждое из составляемых итогового индекса имеет одинаковый вес. Однако в последнее время за рубежом появились исследования, доказывающие влияние образования на продолжительность жизни. В частности, М. Луй с соавторами провели исследование в 3 странах (Италии, Дании и США), чтобы определить зависимость продолжительности жизни населения в возрасте 30 лет от образования. Ученые установили, что увеличение продолжительности жизни в значительной части можно объяснить изменением уровня образования, причем эта зависимость в той или иной мере зафиксирована во всех трех странах. В большей степени эта связь проявилась среди женщин: вклад образования в продолжительность жизни варьируется от 15 % для мужчин в США до 40 % для женщин в Дании [1].

Результаты исследования, проведенного в Индии, показали наличие высокой смертности среди неграмотного взрослого населения. Люди, имеющие образование выше среднего, по оценкам исследователей, живут на 3,8–4,6 года дольше неграмотных сограждан [2]. Другое подобное исследование было проведено в США в рамках инициативы «Здоровье женщин» и выявило увеличение смертности среди тех, кто не посещал среднюю школу [3]. Значительная положительная связь между продолжительностью обучения и долголетием была определена в ходе обследования 919 домохозяйств в 147 странах мира, проведенного в период с 1990 по 2012 гг. [4].

Влияние образования на доходы доказано многочисленными сторонниками теории человеческого капитала, основоположниками которой выступили Г. Беккер, Г. Р. Боуэн, Л. Туроу². Это наводит на мысль о том, что при расчете индекса развития человека структурные доли должны быть перераспределены иначе.

Значительный вклад в развитие теоретических и методических основ исследований проблем человеческого развития внесли российские

² Becker G. Human Capital: A theoretical and empirical Analysis. 2-nd. 1975; Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги). Воздействие на заработки инвестиций в человеческий капитал // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 19–145; Bowen H. R. Investment in Learning. San Francisco, 1970; Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970.

ученые-экономисты Л. А. Беляева [5], В. Н. Бобков, О. В. Вередюк, П. С. Масловский-Мстиславский³ [6; 7], С. Валентей, Л. Нестеров⁴, Е. В. Давыдова, А. А. Давыдов⁵, К. В. Фофанова [8]. Региональные особенности исследуемой проблематики представлены в наших более ранних работах [9–12], а также в публикациях С. М. Имярекова [13], М. В. Игнатьевой [14], Н. Н. Катайкиной [15].

Материалы и методы. Исследование опирается на методику ПРООН по оценке развития человеческого потенциала, согласно которой при расчете индекса используются данные о средней продолжительности жизни в стране, уровне развития образования и величине дохода, приходящегося на каждого гражданина, степени социального и гендерного неравенства. Для обоснования выводов и рекомендаций использованы данные официальной российской статистики, других авторитетных международных и национальных организаций, собственных исследований, проведенных ранее, а также других специалистов, занимающихся изучением данной проблемы.

Трудности в исследовании и оценке уровня развития человека в Российской Федерации связаны с «запаздыванием» отечественной статистики, что нередко приводит к потере актуальности; недостатками методик счета отдельных показателей (например, при расчете базового индекса потребительских цен (базовой инфляции), от величины которого зависят многие индикаторы уровня жизни, учитываются изменения цен на вышедшие из оборота товары (например, видеомэгафоны и видеокассеты); различиями (изменениями) в методиках расчета показателей (например, периодически производимые изменения классификации видов экономической деятельности); субъективизмом и политической зависимостью оценок (например, уменьшение величины прожиточного минимума на фоне растущей инфляции и др.), что затрудняет проведение анализа; известными дефектами стоимостных показателей и средних значений, не позволяющими объективно характеризовать изучаемое явление.

Результаты исследования. В постсоветский период положение России в рейтинге по уровню развития человека сильно менялось. Худшие позиции страна занимала в 2007 г. (табл. 1).

В сентябре 2018 г. был опубликован очередной доклад ООН, в котором представлены результаты исследований по 189 странам по итогам их развития в 2016 г. Рейтинг вновь возглавила Норвегия. В первую десятку также вошли Швейцария, Австралия, Германия, Ирландия, Исландия,

³ Бобков В. М., Масловский-Мстиславский П. С. Качество жизни: концепция и измерение / Всероссийский центр уровня жизни. М., 1998.

⁴ Валентей С., Нестеров Л. Человеческий потенциал: новые измерители и новые ориентиры // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 90–93.

⁵ Давыдова Е. В., Давыдов А. А. Измерения качества жизни. М., 2009.

Таблица 1. Изменение положения Российской Федерации в рейтинге стран мира по уровню развития человека⁶

Table 1. Changes in the position of the Russian Federation in the global ranking of countries in terms of human development

Показатель / Indicator	Годы / Year							
	1990	1992	2000	2005	2007	2009	2010	2015
Индекс развития человеческого потенциала / Human development index	0,873	0,862	0,781	0,792	0,817	0,755	0,788	0,798
Место в рейтинге ООН / UN ranking	33	37	60	67	71	66	55	50

Гонконг, Швеция, Нидерланды и Сингапур. Из стран постсоветского пространства в этой группе представлены Эстония (30-е место), Польша (33-е), Литва (35-е), Латвия (41-е), Белоруссия (53-е), Казахстан (58-е место). Российская Федерация поднялась за год на 1 позицию, заняла 49-е место и впервые вошла в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития (всего 59 государств)⁷. Проследим динамику показателей по каждому из измерений человеческого развития.

Сравнение с другими странами показывает, что россияне живут очень мало в отличии от граждан других стран этой группы. Во многих государствах со средним уровнем человеческого развития этот показатель выше, чем в России (табл. 2).

Следует отметить и прогресс: за 2000–2017 гг. продолжительность жизни россиян увеличилась с 65,3 до 72,7 года; только за 2017 г. показатель вырос на 0,8 года⁸. Однако в рейтинге стран мира по продолжительности жизни Россия занимает лишь 116-е место, соседствуя

⁶ Данные таблицы взяты из: Human Development Report, 1990 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/219/hdr_1990_en_complete_nostats.pdf; Human Development Report, 1995 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/256/hdr_1995_en_complete_nostats.pdf; Human Development Report, 2000 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/261/hdr_2000_en.pdf; Human Development Report, 2005 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/266/hdr05_complete.pdf; Human Development Report, 2010 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf; Human Development Report, 2013 / UNDP. URL: www.undp.org/content/undp/en/home/.../hdr/human-development-report-2013.html; Human Development Report, 2015 / UNDP. URL: hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2015-work-human-development (дата обращения: 27.01.2019).

⁷ Human Development Indices and Indicators 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (дата обращения: 27.01.2019).

⁸ Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 96.

с Северной Кореей и государством Белиз (для сравнения: воюющая Сирия находится на 120-м месте⁹).

Таблица 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)¹⁰

Table 2. Life expectancy at birth (years)

Страна / Country	Годы / Year	Оба пола / Males and fe- males	Мужчины / Males	Женщины / Females
Россия / Russia	2016	71,9	66,5	77,1
	2017	72,7	67,5	77,6
Норвегия / Norway	2016	82,5	80,6	84,3
Швейцария / Swit- zerland	2016	83,3	81,2	85,2
Австралия / Australia	2016	82,9	81,0	84,8
Германия / Germany	2016	81,0	78,7	83,3
Ирландия / Ireland	2016	81,5	79,7	83,4
Швеция / Sweden	2016	82,4	80,6	84,1
Нидерланды / Netherlands	2016	81,6	80,0	83,2
Сингапур / Singapore	2016	82,9	80,8	85,0
США / USA	2016	78,5	76,0	81,0
Эстония / Estonia	2016	77,8	73,0	82,1
Польша / Poland	2016	77,8	73,8	81,6
Литва / Lithuania	2016	75,0	69,7	80,2
Латвия / Latvia	2016	75,0	70,0	79,6
Беларусь / Belarus	2017	74,4	69,3	79,2
Казахстан / Kazakh- stan	2017	72,9	68,7	76,9

Во многом такое положение связано со структурой причин смертности. Смертность от внешних факторов в России в 3–4 раза превышает показатели европейских странах, лидирующих по уровню человеческого развития; смертность от инфекционных и паразитарных болезней, болезней системы кровообращения и органов пищеварения – в 2–3 раза выше (табл. 3).

⁹ Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (дата обращения: 20.02.2019).

¹⁰ Россия и страны мира. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 49–50.

Т а б л и ц а 3. Смертность по основным классам причин смерти (число умерших на 100 000 чел. населения)¹¹

Table 3. Mortality by major causes of death (number of deaths per 100,000)

Страна / Country	Годы / Year	Инфек- ционные и парази- тарные бо- лезни / Infec- tious and parasitic diseases	Злокаче- ственные новообра- зования / Malignant neoplasms	Болезни системы крово- обраще- ния / Diseases of the cir- culatory system	Болезни органов дыхания / Diseases of the re- spiratory system	Болезни органов пищева- рения / Diseases of the di- gestive system	Внеш- ние при- чины смерти / External causes of deaths
Россия / Russia	2016	19,0	113,0	293,0	26,8	40,7	88,2
	2017	18,8	109,1	273,8	22,9	37,6	80,2
Норвегия / Norway	2015	7,2	108,1	90,8	33,8	11,2	29,7
Швейца- рия / Switzerland	2015	4,2	98,9	90,2	20,5	12,6	25,9
Австра- лия / Australia	2015	6,2	107,3	85,6	28,0	12,5	32,9
Германия / Germany	2015	8,8	116,2	139,0	28,7	20,3	23,8
Швеция / Sweden	2016	7,1	101,1	109,0	22,8	12,7	30,6
Нидерлан- ды / Nether- lands	2016	7,6	128,6	89,9	28,7	12,0	24,7
США / USA	2016	12,9	107,2	131,8	42,6	19,9	62,1

Не удается справиться с таким тяжелым явлением, как сверхсмертность, за которым стоит ранний, во многих случаях предотвратимый, уход из жизни. Только за 2016–2017 гг. в России зафиксировано 838,6 тыс. случаев ранней смерти (в основном среди мужчин). Главные причины раннего ухода из жизни – болезни системы кровообращения и так называемые внешние причины (несчастные случаи, убийства, самоубийства, случайные отравления, утопления, травмы и т. п.)¹².

¹¹ Россия и страны мира. 2018. С. 51–52.

¹² Женщины и мужчины России. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 32.

Сравнение с европейскими странами ярко характеризует масштаб проблем с избыточной смертностью в России (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Численность погибших в результате дорожно-транспортных происшествий и количество умышленных убийств в отдельных странах мира (тыс. чел.).¹³

Table 4. The number of deaths due to road traffic accidents and the number of premeditated murders in selected countries of the world (thousand people)

Страна / Country	Численность погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, 2016 г. / The number of deaths due to road traffic accidents, 2016	Количество умышленных убийств на 100 000 чел. населения, 2015 г. / Number of intentional homicides per 100,000 population, 2015
Россия / Russia	20,3	7,9
Норвегия / Norway	0,1	0,6 (2014 г.)
Швейцария / Switzerland	0,2	0,7
Австралия / Australia	1,3	1,0
Германия / Germany	3,2	0,9
Ирландия / Ireland	0,2	0,6
Швеция / Sweden	0,3	1,2
Нидерланды / Netherlands	0,5	0,6
США / USA	37,5	4,9

По данным российского ученого-демографа А. Вишневого, главный источник избыточной смертности мужчин в возрасте до 45 лет – внешние причины [16]. Министр здравоохранения РФ В. Скворцова сообщила, что основная причина преждевременных смертей российских мужчин – алкоголизм – заболевание, которое опасно не только само по себе, но и тем, что выступает фактором риска для развития многих других болезней¹⁴.

В последние годы в уменьшении числа преждевременных смертей от внешних причин достигнут большой прогресс (за 2000–2017 гг. число убийств и покушений на убийство уменьшилось в 3,3 раза¹⁵), однако

¹³ Россия и страны мира. 2018. С. 145–148.

¹⁴ Скворцова назвала алкоголь главной причиной смертности мужчин в России // Известия. 07.02.2019. URL: https://iz.ru/842927/2019-02-07/nazvana-glavnaia-prichina-smertnosti-rossiiskikh-muzhchin?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.02.2019).

¹⁵ Российский статистический ежегодник. 2018. С. 251.

сокращение сверхсмертности продолжает оставаться одним из главных резервов повышения продолжительности жизни в России.

Сильное отставание России от стран Европы, входящих в первую десятку стран по уровню человеческого развития, наблюдается и по показателям младенческой, детской и материнской смертности¹⁶. Изменение ситуации в этой сфере – еще один резерв улучшения демографической ситуации в стране.

При выявлении причины больших различий в показателях заболеваемости и смертности в России и большинстве европейских стран, мы обратили внимание на то, что по основным количественным показателям развития здравоохранения наша страна не уступает передовым странам (табл. 5). Однако огромные различия в величине государственных расходов позволяют предположить наличие технологического отставания отечественной медицины от экономически развитых стран, а также невысокую эффективность системы отечественного здравоохранения.

Т а б л и ц а 5. Некоторые показатели, характеризующие охрану здоровья населения¹⁷

Table 5. Some indicators characterizing public health protection

Страна / Country	Численность населения на 1 врача, чел., 2015 г. / Population per 1 doctor (persons), 2015	Численность населения на 1 больничную койку, чел., 2016 г. / Population per 1 hospital bed (persons), 2016	Государственные расходы на здравоохранение (в % к ВВП), 2016 г. / Public spending on health (as a percentage of GDP), 2016
Россия / Russia	218	123	3,1
Норвегия / Norway	228	271	8,5
Германия / Germany	239	124	9,4
Швеция / Sweden	239 (2014 г.)	428	9,2
Нидерланды / Netherlands	287	276	8,6
США / USA	389 (2014 г.)	345 (2013 г.)	8,5

Другая очень вероятная причина – пренебрежительное отношение россиян к своему здоровью (особенно мужчин), что проявляется в отношении к диспансеризации, организовываемой лечебными учреждениями

¹⁶ Россия и страны мира. 2018. С. 45–48; Российский статистический ежегодник. 2018. С. 632.

¹⁷ Россия и страны мира. 2018. С. 126–127; Российский статистический ежегодник. 2018. С. 641–642.

с установленной периодичностью. Далеко не все россияне принимают в ней участие, даже будучи оповещены обращениями со стороны страховых компаний.

Для исправления ситуации в сфере охраны здоровья россиян, обеспечения доступности всех граждан страны современной высокотехнологичной медициной, подготовки квалифицированных кадров, раннего выявления заболеваний, организации профилактической работы, популяризации здорового образа жизни потребуется увеличить расходы, в том числе государственные, по которым Россия кратно отстает от стран, добившихся больших успехов в гуманитарном развитии.

Уровень жизни россиян пока тоже далек от европейских стандартов. По производству ВВП на душу населения отрыв от лидера рейтинга по уровню человеческого развития составляет 2,7 раза. Главная причина этого – низкая производительность труда. Показатель ВВП в расчете на одного занятого в Российской Федерации в 3,3 раза меньше, чем в Ирландии, в 2,4 раза – чем в США, в 2,2 раза – чем в Норвегии (табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Некоторые показатели, характеризующие уровень жизни населения¹⁸

Table 6. Some indicators characterizing the standard of living of the population

Страна / Country	ВВП на душу населения, 2014 г. / GDP per capita, 2014		Фактическое конечное потребление домашних хозяйств по паритету покупательной способности на душу населения, 2014 г. / Actual final consumption of households by purchasing power parity per capita 2014	ВВП в расчете на одного занятого (по паритету покупательной способности; долл. США), 2016 г. / Gross domestic product per employee (by purchasing power parity, US dollars), 2016	Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), % / Index of income concentration (Gini coefficient), percent
	ППС, долл. США / Purchasing power parity, US dollars	Индекс физического объема ВВП / The volume index of GDP			
1	2	3	4	5	6
Россия / Russia	25797	47	100	50286	41,0
Норвегия / Norway	66018	121	199	111373	27,5
Швейцария / Switzerland	61902	113	192	107743	32,5

¹⁸ Россия и страны мира. 2018. С. 91, 95, 103–105.

Окончание табл. 6 / End of table 6

1	2	3	4	5	6
Австралия / Australia	46632	85	178	97259	34,7
Германия / Germany	47092	86	182	92360	31,7
Ирландия / Ireland	51468	94	138	165968	31,9
Швеция / Sweden	46524	85	165	99244	29,2
Нидерланды / Netherlands	48612	89	166	96652	29,3
США / USA	54651	100	236	121264	41,5

Низкая производительность труда в России, в свою очередь, связана с высокой степенью износа основных средств, что требует принятия неотложных мер по стимулированию обновления материально-технической базы производства, а также привлечению инвесторов.

Низкий уровень жизни россиян и связанных с этим демографических и экономических проблем может представлять угрозу экономической безопасности и социальной стабильности. Согласно официальной статистике, доходы россиян в 2014–2017 гг. неуклонно снижались. Происходило это настолько стремительно, что уже в 2016 г. население страны по реальному содержанию доходов было отброшено к уровню 2010 г. (табл. 7).

Т а б л и ц а 7. Динамика реальных денежных доходов населения, % (1995 = 100)¹⁹

Table 7. Dynamics of real monetary incomes of population, % (1995 = 100)

Показатель / Indicator	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Реальные располагаемые денежные доходы / Real disposable monetary incomes	215,6	216,6	226,7	235,7	234,1	226,7	213,6	211,1
Реальный размер назначенных пенсий / Real amount of the granted pensions	251,1	254,1	266,6	274,1	276,6	266,1	257,0	257,8
Реальная начисленная заработная плата / Real gross wages	263,2	270,6	293,3	307,4	311,1	283,1	285,4	293,7

¹⁹ Российский статистический ежегодник. 2018. С. 146.

Как видим, за 4 года реальные располагаемые доходы россиян уменьшились на 10,5 %, реальная начисленная заработная плата – на 4,5, реальный размер назначенных пенсий – на 6 %. Такого продолжительного падения уровня жизни населения в постсоветской России еще не было.

В дефолт 1998 г. сокращение доходов отмечалось в течение 2 лет, за 1998–1999 гг. реальные располагаемые доходы россиян уменьшились на 26,3 %, реальная начисленная заработная плата – на 32,4 %, реальный размер назначенных пенсий – на 42,3 %. Однако уже в 2000 г. начался рост показателей доходов, уровень жизни населения быстро восстановился и в 2002 г. превысил докризисный уровень²⁰.

В кризис 2008–2010 гг. снижения уровня жизни статистика не зафиксировала: реальные располагаемые доходы граждан России увеличились за эти 3 года на 11,7 %, реальный размер назначенных пенсий – в 1,8 раза, реальная начисленная заработная плата – на 13,2 %. Небольшое уменьшение последнего показателя отмечалось только в 2009 г. (на 3,5 %). В 2018 г., по предварительным данным Росстата, падение уровня жизни россиян продолжилось – реальные денежные доходы снизились на 0,2 %²¹.

По степени социального расслоения равных нам в Европе нет. Самая низкая в мире подоходная стратификация наблюдается в Японии. Именно эта страна в рейтинге по индексу человеческого развития с учетом неравенства занимает 1-е место. Значение этой модификации индекса в России равно 0,705 при среднем по миру уровне 0,658, в Японии – 0,948. По индексу развития человека, скорректированному с учетом социально-экономического неравенства, Россия входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития и занимает в ней одно из последних мест (входной порог в группу – 0,7)²².

Главная причина, по которой России удастся занимать столь высокие позиции в мировом рейтинге по индексу развития человека – высокий уровень образованности населения. Степень охвата образованием в России – одна из самых высоких в мире, а по начальному и высшему образованию эти показатели даже выше, чем в Норвегии – стране, длительное время лидирующей по уровню развития человека. По численности студентов на 1 000 чел. населения наша страна опережает Германию и Швейцарию²³.

²⁰ Российский статистический ежегодник. 2003: стат. сб. / Росстат. М., 2003. С. 169; Российский статистический ежегодник. 2004: стат. сб. / Росстат. М., 2004. С. 175.

²¹ Росстат: Доходы россиян в 2018 году упали пятый год подряд // Vestifinance. 25.01.2019. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113732> (дата обращения: 20.02.2019).

²² Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2018. С. 158.

²³ Россия и страны мира. 2018. С. 158.

На высокий уровень образования в России указывают и эксперты Всемирной организации интеллектуальной собственности ООН, ежегодно формирующей рейтинг самых инновационных стран²⁴. Однако удельный вес государственных расходов на функционирование этой важнейшей для общества отрасли экономики в России ниже, чем в странах, добившихся больших достижений в области человеческого развития. Такой показатель может негативно повлиять на качество отечественного образования (табл. 8).

Таблица 8. Показатели, характеризующие уровень образования населения²⁵
Table 8. Some indicators characterizing the level of education of the population

Страна / Country	Охват населения образованием в 2015/2016 учебном году ²⁶ / Education coverage in the academic year 2015/2016			Численность студентов на 1 000 чел. населения, чел., 2016 г. / Students per 1,000 popu- lation (per- sons), 2016	Государ- ственные расходы на образование (в % к ВВП), 2015 г. / Pub- lic spending on education (as a percent- age of GDP), 2015
	Начальное образова- ние / Primary edu- cation	Среднее об- разование / Secondary education	Высшее об- разование / Higher edu- cation		
Россия / Russia	103	98	84	46	3,5 (2017)
Норвегия / Norway	100	116	81	—	7,6
Швейцария / Switzerland	104	102	58	35	5,1
Австралия / Australia	101	154	122	79	5,3
Германия / Germany	102 (2014/2015)	102	68	37	4,8
Ирландия / Ireland	101	117	78	—	3,8
Швеция / Sweden	123 (2014/2015)	145	64	43	7,6
Нидерланды / Netherlands	103	133	80	49	5,4
США / USA	99 (2017/2018)	99	89	60	5,0 (2014)

²⁴ Глобальный индекс инноваций. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info> (дата обращения: 15.02.2019).

²⁵ Россия и страны мира. 2018. С. 132–133.

²⁶ Удельный вес численности обучающихся на определенном уровне образования в процентах от численности населения в возрасте, официально соответствующем данному уровню. Удельный вес может превышать 100 % в случае, если фактический возраст обучающихся отличается от возраста, официально соответствующего данной ступени.

Беспокойство вызывает то обстоятельство, что численность студентов, обучающихся по программам высшего образования, в расчете на 1 000 чел. населения в России быстро сокращается (в 1,6 раза за 2010–2017 гг.), в то время как в большинстве стран, добившихся высоких показателей по уровню развития человека, этот показатель растёт (табл. 9).

Т а б л и ц а 9. Численность обучающихся по программам третичного (высшего) образования, на 1000 чел. населения²⁷

Table 9. Number of students enrolled in tertiary (higher) education programs per 1,000 population

Страна / Country	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия / Russia ²⁸	65	61	58	54	51	48	46
Норвегия / Norway	46	46	47	50	52	52	53
Швейцария / Switzerland	32	32	34	34	35	35	35
Австралия / Australia	–	–	–	–	–	80	79
Германия / Germany	–	–	–	34	36	36	37
Ирландия / Ireland	43	43	42	43	44	46	47
Швеция / Sweden	49	49	48	45	45	44	43
Нидерланды / Netherlands	39	47	47	–	м	50	49
США / USA	66	67	67	63	62	61	60

Возможно, это связано со снижением доступности образования в России, поскольку уровень жизни россиян в последние 5 лет неуклонно снижался.

Обсуждение и заключение. Согласно методике ООН, Россия относится к странам с очень высоким уровнем человеческого развития. По двум индикаторам из трех (продолжительность жизни и уровень доходов) наша страна существенно отстает от европейских государств. Резервы повышения продолжительности жизни россиян заключаются в преодолении сверхсмертности, сокращении младенческой и материнской смертности. Для существенного повышения жизненного уровня россиян необходимо обеспечить рост производительности труда и разработать более справедливую систему распределения доходов.

Главный фактор, благодаря которому стране удалось выйти на столь высокие позиции в мировом рейтинге по уровню развития человека, – высокий уровень образованности населения. Однако резкое сокращение численности и удельного веса в составе населения студентов, обуча-

²⁷ Россия и страны мира. 2018. С. 134–135.

²⁸ 2017 г. – 40 чел.

ющихся по образовательным программам высшего образования, может не только ухудшить позиции России в мировых рейтингах гуманитарного развития, но и оказать негативное влияние на экономическое развитие. Повысить доступность качественного образования возможно путем преодоления негативной тенденции в уровне жизни россиян, за счет введения льготных образовательных кредитов, а также путем активизации региональных программ по выявлению и содействию образования одаренных детей.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для ученых, занятых исследованием проблем развития человека, а также представителей органов государственной власти, реализующих различные социально-экономические программы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. The Impact of Increasing Education Levels on Rising Life Expectancy: A Decomposition Analysis for Italy, Denmark, and the USA / M. Luy [et al.] // *Genus*. 2019. Vol. 75. P. 11. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-019-0055-0>

2. Saikia N., Bora J. K., Luy M. Socioeconomic Disparity in Adult Mortality in India: Estimations Using the Orphanhood Method // *Genus*. 2019. Vol. 75. P. 7. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-019-0054-1>

3. The Role of Epigenetic Aging in Education and Racial/Ethnic Mortality Disparities Among Older U.S. Women / Z. Liu [et al.] // *Psychoneuroendocrinology*. 2019. Vol. 104. Pp. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2019.01.028>

4. Revisiting the Relationship Between Longevity and Lifetime Education: Global Evidence From 919 Surveys / M. M. Hoque [et al.] // *Journal of Population Economics*. 2019. Vol. 32, issue 2. Pp. 551–589. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-018-0717-9>

5. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // *Социологические исследования*. 2009. № 1. С. 33–42. URL: http://www.isras.ru/socis_2009_01.html (дата обращения: 20.02.2019).

6. Бобков В. Н., Степанов В. С. Модель «Благосостояние» для оценки и прогноза качества и уровня жизни населения региона // *Уровень жизни населения регионов России*. 2014. № 1. С. 104–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21451984> (дата обращения: 20.02.2019).

7. Бобков В. Н., Вередюк О. В. Социальная уязвимость российского общества вследствие высокого неравенства уровня жизни // *Уровень жизни населения регионов России*. 2014. № 1. С. 7–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21451973> (дата обращения: 20.02.2019).

8. Фофанова К. В. Методологические вопросы измерения качества жизни региона // *Регионология*. 2016. № 4. С. 127–140. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1488> (дата обращения: 20.02.2019).

9. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Солдатов А. А. Воспроизводство трудового потенциала Мордовии в современных условиях // *Вестник НИИ гума-*

нитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 15, № 3. С. 7–13. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2010> (дата обращения: 20.02.2019).

10. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю. Развитие народонаселения России в 1990-е – 2000-й гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Т. 26, № 2. С. 7–18. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2013> (дата обращения: 20.02.2019).

11. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Лещев Д. М. Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1. С. 106–118. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2014> (дата обращения: 20.02.2019).

12. Липатова Л. Н., Сивиркина Н. Н. Демографическая динамика как фактор формирования трудового потенциала АПК Республики Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 2. С. 114–127. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2014> (дата обращения: 20.02.2019).

13. Имяреков С. М., Липатова Л. Н., Юртаев К. П. Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49–56. URL: http://www.vniiesh.ru/publications/zhurnal_ekonomika_trud_upravlenie_v_selskom_hozjajstve (дата обращения: 20.02.2019).

14. Игнатьева М. В., Липатова Л. Н. Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3. С. 127–134. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1297> (дата обращения: 20.02.2019).

15. Катайкина Н. Н. Уровень потребления как один из показателей человеческого развития // Фундаментальные исследования. 2014. № 3 (часть 1). С. 143–147. URL: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33602> (дата обращения: 20.02.2019).

16. Вишневский А. Причины смерти: демографическая диагностика // Демоскоп Weekly. 2012. № 535–536. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/tema04.php> (дата обращения: 20.02.2019).

Поступила 11.03.2019; принята к публикации 17.04.2019; опубликована онлайн 28.06.2019.

Об авторах:

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Градусова Валентина Николаевна, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного

хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, vgradusova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Липатова Людмила Николаевна – определение замысла статьи и методологии исследования; сбор и обработка информации; подготовка начального варианта текста; доработка текста.

Градусова Валентина Николаевна – сбор и обработка информации; визуализация и представление данных в тексте; компьютерные работы; критический анализ и доработка текста.

Для цитирования:

Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы // Регионология. 2019. Т. 27, № 2. С. 310–329. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329>

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Luy M., Zannella M., Wegner-Siegmundt C., Lutz W., Caselli G. The Impact of Increasing Education Levels on Rising Life Expectancy: A Decomposition Analysis for Italy, Denmark, and the USA. *Genus*. 2019; 75:11. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-019-0055-0>
2. Saikia N., Bora J.K., Luy M. Socioeconomic Disparity in Adult Mortality in India: Estimations Using the Orphanhood Method. *Genus*. 2019; 75:7. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-019-0054-1>
3. Liu Z., Chen B.H., Assimes T.L., Horvath S., Levine M.E. The Role of Epigenetic Aging in Education and Racial/Ethnic Mortality Disparities Among Older U.S. Women. *Psychoneuroendocrinology* 2019; 104:18-24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2019.01.028>
4. Hoque M.M., King E.M., Montenegro C.E., Orazem P.F. Revisiting the Relationship Between Longevity and Lifetime Education: Global Evidence from 919 Surveys. *Journal of Population Economics*. 2019; 32(2):551-589. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-018-0717-9>
5. Belyaeva L.A. Level and Quality of Life. Measurement and Interpretation Issues. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2009; (1):33-42. Available at: http://www.isras.ru/socis_2009_01.html (accessed 20.02.2019). (In Russ.)
6. Bobkov V.N., Stepanov V.S. [The “Welfare” Model for Assessing and Forecasting the Quality and Standard of Living of the Population of a Region]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standards and Quality of Life. 2014; (1):104-111. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21451984> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

7. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. [Social Vulnerability of Russian Society Due to High Inequality of Living Standards]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standards and Quality of Life. 2014; (1):7-16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21451973> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

8. Fofanova K.V. Methodological Issues of Measuring Quality of life in a Region. *Regionologiya* = Regionology. 2016; (4):127-140. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1488> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

9. Lipatova L.N., Gradusova V.N., Soldatov A.A. [Reproduction of the Labor Potential of the Republic of Mordovia in the Current Context]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* = Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2010; 15(3):7-13. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2010> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

10. Lipatova L.N., Gradusova V.N., Fadeev V.Yu. Development of the Population in Russia in the 1990s–2000. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* = Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2013; 26(2):7-18. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2013> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

11. Lipatova L.N., Gradusova V.N., Leshchev D.M. Influence of Migration on the Formation of Labour Potential of Population. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* = Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2014; (1):106-118. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2014> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

12. Lipatova L.N., Sivirkina N.N. Population Dynamics as a Factor of Labour Potential of Agrarian and Industrial Complex of the Republic of Mordovia. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* = Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2014; (2):114-127. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2014> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

13. Imyarekov S.M., Lipatova L.N., Yurtaev K.P. Comparative Characteristics of the Formation Conditions of the Employment Potential of the Regions of the Volga Federal District. *Ehkonomika, trud, upravlenie v selskom khozyajstve* = Economics, Labor, Management in Agriculture. 2014; (4):49-56. Available at: http://www.vniiesh.ru/publications/zhurnal_ekonomika_trud_upravlenie_v_selskom_xozjajstve (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

14. Ignatieva M.V., Lipatova L.N. Human Potential for Economic Development: Federal and Regional Aspects. *Regionologiya* = Regionology. 2014; (3):127-134. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1297> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

15. Kataykina N.N. The Level of Consumption as One of the Indicators of Human Development. *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental Research. 2014; (3-1):143-147. Available at: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33602> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

16. Vishnevsky A. [Causes of Death: Demographic Diagnosis]. *Demoskop Weekly* = Demoscope Weekly. 2012; (535-536). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/tema04.php> (accessed 20.02.2019). (In Russ.)

Submitted 11.03.2019; accepted for publication 17.04.2019; published online 28.06.2019.

About the authors:

Lyudmila N. Lipatova, Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect, Vasilyevsky Island, St. Petersburg 199178, Russia), Dr. Sc. (Sociology), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor, Department of Management, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect, Vasilyevsky Island, St. Petersburg 199178, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, vgradusova@gmail.com

Contribution of the authors:

Lyudmila N. Lipatova – formulation of the basic concept and methodology of the research; data collection and analysis; preparation of the initial version of the text; revision of the text.

Valentina N. Gradusova – data collection and analysis; visualization and presentation of data in the text; computer work; critical analysis and revision of the text.

For citation:

Lipatova L.N., Gradusova V.N. Human Development in Russia: Major Achievements and Threats. *Regionology* = *Russian Journal of Regional Studies*. 2019; 27(2):310-329. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Роль и место образования в преодолении цифрового неравенства (по материалам Республики Башкортостан)

Т. М. Шамсутдинова

*ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет» (г. Уфа, Россия),
tsham@rambler.ru*

Введение. Актуальность статьи обусловлена процессами цифровизации экономики Российской Федерации и возрастающими требованиями к цифровой компетентности общества. Цель статьи – провести обзор факторов, порождающих цифровое неравенство, и охарактеризовать роль системы

образования в преодолении проблемы цифрового неравенства населения (на примере Республики Башкортостан).

Материалы и методы. В качестве материалов теоретической части исследования использовались данные территориальной службы статистики и другие открытые источники информации. Экспериментальная часть исследования опиралась на проведенное автором тестирование студентов Башкирского государственного аграрного университета с целью определения уровня их цифровой компетентности. Методы исследования включали в себя сбор, систематизацию и анализ данных.

Результаты исследования. Проведен анализ количественных и качественных показателей цифрового неравенства в Республике Башкортостан. Выявлены основные факторы, порождающие цифровое неравенство в республике; они связаны с дифференциацией населения по территориальным признакам, экономическим и социальным критериям. Показано, что для Республики Башкортостан большую актуальность имеет проблема цифрового неравенства сельских и городских территорий. Обоснована роль профессионального образования в преодолении цифрового неравенства, показан рост уровня цифровой компетентности студентов по итогам их обучения.

Обсуждение и заключение. Проблема преодоления цифрового неравенства носит комплексный характер и может быть решена только путем консолидации усилий всех членов общества по созданию единой цифровой среды, при поддержке региональных органов власти и с привлечением ресурсов федерального управления. Полученные результаты представляют практическую значимость для преподавателей информационных технологий, а также для представителей регио-

© Шамсутдинова Т. М., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

нальных IT-структур. Дальнейшие направления изучения проблемы цифрового неравенства связаны с выявлением новых способов формирования и развития цифровой компетентности в условиях образовательного процесса.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, цифровое неравенство, цифровая компетентность, профессиональная компетентность, городское и сельское население, образование, уровень образования

The Role and Place of Education in Bridging the Digital Divide (the Case Study of the Republic of Bashkortostan)

T. M. Shamsutdinova

*Bashkir State Agrarian University (Ufa, Russia),
tsham@rambler.ru*

Introduction. The article is of relevance due to the ongoing processes of digitalization of the economy of the Russian Federation and the increasing demands on the digital competence of society. The purpose of this paper is to review the factors causing the digital divide and characterize the role of the education system in bridging the digital divide of the population (using the example of the Republic of Bashkortostan).

Materials and Methods. Data from the Territorial Statistics Service and other open sources of information were used as the materials for the theoretical part of the study. The experimental part of the study was based on testing of students of the Bashkir State Agrarian University conducted by the author in order to determine their level of digital competence. The research methods employed included collection, systematization and analysis of data.

Results. The study has analyzed the quantitative and qualitative indicators of the digital divide in the Republic of Bashkortostan. The main factors causing the digital divide in the Republic have been identified: those associated with the differentiation of the population according to territorial characteristics as well as to economic and social criteria. It has been shown that the problem of the digital divide of rural and urban areas is of great relevance for the Republic of Bashkortostan. The role of vocational education in overcoming digital inequality has been substantiated; the growth of the university students' level of digital competence as a result of their training has been estimated.

Discussion and Conclusion. The issue of bridging the digital divide is a comprehensive one and can be solved only by consolidating the efforts of all members of the society to create a unified digital environment, with the support from regional authorities and involvement of federal government resources. The results are of practical importance for teachers of information technology, as well as for representatives of regional IT-structures. Further areas of study of the problem of the digital divide are associated with the identification of new ways of forming and developing digital competence in the educational process.

Keywords: Republic of Bashkortostan, digital divide, digital competence, professional competence, urban and rural population, education, level of education

Введение. Модернизация современных социально-экономических процессов обостряет проблему так называемого цифрового неравенства. Данное понятие охватывает разные слои населения, включая градации по возрастному признаку, уровню образования, территории проживания, уровню цифровой компетентности и т. д.

История становления термина «цифровое неравенство» (англ. digital divide) начинается с конца XX – начала XXI в., когда выходит серия отчетов Национального управления по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США (1995, 1998, 1999, 2000 и 2002 гг.¹). В них рассматривались разнообразные аспекты проблемы интеграции населения с информационной инфраструктурой страны, приводилась соответствующая статистика тех лет. В отчете утверждалось, что «цифровой разрыв» как разрыв между теми, кто имеет и не имеет доступ к новым технологиям, «является одной из ведущих проблем страны в области экономических и гражданских прав»². Здесь же впервые была озвучена и проанализирована проблема цифрового разрыва на примере сельских и городских территорий. Среди причин, ограничивающих доступ к цифровой инфраструктуре, были выделены:

- низкий уровень доходов населения;
- пожилой возраст;
- низкий уровень образования;
- специфическое географическое расположение региона, а также принадлежность населения к коренным народам (национальным меньшинствам) удаленных территорий.

Следующим развитием идеи цифрового неравенства стал термин «цифровой разрыв второго уровня» (англ. second-level digital divide), предложенный в 2002 г. Э. Харгиттай³, где под вторым уровнем неравенства понимались различия в цифровых навыках людей. Тем самым понятие цифрового неравенства вышло за первоначальную трактовку отсутствия физического (технологического) доступа к цифровым технологиям, перейдя в сферу цифровой компетентности.

¹ Falling Through The Net: A Survey of the “Have Nots” in Rural and Urban America [Электронный ресурс]. July 1995. URL: <https://www.ntia.doc.gov/ntiahome/fallingthru.html>; Falling Through the Net II: New Data on the Digital Divide [Электронный ресурс]. July 1998. URL: <https://www.ntia.doc.gov/report/1998/falling-through-net-ii-new-data-digital-divide>; Falling Through the Net: Defining the Digital Divide [Электронный ресурс]. November 1999. URL: <https://www.ntia.doc.gov/legacy/ntiahome/ftn99/contents.html>; Falling Through the Net: Toward Digital Inclusion [Электронный ресурс]. October 2000. URL: <https://www.ntia.doc.gov/report/2000/falling-through-net-toward-digital-inclusion>; A Nation Online: How Americans Are Expanding Their Use of The Internet [Электронный ресурс]. September 2002. URL: <https://www.ntia.doc.gov/legacy/ntiahome/dn/html/anationonline2.htm> (дата обращения: 23.12.2018).

² Falling Through the Net: Defining the Digital Divide. November 1999.

³ Second-Level Digital Divide: Differences in People’s Online Skills by Eszter Hargittai [Электронный ресурс]. First Monday, April 2002. URL: <https://firstmonday.org/article/view/942/864> (дата обращения: 02.01.2019).

Роль образования в условиях цифрового неравенства заключается в формировании цифровых общекультурных и профессиональных компетенций, позволяющих личности наилучшим образом реализовывать свой личностный потенциал и интегрировать его в процессы информатизации общества.

Цель данной статьи – охарактеризовать роль системы образования в преодолении проблемы цифрового неравенства населения (на основе анализа количественных и качественных показателей цифрового неравенства в Республике Башкортостан).

Перед исследованием ставились следующие задачи:

- рассмотреть основные факторы, порождающие цифровое неравенство в Республике Башкортостан, и аргументировать их значимость;
- обосновать роль профессионального образования в преодолении цифрового неравенства;
- рассмотреть понятие цифровой компетентности и ее компонент;
- проанализировать уровень цифровой компетентности студентов по итогам их обучения (на примере кафедры информатики и информационных технологий Башкирского государственного аграрного университета).

Обзор литературы. Появление русскоязычного термина «цифровое неравенство» в России связывают с Международным семинаром «Проблемы преодоления “цифрового неравенства” в России и странах СНГ»⁴, состоявшимся 28 ноября 2000 г. в Москве в Доме правительства Российской Федерации. Последующие информатизация общественных процессов и становление информационного общества выявили и обострили ряд проблем, связанных с «расслоением» социума с точки зрения доступа к информационному пространству.

В современных исследованиях, посвященных цифровому неравенству, выделяют несколько его терминологических аспектов. Так, С. А. Дятлов и Т. А. Селищева дают следующее понимание термина: «Цифровой разрыв (или информационное неравенство) – это неравенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям, имеющее своим следствием усиление экономического, социального, культурного неравенства» [1].

Личностно-ориентированное понимание термина представлено в работе Ю. А. Кузнецова и С. Е. Марковой, где под цифровым разрывом (цифровым барьером) понимается «зависимость успеха человека от его способности использовать информационно-телекоммуникационные технологии для решения деловых и повседневных задач» [2]. Авторы уточняют, что отсутствие способностей использовать достижение со-

⁴ Международный семинар: Проблемы преодоления «цифрового неравенства» в России и странах СНГ [Электронный ресурс]. г. Москва, 28 ноября 2000 г. URL: http://www.a-z.ru/gov_house/8/index.htm (дата обращения: 23.12.2018).

временных информационно-телекоммуникационных технологий приводит к цифровому неравенству, что в свою очередь порождает экономическое и социальное неравенство.

О. В. Волченко предлагает два подхода к определению цифрового неравенства: неравенство в доступе и неравенство в целях использования [3]. Я. Ван Дейк выделяет четыре компонента доступа: мотивационный, физический, навыки и использование. При этом отмечается, что разрыв в «физическом» доступе все более сокращается ввиду всеобщих процессов компьютеризации и информатизации, но при этом разрыв в цифровых навыках населения остается прежним [4].

Современные авторы исследуют разнообразные проблемы цифрового неравенства, например, проблемы методики расчета индекса цифрового неравенства⁵ [5; 6], вопросы регионального цифрового неравенства⁶ [7; 8]. Многие публикации посвящены вопросам цифрового неравенства отдельных социальных слоев населения: гендерному цифровому неравенству [9; 10], цифровому неравенству для людей с ограниченными возможностями здоровья [11], неравенству для лиц пожилого возраста [12], психологическим аспектам развития личности в условиях цифрового неравенства [13].

Одна из наиболее значимых дифференциаций – это различные уровни и условия жизни городского и сельского населения. Жители села часто просто не имеют возможности использования цифровых технологий и подключения к новым цифровым услугам ввиду их отсутствия либо значительной функциональной ограниченности на территориях, удаленных от больших городов. Проблемам преодоления цифрового неравенства в сельской местности посвящены работы Д. А. Гайнова, Т. Ф. Шарифьянова [14], Т. Д. Санниковой [15] и некоторых зарубежных авторов [16–18]. В публикациях последних лет приводятся примеры создания центров цифрового обслуживания для информационной поддержки населения удаленных районов [19; 20], затрагиваются проблемы доступа к государственным и муниципальным электронным услугам⁷.

Повышение цифровых навыков – один из путей сокращения цифрового неравенства. Вопросы образования в условиях цифрового неравенства активно обсуждаются за рубежом [21–25]. Э. Карлсон и А. М. Айзекс пишут о возможности преодоления цифрового неравенства

⁵ Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2013–2014. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / под ред. Т. В. Ершовой, Ю. Е. Хохлова, С. Б. Шапошника. М., 2015. 524 с.

⁶ Дронов В. Н., Махрова О. Н. Цифровое неравенство Рязанской области: моногр. СПб.: Изд-во СПбУУиЭ, 2015. 148 с.

⁷ Мамаева О. Б. «Цифровое неравенство» как новый критерий социальной стратификации в условиях доступа к государственным электронным услугам // Социальная сфера, экономика и управление: вопросы теории и практики: сб. ст. Йошкар-Ола, 2017. С. 65–72.

благодаря использованию так называемого технологического капитала, состоящего из четырех факторов: осведомленности, знаний, доступа и технологического потенциала [26].

Таким образом, можно сделать вывод, что современное понимание цифрового неравенства включает как неравенство в доступе к современным цифровым технологиям, так и неравенство в уровне владения цифровыми компетенциями для эффективного использования данных технологий. При этом любой вид цифрового неравенства приводит в итоге к экономическому и социальному неравенству населения, не позволяя части социума реализовать свой личностный и профессиональный потенциал. Процессы цифровизации общества обостряют проблему цифрового неравенства, делают ее все более актуальной, требующей дальнейшего изучения, в том числе с точки зрения региональных аспектов.

Материалы и методы. Проведенное исследование включало как теоретическую, так и практическую часть, в рамках которых реализовывались поставленные цель и задачи работы.

В качестве материалов теоретической части исследования использовались разнообразные данные и статистические справочники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, отчеты Правительства Республики, а также материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г. Кроме этого, были проанализированы материалы по определению индекса «Цифровая Россия» Московской школы управления «Сколково» и другие многочисленные открытые источники информации.

В качестве методов исследования применялись сбор, систематизация и анализ данных. Был проведен сбор и анализ количественных и качественных показателей цифрового неравенства в Республике Башкортостан, рассмотрена статистика показателей цифровизации сельских территорий республики, выполнен структурный анализ понятий «цифровое неравенство» и «цифровая компетентность» с целью выявления их компонент. В процессе работы был дан обзор общего состояния системы профессионального образования в республике как среды для формирования и повышения цифровой компетентности.

Экспериментальная часть исследования опиралась на проведенное автором тестирование студентов Башкирского государственного аграрного университета с целью определения уровня их цифровой компетентности. Методы исследования включали в себя анализ результатов и протоколов прохождений тестов на основе разработанного банка вопросов. При проведении тестирования использовалась система управления электронным обучением Башкирского государственного аграрного университета, реализованная в среде LMS Moodle.

В тестировании приняли участие 284 студента 2017/2018 и 2018/2019 учебных годов, из них 121 студент очной и 163 – заочной формы обучения.

Для обоснования репрезентативности студентов Башкирского государственного аграрного университета как представителей сельского населения республики был определен средний удельный вес сельского населения среди студентов вуза. Для этого были рассмотрены анкеты-резюме выпускников университета, размещенные на сайте вуза в 2015–2018 гг. Общее количество анкет – 1 524.

Результаты исследования. Неравенство и дифференциация различных слоев общества всегда были одной из его острых проблем. Традиционно выделяют такие виды социального неравенства, как неравенство по уровням дохода, полу, возрасту, уровню образования, территории проживания, национальному (этническому, расовому) признаку, уровню физических возможностей. Также возможна дифференциация по политическим взглядам (партийной принадлежности), вероисповеданию и др.

Опираясь на проведенный обзор литературы по теме цифрового неравенства и исходя из специфики цифрового неравенства, можно сделать вывод, что для данного вида неравенства в субъектах Российской Федерации (в частности, в Республике Башкортостан) наиболее значимыми являются следующие группы признаков дифференциации:

- территориальная (по территории проживания, ввиду ограниченных возможностей сельских территорий по сравнению с городскими);
- экономическая (по уровню доходов населения);
- социальная (по уровню образования, возрасту, ограниченным возможностям здоровья).

По данным на 1 января 2018 г., население Республики Башкортостан насчитывало 4 063 293 чел., в том числе городское население – 2 522,0 тыс. чел., сельское – 1 541,3 тыс. чел.⁸, что составляет соответственно 62 % и 38 % общей численности. На территории республики находятся 21 город (8 городов республиканского значения, 12 городов районного значения и 1 закрытое административно-территориальное образование) и 54 района, включающих 4 538 сельских населенных пунктов⁹.

Удельный вес сельского населения в республике (38 %) почти в 1,5 раза выше, чем в среднем по Российской Федерации (26 %; рассчитано по демографической информации Федеральной службы государственной

⁸ Численность населения по муниципальным районам и городским округам Республики Башкортостан на 1 января 2018 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Официальная статистика: Население. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 25.12.2018).

⁹ Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан: справочник [Электронный ресурс]. Уфа: Китап, 2017. 472 с. URL: https://www.bashkortostan.ru/thesaurus/files/1.0122.17_ATU_ltoq.pdf (дата обращения: 24.12.2018).

статистики¹⁰), из чего можно сделать вывод об особой значимости дифференциации населения республики на городское и сельское. Очевидно, что сельское население (более 1/3 всего населения Башкортостана) находится в условиях цифрового неравенства по сравнению с жителями городов как с точки зрения наличия доступа к современным коммуникационным технологиям, так и уровня цифровой компетентности.

Согласно официальным данным¹¹, услуги широкополосного доступа к сети Интернет имеются на территории более 2 600 населенных пунктов республики (где проживают около 90 % населения), услуги мобильной телефонии стандарта GSM – примерно в 4 000 населенных пунктах (98 % населения), услуги мобильного высокоскоростного доступа в интернет в сетях 3G и 4G – примерно в 1 800 населенных пунктах (86 % населения).

Фактическое покрытие территории республики сетями мобильной связи показано на рисунке 1, построенном по данным корпоративного сайта оператора мобильной связи «МегаФон»¹².

Как видим на карте, имеются серьезные проблемы с покрытием ряда восточных районов Республики Башкортостан. Данные территории имеют сложный рельеф местности, расположены в предгорьях и горных областях Южного Урала; жители данных сельских районов до сих пор живут в условиях ограниченной мобильной связи и не имеют доступа к мобильному интернету.

Проблемы цифрового неравенства сельских территорий показывают и данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. Согласно опубликованным результатам данной переписи по Республике Башкортостан (раздел «Обеспеченность объектами инфраструктуры и применение инновационных технологий»)¹³, процент обеспеченности сельскохозяйственных предприятий и личных подсобных хозяйств граждан подключением к сети Интернет значительно ниже средних показателей статистики по республике и составляет всего 29–64 % (рис. 2). Хотя инновационные технологии ведения сельского хозяйства, включая системы оцифровки полей, технологии точного земледелия с использо-

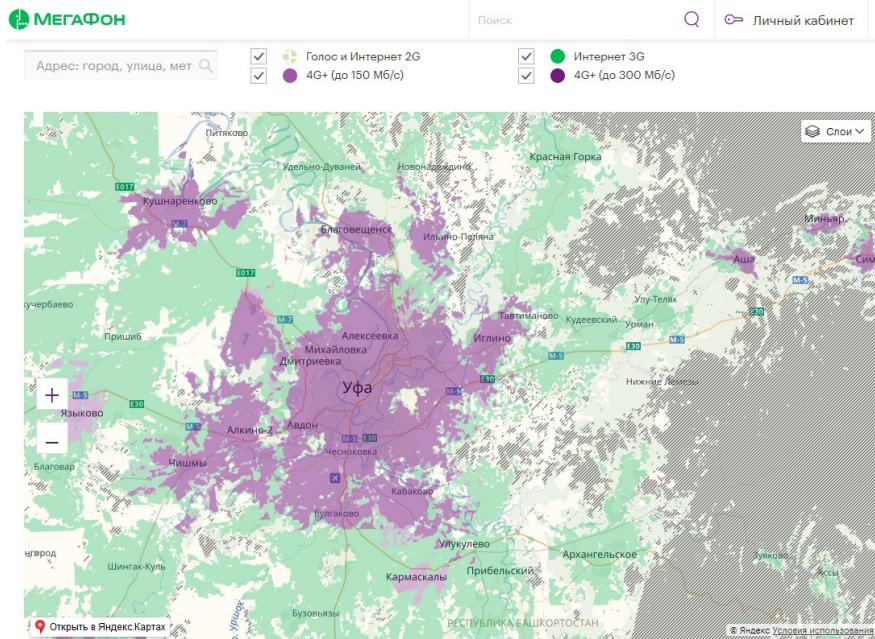
¹⁰ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 года и в среднем за 2017 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 04.01.2019).

¹¹ Расширенный отчет о результатах деятельности Правительства Республики Башкортостан в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <https://pravitelstvorb.ru/upload/iblock/44b/44b929aa02d8b1199c939af8d07d7a71.pdf> (дата обращения: 27.12.2018).

¹² МегаФон. Карта покрытия [Электронный ресурс]. URL: <http://bashkortostan.megafon.ru/corporate/help/offices/#coverage> (дата обращения: 27.12.2018).

¹³ Технические средства, производственные помещения и инфраструктура [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2016/score_2016/ (дата обращения: 25.12.2018).

ванием систем глобального позиционирования (GPS, ГЛОНАСС) – это вектор развития сельских территорий, заданный программой перехода к цифровой экономике.

Р и с. 1. Карта покрытия территории Республики Башкортостан сетями мобильной связи

F i g. 1. Coverage map for mobile networks in the Republic of Bashkortostan

Цифровое неравенство связано и с экономической дифференциацией населения по уровню доходов. По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, в 2017 г. 16,7 % населения республики имели среднедушевой доход менее 10 тыс. руб. в месяц, 16,2 % – ежемесячный доход от 10 до 15 тыс. руб.¹⁴. При доходах такого уровня население не имеет возможности приобретать современные высокотехнологичные цифровые гаджеты, вынуждено ограничивать себя в размере оплаты услуг мобильной связи и интернета.

¹⁴ Распределение населения по среднему денежному доходу [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: <https://clck.ru/FPGs3> (дата обращения: 28.12.2018).

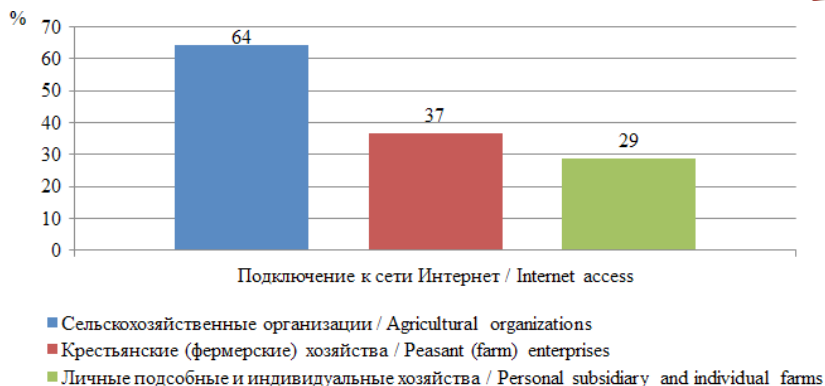

Рис. 2. Удельный вес сельскохозяйственных предприятий (хозяйств), обеспеченных подключением к сети Интернет

F i g. 2. The proportion of agricultural enterprises (farms) with Internet access

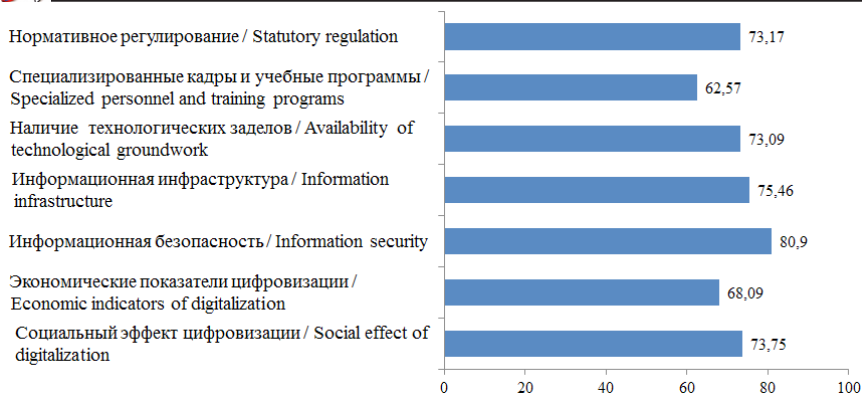
Согласно исследованиям Центра финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково», проведенным в октябре 2018 г., Республика Башкортостан занимает достаточно успешное 8 место среди субъектов Российской Федерации по показателю индекса «Цифровая Россия»¹⁵. Рассчитанный индекс носит комплексный характер и складывается из семи субиндексов, оцениваемых по балльной системе.

Числовые показатели субиндексов для Республики Башкортостан представлены на рисунке 3, итоговый комплексный показатель индекса – 71,29.

Как видим из рисунка 3, на территории республики недостаточно реализован потенциал направления «Специализированные кадры и учебные программы», т. е. имеются потенциальные резервы в реализации образовательного ресурса как фактора повышения цифрового индекса региона.

Говоря о неравенстве городских и сельских территорий, нельзя не отметить, что уровень образования является одним из ключевых показателей неравенства с точки зрения социальной дифференциации населения. В частности, в Республике Башкортостан наблюдается значительный дисбаланс между удельным весом городского и сельского населения, имеющего высшее и среднее профессиональное образование.

¹⁵ Индекс «Цифровая Россия». Октябрь 2018. Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления Сколково. М. : 2018. 207 с. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2018-10_ru.pdf (дата обращения: 25.12.2018).

Р и с. 3. Показатели индекса «Цифровая Россия» для Республики Башкортостан (в баллах)

F i g. 3. Indicators of the Digital Russia Index for the Republic of Bashkortostan (in points)

По данным Всероссийской переписи населения, лишь 8,5 % мужчин и 11,3 % женщин – сельских жителей Республики Башкортостан, имеют высшее образование, тогда как среди городского населения этот показатель более чем в 2 раза выше – 18,4 и 22,9 % соответственно¹⁶. Также имеются существенные различия по удельному весу сельского и городского населения, имеющего среднее профессиональное образование (25,6 % мужчин и 28,1 % женщин среди сельского населения; 37,3 % мужчин и 35,8 % женщин среди городского населения).

Согласно итоговому отчету Министерства образования Республики Башкортостан за 2017 г., в регионе функционируют 9 государственных и 2 негосударственных вуза, по 7 филиалов государственных и негосударственных вузов, 104 учреждения среднего профессионального образования (68 – в городских округах и 36 – в муниципальных районах)¹⁷. Численность студентов в учреждениях высшего и среднего профессионального образования в 2017/2018 учебном году составила соответственно 103,6 и 74,3 тыс. чел.¹⁸.

¹⁶ Население по возрастным группам, полу и уровню образования по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 24.12.2018).

¹⁷ Итоговый отчет Министерства образования Республики Башкортостан о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: https://education.bashkortostan.ru/upload/uf/598/Bashkortostan_2017.pdf (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁸ Республика Башкортостан 2015–2017 гг.: статистический справочник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа, июнь 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/41d8c60045e1be4fb46efcedfce35b80/i000001r.pdf (дата обращения: 25.12.2018).

Термин «цифровое неравенство» в контексте части населения упоминается в постановлении Правительства Республики Башкортостан об утверждении государственной программы «Развитие информационного общества в Республике Башкортостан»¹⁹, где приводятся целевые индикаторы по выполнению данной программы. Среди них можно отметить долю государственных и муниципальных услуг, полученных в электронном виде; количество граждан, использующих электронные сервисы порталов «Электронное образование Республики Башкортостан» и «Открытая Республика», и др.

Согласно данным Государственного комитета Республики Башкортостан по информатизации, в 2017 г. доля граждан, получающих государственные и муниципальные услуги в электронной форме, в республике составила 78,1 %, доля граждан, зарегистрированных в ЕСИА, – 55,8 % (среди лиц старше 14 лет)²⁰. При этом в разделе «Статистика» регионального сайта «Госуслуги» (gosuslugi.bashkortostan.ru) в числе пользователей указаны 126 тыс. чел. Также жители республики активно пользуются федеральным сайтом госуслуг (www.gosuslugi.ru) и другими доступными электронными сервисами, например, проверкой задолженности по имущественным и земельным налогам (www.nalog.ru/rn02/about_fts/el_usl/), проверкой штрафов ГИБДД (гибдд.пф/check), извещением о состоянии лицевого счета в Пенсионном фонде (es.pfrf.ru/#services-f), электронной записью к врачу (doctor.bashkortostan.ru/service/record).

Потребность использования электронных услуг обостряет проблему так называемого цифрового неравенства второго уровня, связанного с отсутствием необходимых компетенций. Например, в условиях данного цифрового неравенства находится часть людей старшего поколения, не имеющих навыков работы с системами коммуникаций и вычислительной техникой и чувствующих себя «выключенными» из современной цифровой среды. Следует заметить, что данный вид неравенства может быть преодолен и самим человеком за счет более активной социальной жизненной позиции, самообразования, получения дополнительного об-

¹⁹ Постановление Правительства РБ № 191 от 27.04.2017 «Об утверждении государственной программы “Развитие информационного общества в Республике Башкортостан” (вместе с “Перечнем целевых индикаторов и показателей государственной программы “Развитие информационного общества в Республике Башкортостан”, “Планом реализации и финансовым обеспечением государственной программы “Развитие информационного общества в Республике Башкортостан”))» [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/deyatelnost/strategicheskoe-planirovanie/programmno-tselevoe-planirovanie/gosudarstvennye-programmy-respubliki-bashkortostan/files/16-1-razvitie-info-obshestva.pdf> (дата обращения: 28.12.2018).

²⁰ Итоги работы Государственного комитета Республики Башкортостан по информатизации в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <http://d-russia.ru/itogi-raboty-gosudarstvennogo-komiteta-respubliki-bashkortostan-po-informatizatsii-v-2017-godu.html> (дата обращения: 02.01.2019).

разования, например, посещения курсов компьютерной грамотности и т. д. Так, в Башкортостане реализуется программа обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров, финансируемая Пенсионным фондом РФ с участием Правительства Республики Башкортостан²¹.

По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, в 2017 г. в регионе проживали 1 177,3 тыс. пенсионеров, в том числе – 985,4 тыс. пенсионеров по старости, 38,9 тыс. – по инвалидности²².

Образование (в том числе электронное и дистанционное) может помочь в преодолении цифрового неравенства и людям с ограниченными возможностями здоровья. В этом случае цифровые технологии позволяют удаленно получать разные услуги, дадут новые возможности коммуникаций, расширят круг общения. Цифровые дистанционные образовательные технологии окажут помощь в получении общего и профессионального образования.

Задача любого профессионального образования – формирование профессиональной компетентности обучаемых. Дальнейшие процессы перехода к цифровой экономике и необходимость преодоления цифрового неравенства второго уровня поднимают проблему обязательной оценки профессиональных качеств специалиста и с точки зрения его цифровой компетентности.

В широком смысле под цифровой компетентностью специалиста будем понимать его знания, умения и навыки работы в сфере информационно-коммуникационных технологий обработки цифровой информации, а также его личностные качества, показывающие желание, возможности и стремление совершенствоваться в своей профессиональной области в условиях дальнейшей информатизации общества.

На основе разработок современных исследователей (И. А. Зимней, Ю. Г. Татура, В. И. Байденко, А. В. Хуторского и др.) выделим следующие компоненты цифровой компетентности специалиста:

- *когнитивная* – знание основ информационных процессов, места и роли информации в современном обществе; знание методов и средств обработки информации; прикладные знания в области современных информационно-коммуникационных технологий и систем;

- *деятельностная* – умения и навыки решения профессиональных задач с использованием средств вычислительной техники, навыки

²¹ Пенсионный фонд финансирует обучение пенсионеров компьютерной грамотности [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/bashkortostan/news/~2017/04/26/134689> (дата обращения: 04.01.2019).

²² Республика Башкортостан в цифрах. Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. Уфа, 2018 г. URL: <https://clck.ru/FPQFa> (дата обращения: 06.01.2019).

работы с разнообразным программным обеспечением, умение работы в компьютерных сетях;

– *поведенческая* – демонстрируемая на практике готовность применять цифровые технологии в общественной и профессиональной деятельности;

– *мотивационно-ценностная* – система ценностных ориентаций на самосовершенствование и личностное развитие в условиях информатизации социально-экономических процессов; мотивы и модели поведения, ориентированные на углубление знаний и навыков по работе в информационной среде;

– *коммуникативная* – умение построения системы коммуникаций как в обычном межличностном общении, так и с применением современных телекоммуникационных средств;

– *рефлексивная* – потребность в рефлексии, в оценке и анализе личного опыта, в осознании своего собственного места в цифровом мире;

– *личностная* – определенные личностные качества (ответственность, дисциплинированность, креативность, умение работать в коллективе, лидерство и др.), позволяющие успешно и профессионально реализовываться в контексте дальнейшей информатизации общества.

В данном случае общая оценка цифровой компетентности может быть вычислена как:

$$P = \sum_{i=1}^7 k_i d_i,$$

где d_i – оценка i -го компонента компетентности; k_i – соответствующий весовой коэффициент, характеризующий «значимость» признака; i – меняется от 1 до 7.

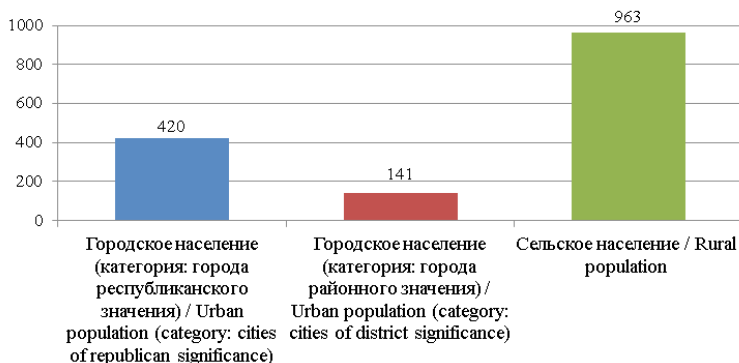
Примеры методики числовой оценки некоторых компонент компетентности приводятся в предыдущих публикациях автора [27; 28].

В ходе данного исследования был проведен анализ уровня цифровой компетентности студентов Башкирского государственного аграрного университета, сформированной по результатам изучения дисциплины «Информатика и информационные технологии», преподаваемой в вузе.

Студенты Башкирского государственного аграрного университета характеризуются значительным удельным весом сельского населения, ввиду чего являются репрезентативной выборкой для данного исследования как потенциально уязвимые с точки зрения цифрового неравенства.

Средний удельный вес сельского населения среди студентов вуза был определен по результату рассмотрения анкет-резюме выпускников 2015–2018 гг., размещенных на сайте Башкирского государственного

аграрного университета в разделе «Работодателю»²³. Среди 1 524 выпускников, заполнивших анкеты и указавших в качестве своего места жительства города и муниципальные районы Республики Башкортостан, 963 чел. представляют сельское население республики, 141 – малые города районного значения (рис. 4).

Р и с. 4. Удельный вес городского и сельского населения среди студентов Башкирского государственного аграрного университета

F i g. 4. The proportion of urban and rural population among students of the Bashkir State Agrarian University

Далее было проведено тестирование студентов по следующим основным разделам (модулям) информатики и информационных технологий, отражающим определенные группы цифровых компетенций:

- *Модуль 1. Системное программное обеспечение и техническое устройство компьютера* (индикаторы усвоения: знать состав системного программного обеспечения, основные компоненты и функции операционных систем, общие технические характеристики средств вычислительной техники);

- *Модуль 2. Информация, ее измерение и кодирование* (знать основные виды и свойства информации, принципы ее двоичного кодирования в вычислительных системах, единицы измерения);

- *Модуль 3. Текстовые редакторы* (иметь общее понятие о принципах обработки текстовой информации; иметь навыки работы с текстовым редактором MS Word);

- *Модуль 4. Электронные таблицы и базы данных* (знать принципы структурирования и обработки числовой информации; иметь навыки

²³ Анкеты-резюме выпускников [Электронный ресурс] // Башкирский государственный аграрный университет. URL: <https://www.bsau.ru/employer/questionnaire/> (дата обращения: 25.12.2018).

работы с электронными таблицами MS Excel и предметно-ориентированными базами данных);

– *Модуль 5. Компьютерная графика* (знать виды компьютерной графики, общее понятие о цветовых моделях и форматах графических файлов; иметь навыки работы с растровыми и векторными графическими редакторами);

– *Модуль 6. Алгоритмизация и основы компьютерного моделирования* (знать понятие алгоритма решения задачи и формы его представления; иметь общее понятие о системах программирования и об этапах компьютерного моделирования);

– *Модуль 7. Коммуникационные технологии и Интернет* (иметь представление о принципах работы компьютерных сетей; иметь практические навыки работы в сети Интернет по поиску информации, работе с электронной почтой, заказу электронных услуг и др.);

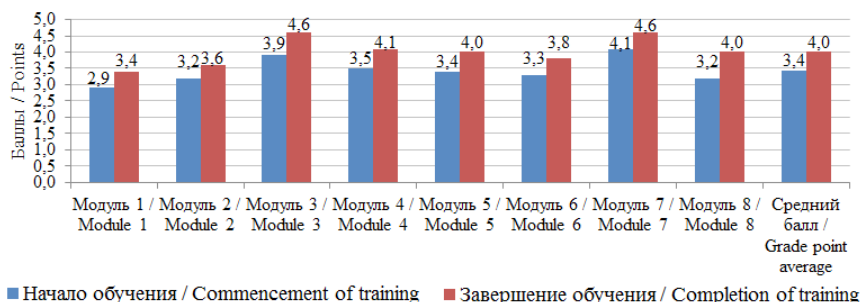
– *Модуль 8. Информационная безопасность и защита информации* (иметь общее представление об основах информационной безопасности, об уровнях защиты информации; иметь навыки работы с антивирусными программами).

Тестирование проводилось в системе управления электронным обучением Башкирского государственного аграрного университета, реализованной на базе LMS Moodle²⁴. Автором разработаны около 300 вопросов, среди которых были как теоретические, так и кейсы – прикладные задачи, которые требовалось решить в ходе тестирования и загрузить ответ в электронную систему. В исследовании принимали участие студенты очной и заочной форм обучения общим количеством – 284 чел.

Результаты тестирования студентов представлены на рисунке 5. Как видим, в процессе обучения студентов их средний балл повысился с 3,4 до 4,0. Наиболее высокие результаты были показаны в области обработки текстовой информации (модуль 3) и коммуникационных технологий, включая работу в сети Интернет (модуль 7), что в целом отражает интересы студентов.

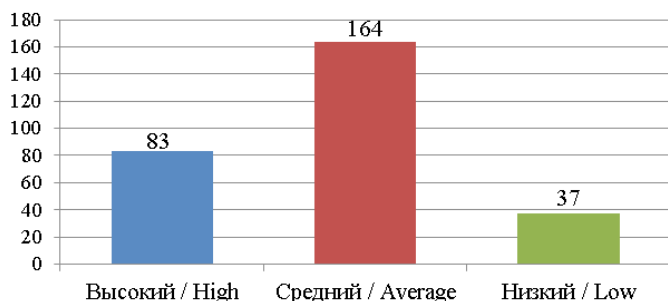
Результаты итогового распределения студентов по уровням цифровой компетентности представлены на рисунке 6. К группе «низкий уровень» были отнесены студенты, набравшие менее 3 баллов по результатам комплексного тестирования, в группу «средний уровень» – студенты со средней оценкой от 3 до 4,5 баллов, в группу «высокий уровень» – с оценкой выше 4,5 балла.

²⁴ Система управления электронным обучением Башкирского государственного аграрного университета [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.bsau.ru/> (дата обращения: 25.12.2018).

Р и с. 5. Результаты тестирования студентов Башкирского государственного аграрного университета

F i g. 5. The test results of students of the Bashkir State Agrarian University

Р и с. 6. Распределение студентов по уровням цифровой компетентности

F i g. 6. Distribution of students by level of digital competence

Полученные результаты показывают эффективность учебного курса с точки зрения формирования и повышения цифровой компетентности.

После завершения курса обучения 29 % студентов показали высокий уровень, 58 – средний и всего 13 % – низкий уровень цифровой компетентности. Средний балл студентов вырос на 16,7 %, что характеризует достаточно хорошую динамику обучаемости. Данные результаты позволяют говорить об особой роли системы образования в условиях цифрового неравенства как системы формирования цифровых общекультурных

и профессиональных компетенций, позволяющих личности наилучшим образом реализовывать свой личностный потенциал и интегрировать его в дальнейшем в процессы информатизации общества.

Обсуждение и заключение. Цифровое неравенство – одна из острых проблем нашего времени, и интеграция образования в процессы информатизации – это одно из условий формирования цифровой образовательной среды, нацеленной на повышение цифровой компетентности всех членов общества. Цифровая компетентность позволит сгладить социальную остроту проблемы цифрового неравенства, поможет интегрировать определенные слои населения в новые экономические условия.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

- современное понимание цифрового неравенства включает ряд его компонент – неравенство в доступе к современным цифровым технологиям (неравенство первого уровня) и неравенство в степени владения цифровыми компетенциями (неравенство второго уровня). Цифровое неравенство ограничивает часть населения в возможности реализации своего личностного и профессионального потенциала и приводит в итоге к усилению экономического и социального неравенства в обществе;

- цифровое неравенство имеет разные формы проявления и может быть следствием дифференциации населения по разным критериям: территориальным (городское и сельское), экономическим (уровень дохода), социальным (уровень образования, возраст, возможности здоровья и др.). Для Республики Башкортостан большую актуальность имеет проблема цифрового неравенства сельских и городских территорий;

- миссия образования в условиях цифрового неравенства – формирование цифровых общекультурных и профессиональных компетенций, позволяющих личности самореализовываться в своей общественной и профессиональной деятельности в условиях цифровизации основных социально-экономических процессов;

- проблема преодоления цифрового неравенства носит комплексный характер и может быть решена только путем консолидации усилий всех членов общества по созданию единой цифровой среды, при поддержке региональных органов власти и с привлечением ресурсов федерального управления.

Полученные результаты исследования представляют практическую значимость для преподавателей информационных технологий, а также для представителей региональных ИТ-структур. Дальнейшие направления изучения проблемы цифрового неравенства связаны с выявлением новых способов формирования и развития цифровой компетентности в условиях образовательного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дятлов С. А., Селищева Т. А. Регионально-пространственные характеристики и пути преодоления цифрового неравенства в России // Экономика образования. 2014. № 2. С. 48–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21820670> (дата обращения: 02.01.2019).
2. Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 32 (383). С. 2–13. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=63090> (дата обращения: 02.01.2019).
3. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>
4. Van Dijk J. A. Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings // Poetics. 2006. Vol. 34, issues 4-5. Pp. 221–235. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2006.05.004>
5. E-inclusion or Digital Divide: An Integrated Model of Digital Inequality / B. Yu [et al.] // Journal of Documentation. 2018. Vol. 74, issue 3. Pp. 552–574. DOI: <https://doi.org/10.1108/JD-10-2017-0148>
6. Архипова М. Ю., Сиротин В. П., Сухарева Н. А. Разработка композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России // Вопросы статистики. 2018. Т. 25, № 4. С. 75–87. URL: https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/667?locale=ru_RU (дата обращения: 02.01.2019).
7. Ициксон А. И. Устранение цифрового неравенства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2017. Т. 11, № 4. С. 156–164. DOI: <https://doi.org/10.14529/em170421>
8. Брагина Е. М., Орлова Д. С. Преодоление цифрового неравенства в условиях крайнего севера (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 3 (51). С. 7. URL: <https://eee-region.ru/article/5107/> (дата обращения: 02.01.2019).
9. Bala S., Singhal P. Gender Digital Divide in India: A Case of Inter-Regional Analysis of Uttar Pradesh // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2018. Vol. 16, issue 2. Pp. 173–192. DOI: <https://doi.org/10.1108/JICES-07-2017-0046>
10. Singh S. Bridging the Gender Digital Divide in Developing Countries // Journal of Children and Media. 2017. Vol. 11, issue 2. Pp. 245–247. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482798.2017.1305604>
11. Mavrou K., Hoogerwerf E.-J. Towards Full Digital Inclusion: the ENTELIS Manifesto Against the Digital Divide // Journal of Assistive Technologies. 2016. Vol. 10, issue 3. Pp. 171–174. DOI: <https://doi.org/10.1108/JAT-03-2016-0010>
12. Лысенко Э. А., Федосеева С. В. На пути становления информационного общества: ликвидация цифрового неравенства среди граждан старшего поколения // Информационное общество. 2014. № 1. С. 11–16. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/2ef9e67ce192d2c044257cac00442248> (дата обращения: 02.01.2019).

13. Tavani H. T. Ethical Reflections on the Digital Divide // *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. 2003. Vol. 1, issue 2. Pp. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.1108/14779960380000230>

14. Гайнанов Д. А., Шарифьянов Т. Ф. Трансформация модели преодоления цифрового неравенства в сельской местности // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2015. № 12 (84). С. 24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25622289> (дата обращения: 02.01.2019).

15. Санникова Т. Д. Цифровое неравенство как негативный фактор для благополучия сельского населения // *Вестник науки*. 2018. Т. 1, № 6 (6). С. 21–27. URL: <https://вестник-науки.рф/archiv/journal-6-6-1.pdf> (дата обращения: 02.01.2019).

16. Sampath Kumar B. T., Shiva Kumara S. U. The Digital Divide in India: Use and Non-Use of ICT by Rural and Urban Students // *World Journal of Science, Technology and Sustainable Development*. 2018. Vol. 15, issue 2. Pp.156–168. DOI: <https://doi.org/10.1108/WJSTSD-07-2017-0021>

17. Richmond W., Rader S., Lanier C. The “Digital Divide” for Rural Small Businesses // *Journal of Research in Marketing and Entrepreneurship*. 2017. Vol. 19, issue 2. Pp. 94–104. DOI: <https://doi.org/10.1108/JRME-02-2017-0006>

18. Luo M. M., Chea S. Internet Village Motoman Project in Rural Cambodia: Bridging the Digital Divide // *Information Technology & People*. 2018. Vol. 31, issue 1. Pp. 2–20. DOI: <https://doi.org/10.1108/ITP-07-2016-0157>

19. Chao C.-M., Yu T.-K. How to Overcome the Digital Divide? An Empirical Study of Taiwan’s DOCs // *Aslib Journal of Information Management*. 2016. Vol. 68, issue 5. Pp. 628–642. DOI: <https://doi.org/10.1108/AJIM-03-2016-0036>

20. Common Services Centres (CSCs) as an Approach to Bridge the Digital Divide: Reflecting on Challenges and Obstacles / Y. K. Dwivedi [et al.] // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2016. Vol. 10, issue 4. Pp. 511–525. DOI: <https://doi.org/10.1108/TG-01-2016-0006>

21. Huang J., Russell S. The Digital Divide and Academic Achievement // *The Electronic Library*. 2006. Vol. 24, issue 2. Pp. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.1108/02640470610660350>

22. Adhikari J., Mathrani A., Scogings C. Bring Your Own Devices Classroom: Exploring the Issue of Digital Divide in the Teaching and Learning Contexts // *Interactive Technology and Smart Education*. 2016. Vol. 13, issue 4. Pp. 323–343. DOI: <https://doi.org/10.1108/ITSE-04-2016-0007>

23. Hillier M. Bridging the Digital Divide with Off-Line E-Learning // *Distance Education*. 2018. Vol. 39, issue 1. Pp. 110–121. DOI: <https://doi.org/10.1080/01587919.2017.1418627>

24. Dolan J. E. Splicing the Divide: A Review of Research on the Evolving Digital Divide Among K–12 Students // *Journal of Research on Technology in Education*. 2016. Vol. 48, issue 1. Pp. 16–37. DOI: <https://doi.org/10.1080/15391523.2015.1103147>

25. Hill C., Lawton W. Universities, the Digital Divide and Global Inequality // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2018. Vol. 40, issue 6. Pp. 598–610. DOI: <https://doi.org/10.1080/1360080X.2018.1531211>

26. Carlson A., Isaacs A. M. Technological Capital: An Alternative to the Digital Divide // Journal of Applied Communication Research. 2018. Vol. 46, issue 2. Pp. 243–265. DOI: <https://doi.org/10.1080/00909882.2018.1437279>

27. Шамсутдинова Т. М. Формирование профессиональных компетенций студентов в контексте информатизации высшего образования // Открытое образование. 2013. № 6 (101). С. 36–44. DOI: [https://doi.org/10.21686/1818-4243-2013-6\(101-36-44](https://doi.org/10.21686/1818-4243-2013-6(101-36-44)

28. Шамсутдинова Т. М. Оценка качества курсовых работ: компетентностный подход // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 2. С. 180–195. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-180-195>

Поступила 10.01.2019; принята к публикации 07.02.2019; опубликована онлайн 28.06.2019.

Об авторе:

Шамсутдинова Татьяна Михайловна, доцент кафедры информатики и информационных технологий ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет» (450001, Россия, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 34), кандидат физико-математических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1809-3615>, Researcher ID: G-7779-2018, tsham@rambler.ru

Благодарности. Автор выражает благодарность коллективу Башкирского государственного аграрного университета за поддержку при работе над данной темой, анонимному рецензенту, чьи комментарии позволили улучшить качество текста.

Для цитирования:

Шамсутдинова Т. М. Роль и место образования в преодолении цифрового неравенства (по материалам Республики Башкортостан) // Регионология. 2019. Т. 27, № 2. С. 330–353. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.330-353>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Dyatlov S.A., Selishcheva T.A. Regionally Spatial Characteristics and Ways to Bridge the Digital Divide in Russia. *Ehkonomika obrazovaniya* = Economics of Education. 2014; (2):48-52. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21820670> (accessed 02.01.2019). (In Russ.)

2. Kuznetsov Yu.A., Markova S.E. Some Aspects of Digital Inequality Rating of the RF Regions. *Ehkonomicheskij analiz: teoriya i praktika* = Economic Analysis: Theory and Practice. 2014; (32):2-13. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=63090> (accessed 02.01.2019). (In Russ.)

3. Volchenko O.V. Dynamics of Digital Inequality in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016; (5):163-182. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>
4. Van Dijk J.A. Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings. *Poetics*. 2006; 34(4-5):221-235. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2006.05.004>
5. Yu B., Ndumu A., Mon L.M., Fan Z. E-inclusion or Digital Divide: An Integrated Model of Digital Inequality. *Journal of Documentation*. 2018; 74(3):552-574. DOI: <https://doi.org/10.1108/JD-10-2017-0148>
6. Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P., Sukhareva N.A. Development of a Composite Indicator for Measuring the Value and Dynamics of Digital Inequality in Russia. *Voprosy statistiki* = Issues of Statistics. 2018; 25(4):75-87. Available at: https://voprsstat.elpub.ru/jour/article/view/667?locale=ru_RU (accessed 02.01.2019). (In Russ.)
7. Itsikson A.I. The Elimination of Digital Divide. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* = Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2017; 11(4): 156-164. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14529/em170421>
8. Bragina E.M., Orlova D.S. Overcoming the Digital Divide in the Conditions of the Far North (for Example Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra). *Regionalnaya ekonomika i upravlenie: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal* = Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal. 2017; (3):7. Available at: <https://eee-region.ru/article/5107/> (accessed 02.01.2019). (In Russ.)
9. Bala S., Singhal P. Gender Digital Divide in India: A Case of Inter-Regional Analysis of Uttar Pradesh. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. 2018; 16(2):173-192. DOI: <https://doi.org/10.1108/JICES-07-2017-0046>
10. Singh S. Bridging the Gender Digital Divide in Developing Countries. *Journal of Children and Media*. 2017; 11(2):245-247. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482798.2017.1305604>
11. Mavrou K., Hoogerwerf E.-J. Towards Full Digital Inclusion: The ENTELIS Manifesto Against the Digital Divide. *Journal of Assistive Technologies*. 2016; 10(3):171-174. DOI: <https://doi.org/10.1108/JAT-03-2016-0010>
12. Lysenko E.A., Fedoseeva S.V. [On the Way to the Development of the Information Society: Bridging the Digital Divide among Senior Citizens]. *Informatsionnoe obshchestvo* = Information Society. 2014; (1):11-16. Available at: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/2ef9e67ce192d2c044257cac00442248> (accessed 02.01.2019). (In Russ.)
13. Tavani H.T. Ethical Reflections on the Digital Divide. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. 2003; 1(2):99-108. DOI: <https://doi.org/10.1108/14779960380000230>
14. Gainanov D.A., Sharifyanov T.F. [Transformation of the Model of Bridging the Digital Divide in Rural Areas]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal* = Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal. 2015; (12):24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25622289> (accessed 02.01.2019). (In Russ.)

15. Sannikova T.D. [Digital Divide as a Negative Factor for the Well-Being of the Rural Population]. *Vestnik nauki* = Science Bulletin. 2018; 1(6):21-27. Available at: <https://xn----8sbempeclwd3bmt.xn--p1ai/archiv/journal-6-6-1.pdf> (accessed 02.01.2019). (In Russ.)
16. Sampath Kumar B.T., Shiva Kumara S.U. The Digital Divide in India: Use and Non-Use of ICT by Rural and Urban Students. *World Journal of Science, Technology and Sustainable Development*. 2018; 15(2):156-168. DOI: <https://doi.org/10.1108/WJSTSD-07-2017-0021>
17. Richmond W., Rader S., Lanier C. The “Digital Divide” for Rural Small Businesses. *Journal of Research in Marketing and Entrepreneurship*. 2017; 19(2): 94-104. DOI: <https://doi.org/10.1108/JRME-02-2017-0006>
18. Luo M.M., Chea S. Internet Village Motoman Project in Rural Cambodia: Bridging the Digital Divide. *Information Technology & People*. 2018; 31(1):2-20. DOI: <https://doi.org/10.1108/ITP-07-2016-0157>
19. Chao C.-M., Yu T.-K. How to Overcome the Digital Divide? An Empirical Study of Taiwan’s DOCs. *Aslib Journal of Information Management*. 2016; 68(5): 628-642. DOI: <https://doi.org/10.1108/AJIM-03-2016-0036>
20. Dwivedi Y.K., Sahu G.P., Rana N.P., Singh M., Chandwani R.K. Common Services Centres (CSCs) as an Approach to Bridge the Digital Divide: Reflecting on Challenges and Obstacles. *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2016; 10(4):511-525. DOI: <https://doi.org/10.1108/TG-01-2016-0006>
21. Huang J., Russell S. The Digital Divide and Academic Achievement. *The Electronic Library*. 2006; 24(2):160-173. DOI: <https://doi.org/10.1108/02640470610660350>
22. Adhikari J., Mathrani A., Scogings C. Bring Your Own Devices Classroom: Exploring the Issue of Digital Divide in the Teaching and Learning Contexts. *Interactive Technology and Smart Education*. 2016; 13(4):323-343. DOI: <https://doi.org/10.1108/ITSE-04-2016-0007>
23. Hillier M. Bridging the Digital Divide with Off-Line E-Learning. *Distance Education*. 2018; 39(1):110-121. DOI: <https://doi.org/10.1080/01587919.2017.1418627>
24. Dolan J.E. Splicing the Divide: A Review of Research on the Evolving Digital Divide Among K–12 Students. *Journal of Research on Technology in Education*. 2016; 48(1):16-37. DOI: <https://doi.org/10.1080/15391523.2015.1103147>
25. Hill C., Lawton W. Universities, the Digital Divide and Global Inequality. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2018; 40(6):598-610. DOI: <https://doi.org/10.1080/1360080X.2018.1531211>
26. Carlson A., Isaacs A.M. Technological Capital: An Alternative to the Digital Divide. *Journal of Applied Communication Research*. 2018; 46(2):243-265. DOI: <https://doi.org/10.1080/00909882.2018.1437279>
27. Shamsutdinova T.M. Development of Students’ Professional Competence in the Context of Higher Education Informatization Processes. *Otkrytoe obrazovanie* = Open Education. 2013; (6):36-44. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.21686/1818-4243-2013-6\(101-36-44](https://doi.org/10.21686/1818-4243-2013-6(101-36-44)

28. Shamsutdinova T.M. Quality Assessment of Student Courseworks: Competency-Based Approach. *Obrazovanie i nauka* = Education and Science Journal. 2018; 20(2):180-195. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-180-195>

Submitted 10.01.2019; accepted for publication 07.02.2019; published online 28.06.2019.

About the author:

Tatiana M. Shamsutdinova, Associate Professor, Department of Informatics and Information Technologies, Bashkir State Agrarian University (34 50-letiya Oktyabrya St., Ufa 450001, Russia), Ph. D. (Physics and Mathematics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1809-3615>, Researcher ID: G-7779-2018, tsam@rambler.ru

Acknowledgments. The author is grateful to the team of the Bashkir State Agrarian University for their support in working on this topic as well as to the anonymous reviewer, whose comments helped to improve the quality of the text.

For citation:

Shamsutdinova T.M. The Role and Place of Education in Bridging the Digital Divide (the Case Study of the Republic of Bashkortostan). *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(2):330-353. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.330-353>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Участие сетевых сообществ в формировании социального капитала в процессе партисипативного проектирования архитектурно-ландшафтного пространства города

В. В. Бахарев

В. А. Демина*

ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова» (г. Белгород, Россия),

**archideya2012@gmail.com*

Введение. Целью исследования являлся анализ состояния социального капитала местного сообщества, особенностей его формирования в процессе соучаствующего проектирования архитектурно-ландшафтного пространства города сетевыми сообществами как основы для разработки эффективной социальной технологии создания комфортной среды жизнедеятельности горожан и одного из важнейших факторов формирования гражданского общества. Изложенные в статье результаты исследования актуальны и имеют научно-практическую значимость при внедрении в практику органов местного самоуправления для совершенствования механизмов взаимодействия с акторами сетевых сообществ и процесса принятия решений по проблемам создания благоустроенной и комфортной архитектурно-ландшафтной среды городов.

Материалы и методы. В исследовании применялись общие и частные методы научного исследования, сравнительный, системный анализ, анкетный опрос, анализ документальных источников.

Результаты исследования. Выявлено состояние социального капитала трех городских сообществ Белгородской области. Определены уровни сформированности десяти структурных компонентов социального капитала в соответствии с предложенной авторами статьи исследовательской моделью. За счет сравнения выявленных уровней сформированности компонентов социального капитала установлены подчиненные связи между ними и определена их иерархическая структура, необходимая для разработки технологии формирования и воспроизвод-

© Бахарев В. В., Демина В. А., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ства социального капитала сетевыми сообществами в процессе соучаствующего проектирования комфортной среды жизнедеятельности горожан.

Обсуждение и заключение. Анализ результатов социологического исследования показал, что партисипативное проектирование архитектурно-ландшафтного пространства города является важным направлением консолидации коллективной деятельности местного сообщества; состояние социального капитала зависит от степени вовлеченности сетевых сообществ в партисипативное проектирование архитектурно-ландшафтного пространства города и процесс практического решения общественно значимых проблем. Материалы исследования будут положены в основу создания социальной технологии формирования комфортной среды жизнедеятельности горожан на научно-организационном, формализованно-описательном, процессуально-деятельностном уровнях.

Ключевые слова: сетевые сообщества, социальный капитал, соучаствующее проектирование, архитектурно-ландшафтное пространство города

Participation of Online Communities in the Formation of Social Capital in the Process of Participatory Design of Architectural and Landscape Space of the City

V. V. Bakharev, V. A. Demina*

*Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
(Belgorod, Russia),*

** archhideya2012@gmail.com*

Introduction. The purpose of the study was to analyze the state of social capital of the local community, the characteristics of its formation in the process of participating in the design of architectural and landscape space of the city by online communities as the basis for developing an effective social technology to create a comfortable living environment for citizens and one of the most important factors in the formation of the civil society. The research results outlined in the article are of relevance and have scientific and practical significance when introducing local self-government bodies into practice in order to improve the mechanisms of interaction with the actors of online communities and the decision-making process on creating a comfortable architectural and landscape environment of cities.

Materials and Methods. The study used general and particular methods of scientific research, comparative and system analysis, questionnaire survey, analysis of documentary sources.

Results. The state of social capital of three urban communities of the Belgorod Region, formed in the process of participatory design by members of online communities, has been revealed. The levels of formation of ten structural components of social capital were identified in accordance with the research model proposed by the authors of this article. By comparing the identified levels of formation of the social capital components, subordinate connections have been established between them and their hierarchical structure has been identified, which is necessary for the development of social capital formation and reproduction technologies by online communities in the process of participating in designing a comfortable living environment for citizens.

Discussion and Conclusion. An analysis of the results of a sociological study has shown that the participatory design of the architectural and landscape space of the

city is an important area of consolidation of the collective activities of the local community; the state of social capital depends on the degree of involvement of online communities in the participatory design of the architectural and landscape space of the city and the process of practical solution of socially significant problems; consolidation of the local community to solve the problems of creating a comfortable architectural and landscape space of the city has been carried out by involving the immediate environment. The research materials will be the basis for creating a social technology for forming a comfortable living environment for citizens at the scientific, organizational, formalized, descriptive, procedural and activity levels.

Keywords: online communities, social capital, participatory design, architectural and landscape space of the city

Введение. В современных российских городах достаточно острой становится проблема гармонизации отношений между природой, населением и архитектурно-ландшафтным пространством городской среды обитания. Решение этой проблемы возлагается на представителей муниципальной власти и городского сообщества, накопление и реализация социального капитала которого является важнейшим ресурсом создания комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города и одним из важнейших факторов формирования гражданского общества. В социологической науке недостаточно изученными остаются:

- структура социального капитала местного сообщества – преобладает мнение о его трехкомпонентности, не выделен комплекс факторов (элементов структуры), влияющих на формирование социального капитала;
- влияние сетевых сообществ на формирование социального капитала муниципальных образований;
- возможные пути и средства его формирования, которые до сих пор не определены.

Одним из средств формирования социального капитала является пар- тисипативное (соучаствующее) проектирование, получившее в последние годы распространение не только за рубежом, но и в российских регионах.

Диагностика проблем формирования социального капитала местного сообщества членами сетевых сообществ в процессе соучаствующего проектирования комфортного архитектурно-ландшафтного пространства городской среды обитания не проводилась.

Социальная диагностика дает органам управления необходимые знания, на основе которых разрабатываются управленческие решения. Социальную диагностику как компонент системы управления процессом формирования социального капитала местного сообщества можно определить как комплексный процесс исследования социального капитала с целью выявления, распознавания и изучения причинно-следственных связей и отношений, характеризующих его состояние, проблемы формирования и тенденции дальнейшего развития.

Целью проведенного исследования являлись анализ состояния социального капитала местного сообщества в соответствии с разработанной авторами статьи его десятикомпонентной структурой и социологическая оценка формируемых структурных компонентов; выявление особенностей формирования и воспроизводства социального капитала в процессе соучаствующего проектирования архитектурно-ландшафтного пространства города (АЛПГ) сетевыми сообществами как основы создания комфортной среды обитания горожан. В ходе исследования решались задачи определения мнения членов сетевых сообществ о состоянии архитектурно-ландшафтного пространства города и важности этой проблемы в спектре всех проблем жизнедеятельности горожан; оценки состояния социального капитала трех городских сообществ (Белгородский, Старо-Оскольский и Губкинский городские округа), сформированных в процессе партисипативного проектирования. Следовательно, проведенное социологическое исследование является актуальным и своевременным, вносит определенный вклад в развитие социологической науки, обогащает практику формирования комфортной среды обитания городского населения и закладывает основы гражданского общества в регионе.

Настоящая статья отражает попытку ее авторов в процессе социологического исследования найти подходы, пути, методы и технологический инструментарий для разрешения противоречия между необходимостью решения проблем создания комфортной городской среды обитания силами местного сообщества и недостаточной научной и технолого-практической разработанностью проблем формирования социального капитала сетевыми сообществами с целью разрешения общественно значимых проблем, главной из которых является создание комфортного для проживания, трудовой и рекреационной деятельности архитектурно-ландшафтного пространства города. Итоги проведенных воркшопов, совещаний и фокус-групп показывают готовность органов муниципального управления городских округов региона к внедрению результатов исследования, излагаемых в статье, в практику своей работы для совершенствования механизмов взаимодействия с акторами сетевых сообществ и процесса принятия решений по проблемам создания благоустроенной и комфортной архитектурно-ландшафтной среды городов.

Обзор литературы. При подготовке прикладного социологического исследования нами был осуществлен анализ достаточно большого массива зарубежной и отечественной литературы, посвященной сущности и природе социального капитала. Отметим некоторые из них.

Содержательная сторона дефиниции «социальный капитал» до настоящего времени находится в стадии теоретико-методологического осмысления и имеет значительное разнообразие ее социологической интерпретации.

Из основополагающих зарубежных исследований социального капитала особо выделим работы П. Бурдьё¹, одним из первых сформулировавшего понятие «социальный капитал», определявшего его как ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства; Дж. Коулмена², рассматривавшего социальный капитал как ресурсы социальных отношений, их сетей, облегчающих действия индивидов благодаря формированию взаимного доверия, определения взаимных обязательств и ожиданий, формулирования и установления социальных норм, образования ассоциаций; Р. Патнэма³, включавшего в понятие социального капитала характеристики социальной организации, в том числе сети, нормы и социальное доверие, способствующие координации и кооперации в интересах общественной цели; Ф. Фукуямы⁴, рассматривающего доверие и социальный капитал как синонимы; А. Портеса⁵, определявшего социальный капитал как способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенном сетевом сообществе; Н. Лина⁶, рассматривающего социальный капитал в виде ресурсов социальных сетей и устанавливающего объем социального капитала в виде суммы ценных ресурсов, принадлежащих акторам сообществ; К. Марша, разработавшего методику и проводившего замеры ассоциативных уровней между социальным капиталом и демократией в России посредством корреляции индекса гражданской вовлеченности и индекса демократизации [1]; Дж. Твиг, предложившей шкалу измерения социального капитала для сравнительного анализа различных российских регионов [2].

Особый интерес представляют статьи современных зарубежных исследователей. Так, французские ученые Э. Паркер, Д. С. Халгин, С. П. Боргатти, изучая динамику социального капитала, установили уровни влияния обратной коммуникационной связи на изменение сети и сетевых сообществ [3].

¹ Bourdieu P. *The forms of capital* // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1986. Pp. 241–258.

² Coleman J. S. *Social Capital in the Creation of Human Capital* (Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure) // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Pp. 95–120.

³ Putnam R. *Social Capital and Civic Community* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infed.org/thinkers/putnam.htm> (дата обращения: 24.08.2018).

⁴ Fukuyama F. *Associations: Fostering Fukuyama's Social Capital* // *Association Management*. 2002. Vol. 54, Issue 6. P. 75; Fukuyama F. *The Great Disruption. Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. London: Profile Books, 1999. P. 354.

⁵ Portes A. *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* // *Annual Review of Sociology*. 1998. Pp. 1–24.

⁶ Lin N. *Building a Network Theory of Social Capital* // *Connections*. 1999. Vol. 22, No. 1. Pp. 28–51.

Китайские исследователи Ц. Лян, Х. Лу, В. Дэн рассматривают роль социального капитала и взаимодействие социального капитала, социального и формального (административного) управления во влиянии на показатели развития фермерских сообществ [4]. И. Хуан раскрывает особенности формирования социального капитала горожан в соответствии с их четырехуровневой структурой сообществ (городских жителей, городских мигрантов, новых городских жителей и сельских мигрантов), устанавливает связи между социальным капиталом и социальным доверием, показывает возможные вариации формирования социального доверия между четырьмя группами сообществ [5].

Индийский исследователь А. Алха описывает процесс формирования социального капитала различных групп населения, рассматривает кастовую структуру общества как подобие особых сетевых и субкультурных сообществ Индии [6].

Корейский ученый С. Рю в своем исследовании указывает, что социальный капитал топ-менеджера считается важнейшим ресурсом для определения организационных результатов, однако мало что известно о влиянии социального капитала на результаты деятельности общественных организаций [7]. Автор обосновывает необходимость изучения особенностей формирования социального капитала общественных организаций.

М. Тулин, Б. Лэнси и Б. Фолькер в конце 2018 г. опубликовали статью, в которой представили результаты социологического опроса сетевых сообществ в Нидерландах. Они утверждают, что личность формирует способность людей создавать социальный капитал, а также предсказывают позитивные ассоциации между каждой из черт личности и социальным капиталом. Отметим, что проведенное исследование этих авторов не противоречит нашему видению процесса формирования социального капитала и полученным нами результатам [8].

Американский исследователь К. Б. Мур с соавторами подчеркивает, что объединение социального капитала в сетевых сообществах, измеряемое как частота сотрудничества и степень сетевого взаимодействия, может влиять на результаты эффективности партисипативного проекта как напрямую, путем содействия кооперативному взаимодействию, так и путем снижения транзакционных издержек, связанных с управлением сложными проектами [9]. Эта позиция авторов полностью совпадает с нашим концептуальным подходом к проведенному исследованию.

Немецкие ученые С. Гебер, Х. Шерер, Д. Хефнер представили результаты Европейского социологического опроса, показали особенности влияния средств массовой информации на социальный капитал на индивидуальном, социально-групповом и на национальном уровне, доказали, что использование интернета и других информационных средств увеличивает социальный капитал [10].

Ученые из Новой Зеландии провели крупномасштабные исследования в области партисипативного проектирования, выявили существующие проблемы коммуникационных взаимодействий акторов, создали платформу для привлечения неспециалистов в систему итераций проектирования, чтобы сравнивать и визуализировать сразу несколько идей, разработали набор правил с параметрами для производства и передачи идей дизайна городской среды [11].

Структурно-функциональный анализ к изучению социального капитала осуществлен в ряде работ отечественных авторов: Д. В. Афанасьева [12], рассматривающего структуру социального капитала, региональные аспекты его измерения и построения индикаторной модели; Д. Г. Горина⁷, исследующего особенности развития сетевых технологий формирования социального капитала; О. Демкив [13], выявляющего проблемы адаптации зарубежных концепций группового социального капитала к отечественным условиям; М. В. Курбатовой [14], анализирующей структуру социального капитала с позиций институционального развития региона; Е. Г. Лукьяновой [15], изучающей структуру, функции и роль социального капитала в построении гражданского общества; В. Г. Немировского⁸, исследующего региональные особенности социальной структуры и социального капитала, и др.

Анализ концепций социального капитала, функциональной роли этого понятия в методологии изучения современного российского общества и ресурсов его развития позволил выявить, с одной стороны, многоаспектность этого понятия, представленность в научном знании различных взглядов на его составляющие, структуру, функции, с другой – значимость концепции социального капитала как возможности на современном этапе развития регионального социума анализа и управления муниципальным и региональным развитием, формированием комфортной среды обитания городских сообществ.

В трехкомпонентной структуре социального капитала можно выделить три основных уровня организации городского сообщества: вещественно-энергетический, отражающий накопленный объем социальных связей как ресурс коллективной и индивидуальной деятельности по формированию благоприятной и комфортной среды обитания; функционально-организационный с соответствующим ресурсом доверия, усвоения и принятия социальных норм, развитости социальных институтов; информационный

⁷ Горин Д. Г. Социальный капитал в государственном и муниципальном управлении: сетевые технологии и инновационное развитие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gane-brf.ru/conference/2012/gorin.pdf> (дата обращения: 24.08.2018).

⁸ Немировский В. Г., Немировская А. В. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края: моногр. Красноярск: Сибир. федерал. ун-т, 2011. 159 с.

уровень со складывающимися соответствующими нормами и ценностными ориентациями, которые формируются и развиваются посредством добровольного и заинтересованного участия индивидов в сетевых сообществах, построенных на демократических началах.

Следует отметить отсутствие в науке единого понимания концепции социального капитала и его структурной организации. Нами выделено десять компонентов структуры социального капитала, содержание каждого из которых достаточно полно представлено в работах отечественных ученых: структура и функции социокультурной идентификации раскрыты Л. З. Немировской [16], А. П. Федоровским [17], К. О. Черняевой [18]; социального доверия – В. А. Давыденко [19], А. В. Ивановым [20], Н. М. Мамедовым [21], Е. В. Реутовым⁹ и др.; самоорганизации – Н. З. Алиевой [22], М. В. Егоровым [23]; социального согласия – В. Е. Семеновым¹⁰, А. А. Труновым и Е. И. Черниковой [24]; социальной солидарности – И. В. Ксенофонтовой [25], А. Ф. Филипповым [26; 27], А. А. Хоконовым [28]; социальных норм – И. Ф. Девятко [29], К. Ю. Добриным [30], Д. В. Ерышовым [31]; социальной инициативы – Е. В. Гетьман [32], Г. М. Королевой [33]; социальной активности – Е. Н. Васильевой [34], А. С. Минаевой и Т. С. Пилишвили [35], С. В. Судаковой [36]; социального участия – А. А. Меховой¹¹, А. В. Мироновым [37], И. А. Скалабаном [38]; социальной ответственности – О. Н. Безруковой [39], М. Ф. Игониной¹².

Материалы и методы. Для определения состояния социального капитала местного сообщества, особенностей формирования десяти его структурных компонентов (в отличие от бытующей в научной литературе его трехкомпонентной структуры) в процессе соучаствующего проектирования АЛПГ проведен социологический опрос членов сетевых сообществ. Электронная ссылка на Google Форму анкеты была размещена на сайтах «Одноклассники», «В моем мире», «ВКонтакте», Facebook и др. Опрошены 1 тыс. респондентов трех городских округов

⁹ Реутов Е. В., Гришина Т. В. Социальное доверие как ресурс муниципального управления // Белгородская городская агломерация как субъект опережающего развития: сб. материалов науч.-практ. конф. (Белгород, 2013) / ред. кол.: Ю. В. Астахов [и др.]. Белгород, 2014. Т. 1. С. 200–207.

¹⁰ Семенов В. Е. Социальное согласие и развитие в России в контексте концепции российской полиментальности // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2014. С. 5–19 (Человек и общество. Вып. 33).

¹¹ Мехова А. А. Социальное участие: методологические подходы к анализу успешных практик // Череповецкие научные чтения – 2015: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 11–12 ноября 2015 г.: в 4 ч. / отв. ред.: Н. П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2016. Ч. 2. 256 с.

¹² Иголина М. Ф. Место корпоративной социальной ответственности в «сети» ответственности человека // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: сб. ст. по материалам XXXIII междунар. науч.-практ. конф. 2017. № 22 (33). URL: [https://sibac.info/archive/meghdiss/22\(33\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdiss/22(33).pdf) (дата обращения: 12.08.2018).

Белгородской области (г. Белгород – с населением на 1 января 2018 г. 327 821 чел., г. Старый Оскол – 214 987 чел., г. Губкин – 99 947 чел.); из них 44,4 % мужчин и 55,6 % женщин. Около половины опрошенных имеют высшее образование, пятая часть – среднее профессиональное, десятая – незаконченное высшее или среднее образование, менее 10 % – неполное среднее образование. Более половины всех респондентов состоят в зарегистрированном браке, более четверти опрошенных никогда в браке не состояли, десятая часть – находятся в гражданском браке / проживают совместно, двадцатая часть респондентов являются вдовцами/ вдовами или разведены.

Большим разнообразием характеризуется сфера трудовой занятости респондентов (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Сферы занятости опрошенных респондентов, %

Table 1. Sectors of employment of the respondents surveyed, %

Сфера занятости / Sector of employment	г. Бел- город / Belgorod	г. Старый Оскол / Stary Oskol	г. Губкин / Gubkin
1	2	3	4
Учителя и преподаватели вузов / Teachers and lecturers of higher education institutions	7,6	5,1	5,1
Учащиеся и студенты / Schoolchildren and university students	35,7	22,7	15,4
Работники сферы обслуживания / Service industry employees	5,9	7,3	7,7
Работники сферы здравоохранения / Health workers	4,1	10,5	5,1
Работники сельского хозяйства / Agricultural workers	2,2	0,6	0,6
Работники сферы культуры / Culture workers	2,0	3,6	3,8
Работники сферы физической культуры и спорта / Workers in the field of physical education and sports	1,0	0,9	0,6
Руководители, управленцы / Administrators, managers	4,9	2,4	3,2
Гражданские служащие, специалисты / Civil servants, specialists	6,7	10,8	16,7
Военнослужащие и сотрудники МВД / Military personnel and police officers	3,3	0,6	1,3

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4
Квалифицированные рабочие / Skilled workers	4,5	13,2	14,1
Неквалифицированные рабочие / Unskilled workers	0,8	0,3	0,6
Индивидуальные предприниматели / Individual entrepreneurs	2,0	8,4	5,8
Неработающие пенсионеры / Non-working pensioners	11,8	13,5	19,9
Безработные, временно не работающие / Unemployed, those temporarily inactive	7,5	–	–

Как видно из таблицы, респонденты представляют практически все сферы трудовой занятости в городских муниципальных образованиях региона.

Выборка строилась на основе половозрастной структуры взрослого населения городов в соответствии с региональной статистикой. Анкета социологического опроса содержала 44 вопроса.

Методологической основой проведенного исследования являлся системный подход, позволивший получить целостное представление о структуре и функциях социального капитала, формируемого сетевыми сообществами. В процессе исследования применялись методы сбора, обработки и анализа первичной социологической информации, методы сравнения, систематизации и классификации. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью анализа статистических материалов по демографической, социально-экологической, градостроительной, архитектурно-ландшафтной и социально-управленческой проблематике, анкетного опроса акторов сетевых сообществ. Базы данных созданы и обработаны при помощи программы SPSS Statistics 22.0, презентационный материал формировался на основе программы Microsoft Excel 2007.

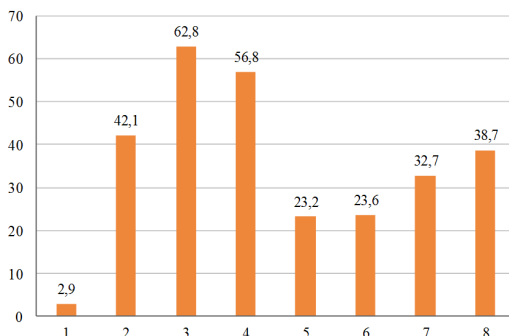
Результаты исследования. Формирование социального капитала местного сообщества в процессе соучаствующего проектирования архитектурно-ландшафтного пространства города является разновидностью социального управления, основное содержание которого – деятельность сетевых сообществ для создания комфортной среды обитания горожан.

Более половины респондентов (53,4 %) трех крупнейших городов Белгородской области считают, что комфортность архитектурно-ландшафтного пространства городской среды обитания за последние 5 лет немного улучшилась. Более четверти респондентов (27,5 %) отмечают ее значительное улучшение, при этом существенных отличий в ответах людей разных половозрастных и профессиональных групп не наблюдалось.

На вопрос «В какой мере для Вас важна степень архитектурно-ландшафтного обустройства, озеленения и повышения комфортности среды обитания?» большинство респондентов городских округов ответили, что «очень важна» (47,6 %) и «скорее важна, чем нет» (41,5 %). «Скорее не важна» и «совсем не важна» степень благоустройства города для 7,6 и 2,2 % респондентов соответственно. Затруднились с ответом преимущественно представители старшего поколения (1,1 %). Сравнивая данные в возрастных группах, можно сделать вывод о том, что для молодежи состояние архитектурно-ландшафтной городской среды более важно, чем представителям среднего и старшего возраста (на 14 и 18 % больше соответственно).

Сходство во мнениях респондентов трех городских округов проявилось и при ответе на вопрос «От кого, по Вашему мнению, в наибольшей степени зависит состояние комфортности архитектурно-ландшафтного пространства города?» (разрешалось выбрать не более трех вариантов ответа). Распределение ответов представлено на рисунке 1.

1. Затрудняюсь ответить / Not sure
2. Каждый житель города / Every resident of the city
3. Органы местного самоуправления / Local government
4. Региональная власть (губернатор, глава администрации региона) / Regional authority (governor, head of the administration of the region)
5. Федеральная власть, правительство в целом / Federal authority, the government as a whole
6. Специальные правительственные службы (Минприроды, МЧС и др.) / Special government services (Ministry of Natural Resources and Environment, Ministry for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, etc.)
7. Предприятия / Enterprises
8. Общественные организации, в том числе экологические / Social organizations, including environmental ones

Р и с. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «От кого, по Вашему мнению, в наибольшей степени зависит состояние комфортности архитектурно-ландшафтного пространства города?», %

F i g. 1. Distribution of respondents' answers to the question "Who, in your opinion, is primarily responsible for the state of comfort of the architectural and landscape space of the city?", percent

Большинство респондентов высказались, что состояние комфортности архитектурно-ландшафтного пространства города зависит от органов местного самоуправления. На втором месте стоит региональная власть, далее – вариант «каждый житель города». На четвертом месте, по мнению опрошенных во всех возрастных категориях трех городских округов, оказались общественные организации. Таким образом, существует определенный паритет между населением и органами власти как субъектами ответственности за качество и комфортность городской среды обитания.

Опрос жителей г. Тольятти, проведенный в 2016 г. Т. Н. Ивановой по смежной тематике, показал, что повышение качества благоустройства городской среды респонденты в первую очередь связывают с благоустройством дворов (так считают 65 %), затем с улучшением городских улиц (57 %), реконструкцией и созданием парков, современных элементов дизайна города и дополнительным озеленением улиц – от 52 до 53 % опрошенных [40].

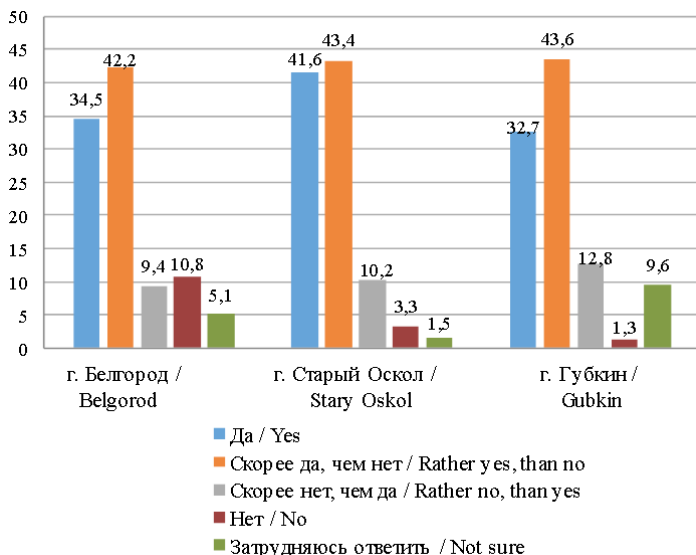
Формирование социального капитала в процессе соучаствующего проектирования членов сетевых сообществ, по нашему мнению, невозможно без развития десяти основных качеств (факторов, компонентов системы), выделенных нами при разработке теоретической системной исследовательской модели: социокультурная идентификация, социальное доверие, самоорганизация, социальное согласие, социальная солидарность, социальные нормы, социальная активность, социальная инициатива, социальное участие, социальная ответственность.

Средний уровень *социокультурной идентификации* членов сетевых сообществ определялся двумя вопросами, основным из которых был «Отождествляете ли Вы себя с участниками сетевого сообщества и другими жителями города на основе совместных эмоциональных переживаний о состоянии структуры, культуры, истории и развития города?». Подавляющее большинство респондентов – представителей городских округов (г. Белгород, г. Старый Оскол, г. Губкин) ответили положительно (43,9, 46,7, 40,4 %) и «скорее да, чем нет» (30,6, 31,7 и 37,2 % соответственно).

Уровень *социального доверия* определялся двумя вопросами анкеты. Распределение ответов на первый из них представлено на рисунке 2.

В среднем 36,6 % опрошенных ответили «да», 42,8 – «скорее да, чем нет», 10,2 – «скорее нет, чем да», 6,8 – нет, 3,6 % затруднились с ответом. Ответы респондентов о доверии своему окружению представлены в таблице 2.

При анализе ответов опрошенных мы выделили несколько групп по уровню доверия. В первую группу вошли респонденты трех исследуемых городских округов, доверяющих семье, родственникам и друзьям (однозначно положительные ответы от 71,6 до 83,5 %). Вторую группу представляет уровень доверия ближнему окружению. Так,

Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что в процессе обсуждения и реализации архитектурно-ландшафтных проектов их участники будут вести себя предсказуемо, в соответствии с некоторыми общими нормами?», %
 Fig. 2. Distribution of answers to the question “Do you consider that in the process of discussion and implementation of architectural and landscape projects their participants will behave predictably, in accordance with some general standards?”, percent

полностью доверяют членам коллектива 44,3 % белгородцев, 45,8 % старооскольцев, 39,7 % губкинцев. Полностью доверяют соседям соответственно 36,1, 41,6 и 42,3 % респондентов. В третью группу вошли показатели уровня доверия некоммерческим организациям, местному бизнесу и местной власти. Некоммерческим организациям полностью доверяют 24,9 % респондентов. Пятая часть респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. Полностью доверяют местному бизнесу 14,5 % белгородцев, 13,8 % старооскольцев, 14,1 % губкинцев. Более десятой части респондентов затруднились с ответом на этот вопрос. В отношении к местной власти уровень доверия оказался еще ниже (13,3 %). Местной власти так же, как и местному бизнесу, большая часть опрошенных полностью не доверяют (14,8 %). Высока доля респондентов, затруднившихся с ответом (17,4 %).

При оценке ответов о доверии семье, родственникам, друзьям и соседям затруднились с ответом от 0,4 до 3,7 % опрошенных; членам

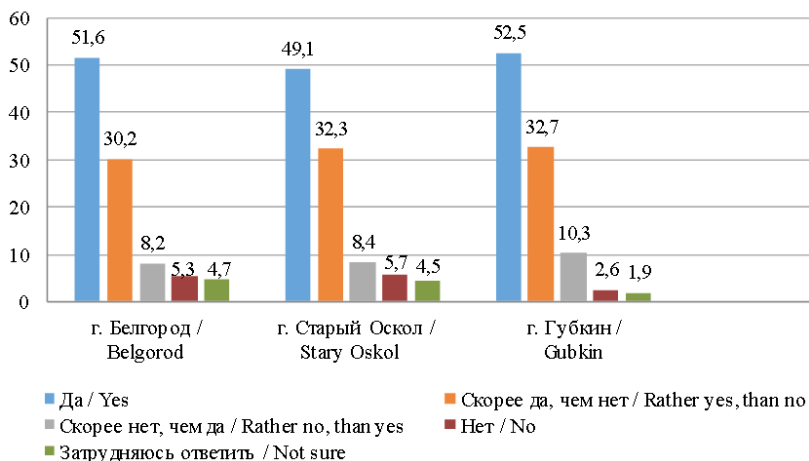
Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Кому из перечисленного окружения вы доверяете?», %
Table 2. Distribution of answers to the question «Who of the listed milieu do you trust?», percent

Окружение / Milieu	Да / Yes			Скорее да, чем нет / Rather yes, than no				Скорее нет, чем да / Rather no, than yes			Нет / No		
	г. Белгород / г. Старый Оскол / г. Губкин	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин	г. Губкин / г. Старый Оскол / г. Белгород	г. Белгород / г. Старый Оскол / г. Губкин	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин	г. Губкин / г. Старый Оскол / г. Белгород	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин	г. Старый Оскол / г. Белгород / г. Губкин
Семья / Family	83,5	81,4	82,7	11,4	10,8	7,7	3,7	6,3	5,8	1,0	0,9	2,6	2,6
Родственники / Relatives	74,9	76,6	75,0	12,9	9,3	12,2	10,4	12,6	10,3	1,4	0,9	1,9	1,9
Члены коллектива / Colleagues	44,3	45,8	39,7	12,3	11,1	8,3	9,8	7,5	9,0	11,2	10,5	10,3	10,3
Друзья / Friends	71,6	74,3	71,8	12,5	8,1	10,3	7,4	9,3	9,6	6,7	6,3	5,8	5,8
Соседи / Neighbours	36,1	41,6	42,3	27,8	34,1	24,4	20,2	20,7	20,5	10,2	2,1	10,3	10,3
Некоммерческие организации / Non-profit organizations	24,9	25,7	27,7	37,4	30,5	24,4	6,3	13,2	22,4	11,6	9,9	7,7	7,7
Местный бизнес / Local business	14,5	13,8	14,1	32,2	32,6	30,1	25,7	26,0	26,3	14,1	14,4	13,5	13,5
Местная власть / Local authorities	13,3	12,9	13,5	30,2	30,5	31,4	24,1	26,3	21,1	13,5	13,5	17,3	17,3

коллектива, некоммерческим организациям, местному бизнесу и местной власти – от 13,2 до 32,7 % респондентов. Считаем важным отметить, что недостаточно высокий уровень доверия членам коллектива и большая доля затруднившихся с ответом при оценке этого показателя объясняются тем, что среди респондентов имеется значительное число неработающих пенсионеров, т. е. не являющихся членами трудового коллектива.

Из представленных результатов анализа видно, что уровень доверия местной власти в трех городских округах Белгородской области крайне низкий.

Уровень *самоорганизации* сетевых сообществ определялся ответами на вопрос «Характерны ли для Вашей социальной группы в сетевом сообществе самоорганизация и саморегулирование сетевых взаимоотношений?». Результаты представлены на рисунке 3.

Р и с. 3. Распределение ответов на вопрос «Характерны ли для Вашей социальной группы в сетевом сообществе самоорганизация и саморегулирование сетевых взаимоотношений?», %

F i g. 3. Distribution of answers to the question “Is your social group in the online community characterized with self-organization and self-regulation of network interrelations?”, percent

Ответы респондентов трех городских округов в основном положительные и в своей массе отличаются незначительно. От 49,1 до 52,5 % опрошенных ответили «да», от 30,2 до 32,7 – «скорее да, чем нет», от 1,9 до 4,7 % респондентов затруднились с ответом.

В результате исследования определялся средний уровень *социального согласия*. Подавляющее большинство респондентов всех исследуемых групп (в среднем около 70 %) выражают социальное согласие с родны-

ми, друзьями и лично не знакомыми единомышленниками, в том числе в вопросах соучаствующего проектирования архитектурно-ландшафтного пространства города, в процессе ежедневного общения в социальных сетях. Отклонения в ответах в разрезе городских округов незначительны (не превышают 5 %). Достаточно большая часть респондентов (16,4 %) общаются в социальных сетях 1–2 раза в неделю, 7,7 % – 1–2 раза в месяц, 1,5 % – 1–2 раза в год. 2,9 % респондентов (в основном пенсионеры, представители старших возрастных групп) не поддерживают отношений посредством интернета.

При определении уровня *социальной солидарности* в сетевых сообществах как компонента системы формирования социального капитала местного сообщества большинство респондентов (93,5 %) подтвердили мнение, что социальные сети способствуют формированию чувства солидарности, консолидации социально-активных граждан. Также абсолютное большинство респондентов (85–90 %) согласились, что социальные сети способствуют вовлечению населения в создание комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города и порождают единство интересов, задач и действий, норм и взаимопонимание или же основывается на них.

Уровень восприятия и соблюдения *социальных норм* в сетевых сообществах определялся вопросом «Разделяете ли Вы сложившиеся нормы и правила общения, способствующие взаимопониманию и регуляции взаимодействий в социальной сети?». В среднем 49,9 % респондентов ответили положительно; 34,0 – «скорее да, чем нет», 10,3 – «скорее нет, чем да», 1,4 % – затруднились с ответом.

Достаточно высокие показатели уровней сформированности социокультурной идентификации, социального доверия, самоорганизации, социального согласия, социальной солидарности и социальных норм позволяют членам сетевых сообществ быть социально активными и инициативными.

Уровень проявления *социальной инициативы* членов сетевых сообществ определялся семью вопросами анкеты, отражающими оценку возможности проявления инициативы в местном сообществе, удовлетворенности существующими условиями ее проявления, готовности к проявлению инициативы и совместному участию в создании комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города с ближним окружением и субъектами местного уровня. Отметим результаты ответов на два наиболее важных, по нашему мнению, вопроса о социальной инициативе.

Ответы на вопрос «Вы готовы проявить инициативу для построения конструктивных отношений с близким окружением и субъектами местного уровня?» можно разделить на две группы. В первую вошли позиции готовности проявить инициативу для построения отношений с семьей, родственниками, друзьями, соседями и членами коллектива – от 79,0 до

97,1 % во всех трех городских округах; во вторую – с некоммерческими организациями, местным бизнесом и властью – от 50,2 до 76,5 % соответственно; затруднились с ответом от 1,9 до 15,7 % респондентов во всех исследуемых городских округах.

Далее респондентам предлагалось указать, в каких мероприятиях по созданию комфортного архитектурно-ландшафтного пространства и повышению качества среды обитания они готовы принимать участие. Составить обращение в местные органы власти по проблемам создания комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города готовы: в качестве организатора – 22,9 % опрошенных, активного участника – 40,2, вынужденного участника – 36,9 %. Подготовить материал для публикации в СМИ по проблемам создания комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города могут: в качестве организатора – 21,1 % опрошенных, активного участника – 39,1, вынужденного участника – 39,8 %. Создать контент по тематике формирования комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города на различных ресурсах в интернете согласились бы: в качестве организатора – 24,9 % опрошенных, активного участника – 41,3, вынужденного участника – 33,8 %.

Тесно связанный с уровнем проявления социальной инициативы уровень *социальной активности* членов сетевых сообществ определялся следующими вопросами анкеты. На вопрос «Реализовывали ли Вы свою активность через практическую деятельность по соучаствующему проектированию архитектурно-ландшафтного пространства города, осуществляемую некоммерческими организациями, общественными объединениями и гражданскими инициативами?» 40,7 % респондентов ответили утвердительно, 53,4 – отрицательно, в среднем 5,9 % затруднились с ответом.

Ответы на вопрос «Считаете ли Вы себя социально (общественно) активным?» показали, что более активными в этом плане считают себя акторы сетевых сообществ г. Белгорода (63,7 %), а наименьшую инициативу проявляют респонденты г. Губкина (51,3 %).

Одним из важных элементов системы формирования социального капитала местного сообщества в процессе соучаствующего проектирования комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города является *социальное участие* членов сетевых сообществ. Развитие этого компонента рассматриваемой системы определялось нами с помощью семи вопросов анкеты. Проанализируем некоторые из них.

Ответы на вопрос «Совместно с кем Вы занимались безвозмездной добровольной деятельностью по обсуждению и реализации проектов архитектурно-ландшафтного обустройства и повышения комфортности городской среды обитания?» можно разделить на две группы. В первую вошли ответы, отражающие взаимодействие с ближним окружением: семьей, родственниками, друзьями, соседями и членами коллектива – от

11,5 до 32,5 % во всех исследуемых городских округах. Вторая группа более малочисленна. Совместно с представителями некоммерческих организаций, местного бизнеса и власти занимались такой деятельностью в среднем 3,1 % респондентов.

Среди наиболее значимых мероприятий по созданию комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города фигурируют онлайн-взаимодействие членов сетевых сообществ с представителями местной власти (управление архитектуры и градостроительства и др.); обсуждение архитектурно-ландшафтных проектов в фокус-группах, домовых комитетах, дворовых товариществах собственников жилья, территориальных общественных советах, общегородских воркшопах; личное участие в проводимых субботниках по архитектурно-ландшафтному обустройству территории; информация и обращения в СМИ и др.

На вопрос «В каких конкретных мероприятиях соучаствующего проектирования объектов архитектурно-ландшафтного пространства города Вы принимали участие?» лидировали варианты ответов «в обсуждении архитектурно-ландшафтных проблем с друзьями и соседями, обустройстве и зеленом строительстве на территории двора», «в опросах жителей дома, двора, микрорайона», «в ознакомительных прогулках по предполагаемой территории обсуждаемого архитектурно-ландшафтного проекта с организацией фотофиксации элементов визуальной среды», «в обсуждении отдельных архитектурно-ландшафтных проектов в интернет-сообществах». Мнения респондентов трех обследуемых городских округов расходятся незначительно. Более активное участие в соучаствующем проектировании комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города принимают белгородцы.

Среди ответов на вопрос «Основные мотивы Вашего участия в конкретных мероприятиях по созданию комфортного архитектурно-ландшафтного пространства двора, микрорайона, общественных пространств города?» (разрешалось отметить не более 5 позиций) доминировали варианты «возможность принести пользу людям», «общение с интересными людьми», «приобрести навыки архитектурно-ландшафтного обустройства территории», «повысить комфортность и эстетичность собственной архитектурно-ландшафтной среды обитания» (от 40 до 57 % ответов). Преобладающим мотивом является повышение комфортности и эстетичности собственной архитектурно-ландшафтной среды обитания. Вторую группу составили ответы «приобретение полезных связей и знакомств», «получить дополнительные знания по декоративной дендрологии, цветоводству, архитектурно-ландшафтному искусству» (от 33 до 40 %). В третью группу вошли ответы респондентов, набравшие от 5 до 15 %: «реализация собственных идей», «повышение собственного статуса», «возможность решать собственные проблемы», «возможность влиять

на общественное мнение», «перспективы профессионального роста», «возможность влиять на принятие решений в органах власти», «в общественной жизни участвовать не собираюсь».

Структурным компонентом, завершающим цикл формирования социального капитала местного сообщества, по нашему мнению, является уровень *социальной ответственности* членов сетевых сообществ. Так, на вопрос «В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит с состоянием архитектурно-ландшафтного обустройства селитебной территории: дома, жилого двора, микрорайона, города в целом?» ответили «в полной мере» 65,2 % респондентов, «в значительной мере» – 27,2, «в незначительной мере» – 4,7 %. Не чувствуют ответственности 2,2 % и затрудняются с ответом 0,7 % опрошенных.

Для концентрированного отражения полученных в исследовании данных была проведена индексация ответов респондентов, в результате которой определены следующие усредненные индексы, характеризующие уровень сформированности десяти структурных компонентов социального капитала местного сообщества: социокультурная идентификация – 46,1 %, социальное доверие – 41,3, самоорганизация – 59,6, социальное согласие – 65,5, социальная солидарность – 54,0, социальные нормы – 55,9, социальная инициатива – 39,0, социальная активность – 43,4, социальное участие – 46,9, социальная ответственность – 40,5 %. Показатели свидетельствуют о среднем уровне сформированности социального капитала сетевыми сообществами трех городских округов Белгородской области.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что социальный капитал представляет собой ресурс местного сообщества, формирующийся при наличии социальных сетей и способствующий достижению целей развития, в том числе соучаствующего проектирования комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города.

Обсуждение и заключение. Анализ результатов социологического исследования показал, что партисипативное проектирование архитектурно-ландшафтного пространства города является важным направлением консолидации коллективной деятельности местного сообщества. Состояние социального капитала зависит от степени вовлеченности сетевых сообществ в партисипативное проектирование архитектурно-ландшафтного пространства города и процесс практического решения общественно значимых проблем весьма важен в контексте социальной консолидации местного сообщества. Консолидация местного сообщества для решения проблем формирования комфортного архитектурно-ландшафтного пространства города осуществляется за счет вовлечения ближайшего окружения (родных, друзей, коллег, соседей), а не субъектов местного уровня (некоммерческих организаций, бизнеса, власти). Полученные в результате исследования данные станут основой для разработки со-

циальной технологии формирования и воспроизводства социального капитала местного сообщества.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в систематизации и углублении имеющихся научных представлений о структуре и функциях социального капитала, особенностях процесса его формирования сетевыми сообществами при партисипативном проектировании.

Разработанный и апробированный при проведении исследования инструментарий диагностики состояния социального капитала муниципальных образований, проблем его формирования может использоваться для социального проектирования в системе управления и проведении социологических исследований по аналогичной и смежной тематике. Также результаты исследования имеют практическую пользу для управленцев-практиков, архитекторов и ландшафтных дизайнеров при разработке и реализации программ формирования комфортной для проживания, трудовой и рекреационной деятельности городской среды обитания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Marsh C. Social Capital and Democracy in Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. 2000. № 33. P. 183–199. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(00\)00003-9](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(00)00003-9)
2. Twigg J. L. Social Capital // *Russia's Regions. Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia* / eds. J. L. Twigg, K. Schecter. Armonk, 2003. P. 168–188. URL: <https://www.crcpress.com/Social-Capital-and-Social-Cohesion-in-Post-Soviet-Russia/Twigg-Schecter/p/book/9780765612243> (дата обращения: 24.12.2018).
3. Parker A., Halgin D. S., Borgatti S. P. Dynamics of Social Capital: Effects of Performance Feedback on Network Change // *Organization Studies*. 2016. Vol. 37, issue 3. Pp. 375–397. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840615613371>
4. Liang Q., Lu H., Deng W. Between Social Capital and Formal Governance in Farmer Cooperatives: Evidence from China // *Outlook on Agriculture*. 2018. Vol. 47, issue 3. Pp. 196–203. DOI: <https://doi.org/10.1177/0030727018778603>
5. Huang Y. Social Capital and Social Trust in Urban China // *Chinese Journal of Sociology*. 2018. Vol. 4, issue 4. Pp. 481–505. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057150X18790083>
6. Alha A. The Other Side of Caste as Social Capital // *Social Change*. 2018. Vol. 48, issue 4. Pp. 575–588. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049085718801490>
7. Ryu S. To Bond or to Bridge? Contingent Effects of Managers' Social Capital on Organizational Performance // *The American Review of Public Administration*. 2017. Vol. 47, issue 4. Pp. 403–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0275074015598392>
8. Tulin M., Lancee B., Volker B. Personality and Social Capital // *Social Psychology Quarterly*. 2018. Vol. 81, issue 4. Pp. 295–318. DOI: <https://doi.org/10.1177/0190272518804533>

9. Project Complexity and Bonding Social Capital in Network Organizations / C. B. Moore [et al.] // *Group & Organization Management*. 2018. Vol. 43, issue 6. Pp. 936–970. DOI: <https://doi.org/10.1177/1059601116650556>
10. Geber S., Scherer H., Hefner D. Social Capital in Media Societies: The Impact of Media Use and Media Structures on Social Capital // *International Communication Gazette*. 2016. Vol. 78, issue 6. Pp. 493–513. DOI: <https://doi.org/10.1177/1748048516640211>
11. Cristie V., Berger M. Game Engines for Urban Exploration: Bridging Science Narrative for Broader Participants // *Playable Cities: The City as a Digital Playground* / A. Nijholt (Ed.). Singapore: Springer Singapore, 2017. Pp. 87–107. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-10-1962-3>
12. Афанасьев Д. В., Гужавина Т. А., Мехова А. А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 6. С. 110–125. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.6>
13. Демкив О. Концепция группового социального капитала и ее адаптация к отечественным условиям // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2005. № 4. С. 107–117. URL: <http://ecsocman.hse.ru/soc-ua/msg/18834025.html> (дата обращения: 24.12.2018).
14. Курбатова М. В., Левин С. Н., Каган Е. С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 37–51. URL: <http://ons.naukaran.com/stati/struktura-sotsialnogo-kapitala-kak-faktor-institutsionalnogo-razvitiya-regiona/> (дата обращения: 24.12.2018).
15. Лукьянова Е. Г. Социальный капитал и его роль в построении гражданского общества в России // *Государство и право*. 2006. № 3. С. 86–89. URL: <http://www.igpran.ru/journal/biblio/index.php> (дата обращения: 24.12.2018).
16. Немировская Л. З. Проблема социокультурной идентичности и самоидентификации // *Вестник Российского нового университета*. 2012. № 1 С. 20–29. URL: <http://vestnik-rosnou.ru/node/235> (дата обращения: 24.12.2018).
17. Федоровский А. П. Социокультурная идентичность в современной социальной теории // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1. URL: <http://soc.adygnet.ru/?2012.1:1579#1579> (дата обращения: 25.08.2018).
18. Черняева К. О. Практики формирования идентичности в социальных сетях Интернета // *Вестник СГТУ*. 2009. Т. 4, № 1 (42). С. 296–304. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13058043> (дата обращения: 25.08.2018).
19. Доверие как элемент социального капитала современной России (компаративистский анализ) / М. Сасаки [и др.] // *Мир России*. 2010. Т. 19, № 2. С. 78–97. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5096> (дата обращения: 25.08.2018).
20. Иванов А. В. Теория социального доверия: методологические проблемы социально-философской концептуализации // *Современные проблемы*

науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (дата обращения: 25.08.2018).

21. Мамедов Н. М. Доверие, капитал и основа партнерства // Государственная служба. 2015. № 5 (97). С. 10–14. URL: <http://pa-journal.igsu.ru/articles/r48/3325/> (дата обращения: 25.08.2018).

22. Алиева Н. З. Самоорганизация современного социума: социосинергетический подход // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17654> (дата обращения: 25.08.2018).

23. Егоров М. В. Факторы развития механизмов самоорганизации социума // Дискуссия. 2015. № 5 (57). С. 74–79. URL: <https://www.journal-discussion.ru/vypuski-zhurnala/vypusk-nomer-57-maj-2015/statya-1601> (дата обращения: 25.08.2018).

24. Черникова Е. И., Трунов А. А. Роль социального согласия в преодолении конфликтности российского общества // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2006. № 1. С. 57–59. URL: <https://белюи.мвд.рф/Nauka/izdaniya/vestnik/nomera/2006> (дата обращения: 24.11.2018).

25. Ксенофонтова И. В. Новые солидарности в Интернете (на примере движения «За честные выборы») // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 125–137. URL: <http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2013/no2/125.htm> (дата обращения: 24.11.2018).

26. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 3–20. URL: <https://sociologica.hse.ru/2011-10-3/46793461.html> (дата обращения: 24.11.2018).

27. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья вторая // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 19–39. URL: <https://sociologica.hse.ru/2012-11-1/53703362.html> (дата обращения: 24.11.2018).

28. Хоконов А. А. Социальная солидарность как базисный фактор развития гражданского общества // Экономика и социум: современные модели развития. 2016. № 12. С. 114–124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27708277> (дата обращения: 24.11.2018).

29. Девятко И. Ф. Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 35–43. URL: <http://socis.isras.ru/article/6471> (дата обращения: 24.11.2018).

30. Добрин К. Ю. Социальная норма в традиционном и современном обществе // Вестник Поволжского института управления. 2011. № 1 (26). С. 116–121. URL: http://vestnik.pags.ru/vestnik/bulletin_number_26.php?bitrix_include_areas=Y&clear_cache=Y (дата обращения: 24.11.2018).

31. Ерышов Д. В. Социальные нормы как механизм регуляции общественного сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 38–41. URL: <http://online-science.ru/m/products/PSYCHOLOGICAL%20SCIENCES%20AND%20Cultural%20Studies/gid2942/pg0/> (дата обращения: 24.11.2018).

32. Гетьман Е. В. Социальная инициатива как составляющая корпоративной социальной ответственности // Региональная экономика и управление. 2016. № 3 (10). С. 22–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26300186> (дата обращения: 24.11.2018).

33. Королева Г. М. Социальные инициативы молодежи в культурном развитии регионов // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 142–152. URL: <http://www.socgum-zhurnal.ru/index.php/cod/2010/number2> (дата обращения: 24.11.2018).

34. Васильева Е. Н., Полтавская М. Б. Экономическая и социальная активность населения как индикатор формирования социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (36). С. 113–119. URL: https://izvuz_on.pnzu.ru/on14415 (дата обращения: 24.11.2018).

35. Пилюшвили Т. С., Минаева А. С. Активность личности в социальных сетях и становление субъектности в информационном мире // Акмеология. 2016. № 1. С. 85–89. URL: <https://acmeology.elpub.ru/jour/article/view/905> (дата обращения: 24.11.2018).

36. Судакова С. В. Социальная активность граждан как важный ресурс успеха местного самоуправления // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2015. № 4. С. 26–33. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/2015/04/toc_ru.asp (дата обращения: 24.11.2018).

37. Миронов А. В. Социальное участие и нравственный конфликт в политической этике // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2016. № 2. С. 99–106. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/content/philosophy/2016/02/toc_ru.asp (дата обращения: 24.11.2018).

38. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 130–139. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (дата обращения: 24.11.2018).

39. Безрукова О. Н. Ответственность в социологическом дискурсе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 2. С. 132–141. URL: <http://ecsocman.hse.ru/soc-ua/msg/50332822.html> (дата обращения: 24.11.2018).

40. Иванова Т. Н. Благоустройство городской среды как значимый фактор повышения качества жизни г. о. Тольятти // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 38. С. 62–69. URL: <http://ekoncept.ru/2016/56807.htm> (дата обращения: 12.08.2018).

Поступила 06.02.2019; принята к публикации 15.03.2019; опубликована онлайн 28.06.2019.

Об авторах:

Бахарев Виктор Владимирович, профессор кафедры социологии и управления ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова» (308012, Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46), доктор

социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0539-9260>, socioecolog@mail.ru

Демина Виктория Александровна, аспирант кафедры социологии и управления ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова» (308012, Россия г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4881-6263>, archideya2012@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Бахарев Виктор Владимирович – научное руководство социологическим исследованием; проведение критического анализа материалов; окончательная доработка текста статьи.

Демина Виктория Александровна – разработка программы, инструментария; проведение исследования и первичная обработка полученных результатов; подготовка начального проекта текста статьи.

Для цитирования:

Бахарев В. В., Демина В. А. Участие сетевых сообществ в формировании социального капитала в процессе партисипативного проектирования архитектурно-ландшафтного пространства города // Регионология. 2019. Т. 27, № 2. С. 354–381. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.354-381>

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Marsh C. Social Capital and Democracy in Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2000; 33:183-199. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(00\)00003-9](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(00)00003-9)
2. Twigg J.L. Social Capital. In: Russia's Regions. Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia / eds. J. L. Twigg, K. Schecter. Armonk, 2003. p. 168-188. Available at: <https://www.crcpress.com/Social-Capital-and-Social-Cohesion-in-Post-Soviet-Russia/Twigg-Schecter/p/book/9780765612243> (accessed 24.12.2018).
3. Parker A., Halgin D.S., Borgatti S.P. Dynamics of Social Capital: Effects of Performance Feedback on Network Change. *Organization Studies*. 2016; 37(3):375-397. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840615613371>
4. Liang Q., Lu H., Deng W. Between Social Capital and Formal Governance in Farmer Cooperatives: Evidence from China. *Outlook on Agriculture*. 2018; 47(3): 196-203. DOI: <https://doi.org/10.1177/0030727018778603>
5. Huang Y. Social Capital and Social Trust in Urban China. *Chinese Journal of Sociology*. 2018; 4(4):481-505. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057150X18790083>
6. Alha A. The Other Side of Caste as Social Capital. *Social Change*. 2018; 48(4):575-588. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049085718801490>

7. Ryu S. To Bond or to Bridge? Contingent Effects of Managers' Social Capital on Organizational Performance. *The American Review of Public Administration*. 2017; 47(4):403-418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0275074015598392>
8. Tulin M., Lancee B., Volker B. Personality and Social Capital. *Social Psychology Quarterly*. 2018; 91(4):295-318. DOI: <https://doi.org/10.1177/0190272518804533>
9. Moore C.B., Payne G.T., Autry C.W., Griffis S.E. Project Complexity and Bonding Social Capital in Network Organizations. *Group & Organization Management*. 2018; 43(6):936-970. DOI: <https://doi.org/10.1177/1059601116650556>
10. Geber S., Scherer H., Hefner D. Social Capital in Media Societies: The Impact of Media Use and Media Structures on Social Capital. *International Communication Gazette*. 2016; 78(6):493-513. DOI: <https://doi.org/10.1177/1748048516640211>
11. Cristie V., Berger M. Game Engines for Urban Exploration: Bridging Science Narrative for Broader Participants. In: Playable Cities: The City as a Digital Playground. Singapore: Springer Singapore; 2017. p. 87-107. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-10-1962-3>
12. Afanasyev D.V., Guzhavina T.A., Mekhova A.A. [Social Capital in the Region: On Measuring and Building the Indicator Model]. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Tendencies, Forecast. 2016; (6):110-125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.6>
13. Demkiv O. [Concept of Group Social Capital and its Adaptation to Domestic Conditions]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* = Sociology: Theory, Methods, Marketing. 2005; (4):107-117. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/soc-ua/msg/18834025.html> (accessed 24.12.2018). (In Russ.)
14. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S. [The Structure of Social Capital as a Factor of Institutional Development of the Region]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Contemporary World. 2010; (6):37-51. Available at: <http://ons.naukaran.com/stati/struktura-sotsialnogo-kapitala-kak-faktor-institutsionalnogo-razvitiya-regiona/> (accessed 24.12.2018). (In Russ.)
15. Lukyanova E.G. [Social Capital and Its Role in the Construction Civil Society in Russia]. *Gosudarstvo i pravo* = State and Law. 2006; (3):86-89. Available at: <http://www.igpran.ru/journal/biblio/index.php> (accessed 24.12.2018). (In Russ.)
16. Nemirovskaya L.Z. Socio-Cultural Identity and Self-Identity Problem. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta* = Vestnik of Russian New University. 2012; (1):20-29. Available at: <http://vestnik-rosnou.ru/node/235> (accessed 24.12.2018). (In Russ.)
17. Fedorovskiy A.P. Sociocultural identity in the modern social theory. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* = The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology". 2012; (1). Available at: <http://soc.adygnet.ru/?2012.1:1579#1579> (accessed 24.12.2018). (In Russ.)

18. Chernyaeva K.O. [Practices of Identity Formation in Social Networks on the Internet]. *Vestnik SGTU* = Vestnik Saratov State Technical University. 2009; 4(1):296-304. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13058043> (accessed 24.12.2018). (In Russ.)

19. Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Yu.V., Romashkin G.S., Trust as an Element of Social Capital in Contemporary Russia (a Comparative Analysis). *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2010; 19(2):78-97. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5096> (accessed 24.12.2018). (In Russ.)

20. Ivanov A.V. Theory of Social Trust: Methodological Problems of Social-Philosophical Conceptualization. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2015; 1(1):17-34. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18840> (accessed 25.08.2018). (In Russ.)

21. Mamedov N.M. Confidence is the Capital and Basis for the Partnership. *Gosudarstvennaya sluzhba* = Public Administration. 2015; (5):10-14. Available at: <http://pa-journal.igsu.ru/articles/r48/3325/> (accessed 25.08.2018). (In Russ.)

22. Alieva N.Z. Self Modern Society: Sotsiosinergetichesky Approach. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2015; (1-1). Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17654> (accessed 25.08.2018). (In Russ.)

23. Egorov M.V. The Factors of Society's Self-Organization Mechanisms' Development. *Diskussiya* = Discussion. 2015; (5):74-79. Available at: <https://www.journal-discussion.ru/vypuski-zhurnala/vypusk-nomer-57-maj-2015/statya-1601> (accessed 25.08.2018). (In Russ.)

24. Chernikova E.I., Trunov A.A. [The Role of Social Harmony in Overcoming the Conflict of Russian Society]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina* = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2006; (1):57-59. Available at: <https://белюи.мвд.рф/Наука/izdaniya/vestnik/nomera/2006> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

25. Ksenofontova I.V. New Solidarities on the Internet: From Discussion to Action (the Case of the Movement "For Honest Elections"). *Etnograficheskoye obozreniye* = Ethnographic Review. 2013; (2):125-137. Available at: <http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2013/no2/125.htm> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

26. Filippov A.F. Mobility and Solidarity. Paper 1. *Sotsiologicheskoye obozreniye* = Russian Sociological Review. 2011; 10(3):3-20. Available at: <https://sociologica.hse.ru/2011-10-3/46793461.html> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

27. Filippov A.F. Mobility and Solidarity. Paper 2. *Sotsiologicheskoye obozreniye* = Russian Sociological Review. 2012; 11(1):19-39. Available at: <https://sociologica.hse.ru/2012-11-1/53703362.html> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

28. Khokonov A.A. Social Solidarity as a Basis Factor of Development of Civil Society. *Ekonomika i sotsium: sovremennyye modeli razvitiya* = Economics and Society: Modern Development Models. 2016; 1(2):114-124. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27708277> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

29. Devyatko I.F. Social Norms: from Attempts of Definition towards New Theoretical Questions and Theories of Normativity. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = Sociological Studies. 2016; (12):35-43. Available at: <http://socis.isras.ru/article/6471> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

30. Dobrin K.Yu. Social Norm in Traditional and Modern Society. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* = Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2011; (1):116-121. Available at: http://vestnik.pags.ru/vestnik/bulletin_number_26.php?bitrix_include_areas=Y&clear_cache=Y (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

31. Eryshov D.V. Social Norms as a Regulatory Mechanism of Social Consciousness. *Gumanitarnye, sotsialno-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki* = Humanities, Social-Economical and Social Sciences. 2015; (8):38-41. Available at: <http://online-science.ru/m/products/PSYCHOLOGICAL%20SCIENCES%20AND%20Cultural%20Studies/gid2942/pg0/> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

32. Getman E.V. Social Initiative as Part of Corporate Social Responsibility. *Regionalnaya ehkonomika i upravlenie* = Regional Economics and Management. 2016; (3):22-25. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26300186> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

33. Korolyova G.M. [Social Initiatives of Young People in the Cultural Development of Regions]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* = Socio-Humanitarian Knowledge. 2010; (2):142-152. Available at: <http://www.socgum-zhurnal.ru/index.php/cod/2010/number2> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

34. Vasilieva E.N., Poltavskaya M.B. Economical and Social Activity of Population as an Indicator of Social Capital Formation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2015; (4):113-119. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on14415 (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

35. Pilishvili T.S., Minaeva A.S. Social Networking Activity of Personality and Subjectivity Formation in the Information World. *Akmeologiya* = Acmeology. 2016; (1):85-89. Available at: <https://acmeology.elpub.ru/jour/article/view/905> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

36. Sudakova S.V. Social Activity as an Important Resource of Success of Local Self-Government. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo"* = Proceedings of VSU. Series: Law. 2015; (4):26-33. Available at: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/2015/04/toc_ru.asp (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

37. Mironov A.V. Social Participation and Moral Conflict in Political Ethics. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya"* = Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy. 2016; (2):99-106. Available at: http://www.vestnik.vsu.ru/content/phylosophy/2016/02/toc_ru.asp (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

38. Skalaban I.A. Social, Public and Civil Participation: the Problem of Conceptual Understanding and Misunderstanding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya"* = Tomsk State University

Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2011; (1):130-139. Available at: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

39. Bezrukova O.N. [Responsibility in Sociological Discourse]. *Sotsiologia: teoriya, metody, marketing* = Sociology: Theory, Methods, Marketing. 2010; (2):132-141. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/soc-ua/msg/50332822.html> (accessed 24.11.2018). (In Russ.)

40. Ivanova T.N. [Improvement of the Urban Environment as a Significant Factor in Improving the Quality of Life in the City of Tolyatti]. *Kontsept: nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal* = Concept: Scientific and Methodical Electronic Journal. 2016; 38:62-69. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56807.htm> (accessed 12.08.2018). (In Russ.)

Submitted 06.02.2019; accepted for publication 15.03.2019; published online 28.06.2019.

About the authors:

Victor V. Bakharev, Professor, Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov (46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russia), Dr. Sc. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0539-9260>, socioecolog@mail.ru

Victoria A. Demina, Postgraduate, Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov (46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4881-6263>, archideya2012@gmail.com

Contribution of the authors:

Victor V. Bakharev – scientific supervision over the sociological research; critical analysis of the materials; final revision of the text of the article.

Victoria A. Demina – development of the program; tools; conducting the research and initial analysis of the results; preparation of the initial draft text of the article.

For citation:

Bakharev V.V., Demina V.A. Participation of Online Communities in the Formation of Social Capital in the Process of Participatory Design of Architectural and Landscape Space of the City. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):354-381. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.354-381>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» принимает не опубликованные ранее оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионоведение» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год). Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Электронные версии статей размещаются на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Regionology journal accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

To submit an article in the journal *Regionology* you should know.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Regionology* journal uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa (a review stays valid for 1 year). On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

Electronic copies of the journal with full text of the articles in PDF are in free access at the website of Academic Electronic Library. The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Журнал «Регионология» стал участником Ассоциации научных издателей открытого доступа (OASPA)

Миссия организации

Миссия OASPA состоит в том, чтобы представлять интересы журналов и издательств открытого доступа по различным научным, техническим и академическим дисциплинам во всем мире. Задачи миссии решаются путем обмена информацией и поощрения инноваций, договоренностей о международных стандартах, а также через осуществление информационно-просветительской и образовательной деятельности.

OASPA является надежным оператором открытого доступа для заинтересованных сторон и местом для продуктивного сотрудничества. Одной из основных целей OASPA является поддержка перехода к среде, в которой открытый доступ становится преобладающей моделью публикации результатов научных исследований.

OASPA сосредоточена на следующих областях:

- лидерство и развитие – обеспечение лидерства в открытом пространстве доступа с помощью мероприятий, которые повышают осведомленность о преимуществах публикаций открытого доступа, пропагандируют ценность, которую издатели вносят в процесс публикационной деятельности, и выделяют различные аспекты, которые расширяют и поддерживают публикации открытого доступа;
- продуктивное сотрудничество – приглашение заинтересованных сторон в сообщество для обсуждения проблем и возможностей публикаций открытого доступа и обмена опытом;
- установление стандартов – продвижение лучших практик и этических стандартов для сохранения честности научной деятельности;
- содействие инновациям – содействие разработке и распространению инновационных подходов к научным публикациям и связанных с этим возможностей, которые предоставляет контент открытого доступа;
- поддержка рынка открытого доступа – содействие развитию разнообразных бизнес-моделей и методов, поддерживающих контент открытого доступа, и оказание помощи динамичному и конкурентному рынку публикаций открытого доступа в долгосрочной перспективе.

Официальная ссылка на страницу участника: <https://oaspa.org/member/ogarev-mordovia-state-university/>

The journal is a member of Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA)

Mission of OASPA

Representing a community of scholarly publishers and related organisations, OASPA is committed to developing and disseminating solutions that advance open access, preserve the integrity of scholarship, and promote best practice. OASPA is a trusted convenor of open access stakeholders and a venue for productive collaboration.

One of the core goals of OASPA is to support the transition to a world in which open access becomes the predominant model of publication for scholarly outputs. Another core goal of OASPA is to help ensure a diverse, vibrant, and healthy open access market that supports a wide variety of innovative solutions and business models.

OASPA focus on the following areas:

- Leadership and Development – Providing leadership in the open access space through activities that create awareness of the benefits of open access publishing, promote the value publishers bring to the publication process, and highlight the various policies that enhance and support open access publications.
- Productive Collaboration – Convening stakeholders within the community to discuss problems and opportunities within open access publishing and to share experiences.
- Setting Standards – Promoting best practice and ethical standards to preserve the integrity of scholarship.
- Promoting Innovation – Contributing to the development and dissemination of innovative approaches to scholarly publishing and the related opportunities that open access content allows.
- Supporting the Open Access Market – Promoting the development of diverse business models and policies that support pure open access publishing, and will sustain a vibrant and competitive market for pure open access publishing in the longer term.

Official reference to the page of the participant: <https://oaspa.org/member/ogarev-mordovia-state-university/>

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова.*

Компьютерная верстка *А. С. Полутина.*

Перевод *А. В. Пузакова.*

Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 31.05.2019. Дата выхода в свет 28.06.2019. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 1163. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

http://regionsar.ru

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova.*

Desktop publishing by *A. S. Polutin.*

Translation by *A. V. Puzakov.*

Sub-editor (editor on release) *E. P. Gordina.*

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov.*

Subscription index in the catalogue of *Rospachat Agency:* 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016

Signed to print 31.05.2019. Date of publishing 28.06.2019. Sheet size 60x84 1/16. Conventional printed sheets 11,16. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 1163. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

http://regionsar.ru

Address of the Founder and Publisher: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia (Publishing House of National Research Mordovia State University)

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.